

РОМАН ОБ ИРЛАНДСКОЙ МАФИИ

ПОДЛЫЙ
ОБМАНЩИК

КБ ВИНТЕРС

BestRomanceBooks

Автор: КБ Винтерс

Название: Подлый обманщик

Серия: Подлый обманщик

Рейтинг: 18+

Переводчик: Оля Соколова

Пролог

Я вижу луну, а она видит меня,

Просвечивая сквозь листья старого дуба.

О, пусть свет, озаряющий меня,

Озарит того, кого я люблю, — пела моя мама, качаясь в кресле-качалке.

Ночной ветерок свистел сквозь открытое окно, охлаждая жаркий летний воздух. Я резко моргнул и уставился на яркую луну, висящую высоко в небе. Мама, сидя в кресле-качалке, укачивала моего братишку Айдена. Она любила петь колыбельные, чтобы мы поскорее уснули. Ее голос был нежным и веселым, согревал сердце, внушал доверие.

У нее был красивый голос. Лишь его я любил слушать. Мама должна была бы выступать на радио, чтобы люди во всем мире могли оценивать ее прекрасный голос.

В тот момент, когда мама начала второй куплет песни, громкий звук раздался в проходе подъезда нашего многоквартирного дома. Жуткий звук. Выкрикивающие что-то голоса. Шум был нормальным явлением в нашем доме, потому что мы жили в городе, а в округе было полно головорезов и наркоманов. Так что большую часть времени мы не обращали внимания на звуки очередных разборок в коридоре. Они ничем не отличались от гула пролетающего над головой самолета или автомобильного сигнала на улице.

Заглушая шум, она продолжила пение, увеличивая громкость голоса, чтобы скрыть этот шум.

За горы, за моря,

Туда, где сердце жаждет быть.

О, пусть свет, озаряющий меня,

Озаряет того, кого я люблю.

Шум в подъезде становился все громче, приближаясь в нашу сторону. Мама резко метнула взгляд в сторону двери, и я заметил в ее глазах намек на тревогу, но она продолжала громко петь. За шквальными ударами в дверь последовали звук ломающегося дерева и звуки, издаваемые теми, кто вломился в гостиную. Мама замолкла, и я с неподдельным ужасом посмотрел ей в глаза.

Дикий шум заставил меня выпрыгнуть из постели, мое сердце колотилось так сильно, до боли, в то время как я смотрел широко открытыми глазами на дверной проем.

— Что это...

— Не беспокойся, сынок, — сказала мама, укладывая моего братишку в колыбель, и, прежде чем уложить меня в постель, поцеловала в лоб. — Твоя мама разберется с этим.

— Полиция. У нас есть ордер, — услышал я голос из другой комнаты.

Полицейские должны быть справедливыми или что-то в этом роде, я узнал это из телевизора. Они не навредят нам. Они помогут нам. Это то, что я всегда себе говорил. Но почему они были здесь, в нашем доме? Почему они выломали дверь?

Мой братишка Айден заплакал в кровати, но, несмотря на это, мама не подходила к нему. Зато с испуганным видом она вытащила что-то из своего кармана. Эта вещь мерцала при лунном свете, напоминая мне об игрушке, которую я когда-то получил на день рождения. Но в ней было больше металла, и она издавала отчетливый, но странный щелкающий звук, когда пальцы моей матери проводили по ней.

— Теперь ты останешься здесь, любовь моя. И помните, что я люблю вас, сыновья. Я всегда буду любить вас, несмотря ни на что, — сказала мне мама, направляясь к двери. — Заботься о своем брате, Флинн. Всегда. Убедись, что ты позаботишься о своем братишке. Он будет нуждаться в тебе.

Позаботиться о нем? Я был слишком мал, что она...

Бросив на меня последний взгляд, наполненный огромной любовью и теплом, мама вышла из комнаты, закрыв за собой дверь. Разразился громкий стук, и наша квартира наполнилась криками и визгом.

До смерти перепуганный я заполз обратно в свою постель и укрылся с головой шерстяным одеялом, надеясь спрятаться от того, кто бы там ни был. Я твердил себе, что находятся полицейские, которые защитят нас. Они были здесь, чтобы спасти нас от всевозможных плохих вещей, которые происходили за дверью. Они должны были нас спасти. Если нет, то зачем они были здесь?

Крики и визг, казалось, длились бесконечно, и из-за всего этого мое сердце грохотало в груди. Но как только все успокоилось, я набрался смелости, чтобы стянуть одеяло с головы и встать с постели. Медленно я подкрался к двери, когда она неожиданно распахнулась, едва не ударив меня. Я уставился в глаза офицеру полиции. Он посмотрел на меня с презрением, его глаза не были злыми, но лицо было запачкано кровью. Вид крови напугал меня, и я задался вопросом, как она оказалась у него на лице.

Я ничего не мог понять. Слезы жалили мои глаза, в то время как я старался быть храбрым, пытаюсь разобраться, где сейчас моя мама, и что же случилось.

— Здесь дети, — прокричал офицер.

— Уведи их оттуда, — крикнул ему другой.

Коп поднял меня на руки, закрыв мне глаза рукой, но это было бесполезно. Я вырывался от него, борясь и брыкаясь, когда он попытался забрать меня из моего дома, подальше от мамы. Я так сильно пнул его ногой, что он вскрикнул от боли и отпустил меня.

Освободившись, я побежал по коридору в гостиную. В ней было еще больше офицеров, и все они смотрели на меня с удивленным выражением на лицах. И тогда я увидел ее. Я подбежал к маме, которая была ранена и истекала кровью на полу, упал на колени возле нее и смотрел.

— Мамочка, — кричал я, трогая ее лицо. — Мамочка, проснись!

Она не отвечала, продолжая лежать на полу и истекать кровью.

— Мамочка!

Коп схватил меня снова, на этот раз его хватка была крепче, чем прежде. Я снова сопротивлялся ему, громко прося кого-нибудь помочь мне, помочь моей маме, но он вынес меня оттуда. Снаружи я не мог помочь маме. Почему никто не помогал ей? Где мой брат? Мужчина посадил меня на заднее сидение полицейской машины, я крепко прижал свои ноги к груди и стал звать на помощь.

— Мы не нашли его. Его там не было, — услышал я, как один офицер сказал другому. — Там оказалась только его жена, с которой не обошлось без стрельбы. У нас не было выбора.

Мы должны были ответить. К счастью, мы все же были наготове и взяли ее, не понеся больших потерь. Плохо, конечно, что не было никакого намека на присутствие здесь О'Брайена.

— Думаешь, она знала, что мы придем?

— Должно быть. Но не знаю, кто бы мог их предупредить, — сказал офицер. — Жаль, что ей пришлось умереть из-за своего мужа.

Я так и не понял, что он имел в виду, и этот вопрос преследовал меня большую часть моей жизни. Возможно, кто-нибудь скажет, что случившееся той ночью превратило меня в монстра.

1

Эйва

— В последнее время, мы наблюдали всплеск насилия, — сказал он. — Главным образом, в одних и тех же районах города. Кто-нибудь хочет высказать предположения о том, что может быть причиной такого резкого скачка?

Это был мой первый день заседания с Чикагским департаментом полиции, и, судя по их лицам, они не были рады моему присутствию. Я хотела, чтобы они забыли о мелких идиотских разборках за территорию, но могла сказать, что они этого не хотели. Я знала, что федералы, вторгающиеся в твою работу и явно игнорирующие сбор информации, которую ты уже включил в материалы дела, были для них как пощечина. Я сама помнила те дни, поэтому испытывала к ним некую симпатию. Но из-за недавно совершенного преступления, которое мы расследовали, настало время привлечь экспертов.

Нравится это или нет — а им, разумеется, нет — они вынуждены были смириться и иметь дело со мной.

— Это чертовы картели, — высказался один из офицеров. — Они годами накачивали город наркотой. Начинали с малого, но теперь обнаглели окончательно. Они пытаются наводнить улицы и захватить власть.

Я осмотрела кабинет и заметила несколько человек, кивающих головой. Разумеется, остальные тоже согласились с его мнением.

Я подошла к нему, чтобы прочитав его имя на жетоне.

— Офицер Вон, сделать из наркокартеля козла отпущения проще простого, но могу Вас заверить, это не то, с чем мы имеем дело.

— Конечно, это оно и есть, — ухмыльнулся он. — В сочетании с увеличением преступной деятельности гангстеров.

— Тогда почему большая часть новых преступлений происходила в районах белых? — спросила я, прервав его. — В частности, в районах, где, как известно, обитают ирландцы и русские?

— Преступность процветает во всем этом гребаном городе, агент Финли, — ответил он с выражением явной неприязни на лице. — Вы не можете просто выбрать отдельные районы и связать эти преступления воедино, когда сами понятия не имеете, верна ли ваша теория.

— Ох, так преступление есть преступление, не так ли? — спросила я. — И не важно какое?

Я кликнула по следующему слайду презентации и услышала тяжелые вздохи по всей

комнате. Это именно та реакция, которую я ожидала. Фотография на слайде демонстрировала ужасную смерть от обезглавливания. Жертва, мужчина лет тридцати пяти, был зверски замучен так, что я едва ли могла представить себе дни до его кончины. Каждый дюйм его плоти, лишенной кожи, отвалился от кости из-за ожогов третьей степени. Вокруг его шеи был хорошо заметен след от петли, которую, по всей видимости, сдавливали с целью заставить его говорить. Могу только предположить, что его мучения закончились, как только они решили, что он не сдаст своего босса. Его голова была отрезана, а бездыханные, расчлененные останки выброшены, как вчерашний мусор. Преданность, в конечном счете, стоила ему жизни. Я остановилась на минуту, чтобы позволить присутствующим твердо усвоить значительность кадра.

— Это работа наркокартеля, — сказала я, — и, хотите верьте, хотите нет, это преступление было совершено не в Чикаго, а в Эль-Кахоне в Калифорнии, где я изучала несколько сцен преступлений, схожих по характеру. Видите ли, моя работа не только в том, чтобы изучить пару-тройку различных преступных синдикатов, офицер Вон, моя работа в поиске схем.

Я отошла и переключила следующий слайд, отображающий Чикагскую статистику преступности. Судя по выражениям облегчения на их бледных лицах, офицеры были рады, что я убрала эту жуткую фотографию. Наряду с исходными цифрами на экране, я сообщала им о различных видах совершенных преступлений.

— Дело в том, что в округе Бриджпорта, известного ирландского анклага, преступления сильно отличаются от других районов города. Вы могли бы назвать это «территорией банд», офицер Вон.

Если здесь и было что-то, что могло заставить меня уйти, так это человек, пытающийся перебивать меня, не имеющий такого уровня образования, опыта, знаний по данному предмету, как у меня, и, тем не менее, испытывающий необходимость вести себя так, словно он, каким-то образом, знал больше меня.

Я наблюдала, как офицер Вон закатил глаза и покачал головой, все еще не веря тому, что я говорила. Я вздохнула про себя. У некоторых людей были свои склонности и убеждения, и они не отказались бы от них, даже если ты знакомишь их с фактами, они по-прежнему сопротивляются. Почему? Потому что я была женщиной. И не просто женщиной, а женщиной — федералом, что делало меня вдвойне подозрительной, по мнению таких людей, как офицер Вон.

Даже если моего звания и опыта было достаточно для них, чтобы твердо верить в то, что я знала, о чем говорю, некоторые из них продолжали глумиться. Они думали, что знали все лучше меня. Несмотря на тот факт, что я была спецагентом в области организованной преступности в нашем местном отделении и знала это дерьмо, как свои пять пальцев. Такие идиоты, как Вон, предпочитали придерживаться своих предубеждений и расистских наклонностей, делая вид, что знали больше меня о проблемах, которыми мы занимались. Все потому что у них был член, а у меня — нет.

За эти годы я привыкла к такому отношению. Но это все еще, по-прежнему, беспокоило меня, и я не хотела ничего больше, как подойти и выбить из него дерьмо, но сдержалась. Сотрудники правоохранительных органов являлись заведомо мужским клубом, и женщинам, таким как я, приходилось вырывать уважение когтями и бороться за него. Чаще всего мы его не добивались. Даже не приближались к нему. Но все приходило с опытом. Мы могли бы, либо, обмочившись, сидеть в углу и жаловаться на это, либо смириться с этим и делать свою

работу, позволив нашим достижениям говорить за себя. Мы должны были иметь кожу толще, чем у слона.

И в ходе своей карьеры я научилась этому. Безграмотные расистские бакланы, как Вон, больше не могли забраться мне под кожу. Идиоты, типа него, были мне до лампочки. Независимо от моего желания стукнуть его по голове, мне удавалось пока держать себя в руках. Еще было предостаточно времени, чтобы доказать, что он не прав. И когда я это сделаю, то хочу быть уверена, что он это поймет. Он и все остальные, раз уж на то пошло. Но сейчас мне нужно было продолжать двигаться дальше. Оставались преступники, которых мы должны были поймать.

— Хорошо, теперь для начала давайте поговорим об ирландцах, — начала я. — Да, их мафия довольно долгое время находилась в подполье и была малоизвестна. Но это не означает, что она все еще не где-то поблизости и бездействует. На самом деле, с болезнью Донала О'Брайена есть основания полагать, что появился новый лидер синдиката, и им является старший сын О'Брайена — Флинн. Ходят слухи, что Флинн еще более безжалостен и жесток, чем его отец.

— Мы полагаем, что он может идти рука об руку с русскими. С какой целью, нам неизвестно, но если это действительно так, то не сулит нам ничего хорошего. Русско-ирландский союз может быть чрезвычайно опасен, особенно, учитывая тот факт, что русские сотрудничают с целым рядом террористических групп во всем мире. Мы обнаружили АК-47 от наших местных русских «друзей» в руках террористов, а с поддержкой и объединением с ирландцами и Флинном О'Брайеном они станут еще многочисленнее и мощнее, чем когда-либо. Если мы подождем, пока это станет очевидным, прежде чем они обнаружат себя, и их альянс раскроется, тогда может стать слишком поздно. Будет слишком поздно. Неужели Чикаго действительно хочет, чтобы на его руках были теракты?

В комнате было так тихо, что казалось, можно было услышать, как пролетает муха. Даже Вон на этот раз молчал.

— Я так не думаю, — сказала я, не замечая самодовольной улыбки офицера Вона. — И, как вы видите, это причина, по которой я здесь. Потому что нет никого, и, я имею в виду, действительно никого, кто знает больше об ирландской мафии, чем я.

— Почему? Потому что вы миленькая, молодая ирландская девчонка? — вякнул Вон. Никто не засмеялся, и это заставило меня улыбнуться.

— Нет, офицер Вон. Потому что в отличие от вас и любого другого, сидящего здесь, я родилась на этой территории.

2

Флинн

— Я ненавижу День Св. Патрика, — занял Колин, подсаживаясь ко мне в баре.

У Колина рыжие волосы и характерные для ирландца веснушки. Если бы он был на несколько дюймов ниже, его можно было бы принять за леприкона. Неудивительно, что он ненавидел этот праздник.

— Ты ирландец, — сказал я. — Говорить такое — богохульство.

Колин О'Брайен был моим кузеном и лучшим другом. Мы были практически родными братьями, взрослея и делая все вместе.

Он передал мне пиво, так как была его очередь оплачивать счет, и улыбнулся:

— Да, но если я увижу еще одного студента, одетого в неоновозеленые очки с трилистником, пьющего Sam Adams Red (прим. пер. *Samuel Adams Irish Red*, ирландский красный эль — пиво верхового брожения от одной из крупнейших пивоварен в США) и болтающего о Lucky Charms (прим. пер. «*Lucky Charms*» — товарный знак детского сухого завтрака в виде глазированных фигурок — "талисманов" (подковки, сердечки, кленовые листочки и др.) из овсяной муки и кусочков маршмэллоу с искусственными красителями; выпускается компанией "Дженерал миллс" [General Mills, Inc.]), я буду бить его до тех пор, пока он не наложит в штаны.

В «Золотом Трилистнике» народу было больше, чем обычно в среду вечером. Но именно в этот день в году все думали, что в них было немного ирландского. Если, конечно, не считать, что, на самом деле, это не так. Им просто нравилось одеваться в зеленое, пить дерьмовое, поддельное ирландское пиво и болтать о сухом завтраке с акцентом леприконов.

Большинство из этих придурков были слабаками и не знали, что значит быть ирландцем. Плевать. Это раздражало, да. Но я не позволял этому доставать или беспокоить меня так же сильно, как это бесило Колина.

— Но подумай обо всех студенточках с этими тупыми значками «Поцелуй меня, я — ирландка», — сказал я. — Это ведь в итоге срабатывает, не так ли? Я имею в виду, им просто нравится парень с акцентом. Это как валерьянка для кота. Пользуйся и наслаждайся этим, мужик.

Колин вздохнул:

— Да, но почему так трудно найти истинную ирландку? Ту, которая сможет пить Гиннесс (прим. пер. Пиво «Гиннесс» — самое известное и потребляемое ирландское пиво, ставшее легендой и самым популярным брендом Ирландии) и время от времени мириться с некоторыми моими выходками. Эти американки слабовольные, Флинн. — Колин поднял тон своего голоса до писклявого звука, взмахнув руками, как беспомощная девица. — Ой, ваше пиво на вкус, как деготь, и я собираюсь пить это дерьмо, которое, на самом деле, на вкус, как ослиная моча.

— Колин, — засмеялся я. — Ты даже не будешь знать, что делать с настоящей ирландской девочкой, если одна из них упадет в твои объятия. Сдается мне, ты бы зашел слишком далеко.

— Как будто ты знаешь, о чем речь?

Я приподнял одну бровь, попивая свое пиво и наслаждаясь его вкусом.

— У меня было достаточно ирландских женщин, Колин. Поверь мне на слово. И поверь мне, когда я говорю, что они совершенно другой закалки. Может, тебе не стоит спешить, и найти женщину, которая научит тебя правилам съема.

— Да, но твоя мама не в счет, Флинн.

Это должно было быть просто шуткой, немного добродушным подшучиванием между товарищами. И я знал, что Колин, на самом деле, не имел в виду ничего такого, но когда я поставил кружку на барную стойку, он понял, что пересек черту. Я видел это в его глазах, и знал, что он чертовски хорошо видел это во мне.

Позади меня засмеялся старый забулдыга:

— Да, эта девица была чертовым ходячим динамо. Господь, упокой...

Недолго думая, я поднял тяжелую кружку и разбил ее вдребезги о голову этого гребаного мудака. Из-за тяжести удара его тело осело на пол.

— Господь, упокой ее душу? Это ты собирался сказать после оскорбления покойника? — я ударил его в грудь стальным носком своего ботинка, слыша хруст его грудной клетки под моим весом. Я пришел в бешеную ярость. — После оскорбления памяти моей матери? Матери самого О'Брайена?

Сильные руки обвилились вокруг моей груди и оттащили меня далеко от Барни, старого алкаша. Барни отполз в другую сторону, стеная от мучительной боли и сплевывая кровью.

— Забей, Флинн. Он пьян, — уговаривал Колин, оттаскивая меня обратно к стойке, когда Рэд, Эммет и Шон подскочили к месту действия.

— М-м-мне жаль, мистер О'Брайен, — оправдывался Барни, дрожащими разбитыми губами. — Это Гиннесс говорил во мне, я не хотел никого обидеть.

Я полностью терял самообладание, особенно, когда речь заходила о моей матери. Колин будет пожинать то, что посеял своим бездушным замечанием, но его семья — моя правая рука. Этот тупой ублюдок Барни, как навозная муха, опустился на грязный кафельный пол гребаного бара. Если бы я не поставил его на место после тупого высказывания, неважно насколько пустячным или серьезным оно было, я выглядел бы слабаком. Черт возьми, глава синдиката О'Брайен не мог и не будет выглядеть, мать вашу, слабаком.

— Да, Барни, тебе, мать твою, жаль? Вставай, прежде чем замараешь этот чертов пол. И так как твоя тупая задница пьяна в стельку от прекрасного виски, ты можешь купить мне еще.

Он медленно покачивался на своих нетвердых ногах, крепко хватаясь за бок, как будто вздрагивал от боли после каждого слабого звука. Я вернулся на свой стул у бара, показывая жестом повторить.

— Черт побери, босс, ты резко обошелся с бедолагой, — засмеялся Рэд, подсаживаясь ко мне.

Я отмахнулся рукой от его комментария, обратив свое внимание на темно-янтарную жидкость прямо передо мной.

Мои парни заказали свои напитки, усаживаясь рядом на свои места в баре.

— Твой отец был бы горд, — сказал Шон, один из младших парней.

Приподняв бровь, я метнул в него пронизывающий свирепый взгляд. Не сомневаюсь, он хотел как лучше, но это был долгий день, и только виски уменьшал сильнейшее напряжение, лежащее на моих плечах и тяготившее меня.

— Он горд, — сказал я, выпрямляясь. — Он еще не умер, и было бы правильно помнить об этом, упоминая о нем.

— Да, я знаю это.

Я был сильно оскорблен и готов к чертовой схватке, и дерзкое замечание Шона почти выбило меня из колеи.

Я выпрямился, расправил плечи, оценивая параметры этого мудака.

— Твою мать, я просто предупреждаю тебя, солдат.

Рэд, «смотрящий» братства (прим. пер. *enforcer* — «смотрящий», член гангстерской банды, функцией которого является принуждение к выполнению её требований или приведение в исполнение её приговоров), вмешался между мной и Шоном, очевидно, пытаясь отвлечь мое внимание от второго и, тем самым, разрядить обстановку. Рэд состоял в синдикате еще с тех пор, когда мой отец был у власти, его преданность братству была непоколебима. Изучив мои многочисленные вспышки гнева, он многому обучил меня за эти

годы

— Ты достоин его наследия, Флинн. Все, на что когда-либо надеялся твой отец, это то, что ты будешь лидером.

— Спасибо, Рэд, — сказал я, чувствуя, как немного успокаиваюсь. Я вздохнул и потер руками лицо, после чего осушил бокал виски.

— Я просто рад, что эта сделка с русскими вот-вот выгорит. Это важно не только для меня. Это в интересах каждого, и вы понимаете это.

— Поверь нам, мы понимаем.

Русские создавали проблемы, и мы с ними были пока не в лучших отношениях. Мы надеялись, что эта сделка изменит ситуацию без убийств наших братьев злыми коммунистами и без убийств нами их братьев в отместку. И, конечно, существенная прибыль от сделки делала все это еще более привлекательным. Не было никаких сомнений, что это было взаимовыгодно.

— Ну, так чего же мы ждем? Пойдем лучше выпьем и отметим это, — сказал Рэд.

Я метнул в сторону Колина и Шона взгляд, говоривший, что им повезло на этот раз. Взгляд, который сообщал, чтобы в следующий раз они подбирали слова тщательнее. Но я не забуду этого, и их покаяние будет дорого стоить.

— На что ты уставился? — спросил я Колина, который безучастно пялился в сторону угла почти пустого бара. Толпа вымерла, остались только бродяги и постоянные клиенты.

Рэд и Шон играли в бильярд, пока мы с Колином, по-прежнему, сидели у барной стойки, допивая бутылку виски.

— Еще одна студентка привлекла внимание?

— О да, смотри какая телочка. При этом, по-моему, натуральная рыжуля.

Мой обвел взглядом бар, дымка от алкоголя затуманивала зрение, прежде чем я выяснил, кто же привлек внимание его пьяных глаз. Хотя это была не просто девушка, непорочная женственная красotka пристально смотрела на меня. Настоящая женщина. Длинные рыжие волосы спадали на голые плечи, усыпанные веснушками. Зеленые глаза сияли, как изумруды, а кожа была молочно-белой, почти такой же безупречной, как чистый гипс.

Она встряхнула головой, отведя от меня взгляд и бросив робкую улыбку в нашем направлении.

— Что такая хорошенькая женщина делает в такой дыре? — спросил я.

— Понятия не имею, но собираюсь составить ей компанию, — ответил Колин, осушив содержимое своего стакана, тем самым подкрепляя свою смелость. — Нам рыжим нужно держаться вместе, понимаешь? Чтобы сохранить гены и все такое. Запомни это, Флинн. Я делаю это для своего народа.

Ахах. Я ухмыльнулся, откинувшись на спинку своего стула и с нетерпением ожидая, как он выставит себя полным дураком. Наблюдать, как он с треском проваливается, всегда было для меня ключевым моментом каждого вечера. А эта девушка была слишком хороша, слишком утончена для парней вроде него.

Черт возьми, она была слишком хороша для такого подобного местечка, что удивило меня. Почему она вообще находилась здесь. Возможно, бродила по бедному району, пытаюсь найти настоящие ирландские приключения в День Св. Патрика? Если это действительно так, возможно, у Колина был шанс. Ничтожный, но, тем не менее, шанс.

Когда Колин подсел к ней, женщина нервно огляделась вокруг, будто в поисках выхода.

Наши глаза встретились. Я не мог помочь, но мысленно улыбнулся. Я знал, когда женщина молила о помощи. Как бы я ни любил своего кузена, не мог позволить ему валять дурака. По крайней мере, не в этот раз.

Кроме того, мне еще нужно было отомстить ему за тупую шутку о моей матери. Наблюдение за тем, как я ворвусь и украду его драгоценную рыженькую, послужит уроком этому ублюдку.

Когда я подошел к их столику, девушка посмотрела на меня, а Колин нахмурился.

— Мой приятель пристаёт к Вам, мисс? Я знаю, он может быть полным придурком.

— О нет, все в порядке, — сказала она, но взгляд говорил совершенно об обратном.

У нее не было никакого интереса к Колину, и я пришел, чтобы спасти ее день. Вот каким героем я был.

— Кстати, меня зовут Эйва.

Я открыл рот, чтобы назвать свое имя и подумал, если она не узнала меня, главу синдиката О'Брайена, пользующегося дурной славой, тогда раскрытие этого факта следовало оставить до лучших времен.

— Ян.

Она вложила свою маленькую изящную ручку в мою грубую, мозолистую ладонь, и во мне проскочила незнакомая искра. Я опешил, так как никогда прежде не испытывал ничего столь притягивающего ни с одной женщиной. Эйва жестом пригласила меня присесть, а лицо Колина приобрело красный оттенок, конкурирующий с цветом его волос. Жестко стиснутая челюсть и разъяренный взгляд его глаз говорили, что он взбешен. Молнии, которые он метал в мою сторону, сообщали, что он хотел надрать мне задницу за вторжение.

Между мной и Колином существовал краткий миг тупиковой ситуации, война между нашими ожесточенными взглядами, оставшаяся неурегулированной. Наши взгляды, полные решимости и мщения, схлестнулись, но мы оба знали, кто выйдет победителем. Я надирал ему задницу чаще, чем мог рассчитывать. Он никогда не побеждал в борьбе со мной, не важно, насколько пьяны мы были на тот момент.

— Эй, Колин, — сказал я, — почему бы тебе не побыть хорошим парнем и не позволить нам с леди выпить? Что Вы предпочитаете, Эйва?

Колин закипал, его щеки покрылись густым румянцем, и он раздраженно выдохнул. Борьба было бесполезна, и он понимал это. Я одарил его взглядом, и он выдержал его, прочистив горло.

— Да, Эйва. Что Вы предпочитаете?

— Просто яблочный сидр, пожалуйста, — сказала она, едва взглянув на него.

Ого, настоящая ирландская девушка, как Колин и хотел. В «Золотом Трилистнике» был прекрасный сидр. Фактически, это было известно всей округе. По крайней мере, истинному ирландскому народу. Возможно, это не Гиннесс, но также и не Бад Светлое. Колин, не сказав ни слова, помчался к бару купить леди напиток.

— Теперь, когда мы одни, скажите мне правду. Мой приятель приставал к Вам? Хоть немного?

Она засмеялась, посмотрев вниз на свои руки, словно смущаясь.

— Возможно немного, — сказала она, закусив губу. — Но только потому, что не принимал «нет» за ответ.

— Да. Временами он может так делать, слишком сильно нажимая на леди. Особенно на таких милых, как Вы.

Глаза Эйвы заискрились, и в ее разговоре прослеживался явный намек на ирландский акцент.

— Он кажется милым, — сказала она, — его просто слишком... много. Если Вы понимаете, что я имею в виду.

Я кивнул. Я действительно понимал.

— Так что привело такую милую девушку, как Вы, в такой дешевый бар? Тем более, в полном одиночестве.

Колин вернулся с нашими напитками, и Рэд позвал его. Он бросил на меня злобный взгляд, но послушался. Неохотно. Порой Колин был трудным человеком, но знал свое место.

— Мой папа любил рассказывать про это местечко, — сказала она. — И полагаю, мне справедливо хотелось увидеть его своими глазами. Он всегда любил День Св. Патрика и не только из-за выпивки. Но и из-за бизнеса.

— Чем твой отец зарабатывает на жизнь?

— Зарабатывал, — поправила она меня. — Теперь он мертв.

— Мои соболезнования, Эйва, — сказал я со всей искренностью. — Потеря родителя не бывает легкой. Это оставляет глубокий след на сердце.

Она подняла взгляд и посмотрела на меня. Ее глаза не выражали ничего, кроме понимания. Я, конечно, только что встретил ее, но мог сказать, что Эйва была одной из лучших. Она произвела на меня впечатление, как редкая женщина, которая кажется чуткой, заботливой и, безусловно, ласковой.

Она казалась очень утонченной, стильной (не совсем тот тип женщин, который когда-либо встречается с парнями вроде меня). Но существовали способы обойти это. Причем существовали всегда, просто для этого требовался стимул, если можно так выразиться. Женщины, как Эйва, находили комфорт и доверие в человеке, обладающем нежным прикосновением и милой улыбкой.

Я мог бы сделать многое, мог бы подчинить женщину своей воле одним своим внешним видом очаровательного бизнесмена.

— Ты тоже потерял кого-то из родителей? — спросила она мягко.

— Маму. Я был тогда совсем мальчишкой, — сказал я, вздохнув. — А мой отец, на данный момент, в больнице для безнадежно больных. Рак.

Откровенничая, я хотел завоевать ее доверие.

— Мне очень жаль, Ян, — тихо сказала она. — Искренне.

Ночь тянулась, алкоголь лился, и Эйва позволила своей бдительности уступить мне. Она улыбалась и часто смеялась, демонстрируя эти очаровательные маленькие ямочки на щеках. Когда она встала, извинившись за то, что ей нужно отойти в уборную, я заметил, что она в прекрасной форме. Милая девушка, потрясающее тело и красивое лицо. Я не мог надеяться на большее везение.

Колин наблюдал, когда она проходила мимо, но если Эйва и заметила это, то не подала и вида. Затем он обратил ко мне свой взгляд, полный ненависти и обещающий возмездия. Эйва неторопливой походкой дошла и прошмыгнула в уборную, скрывшись из вида. Колин встал, сжав челюсти, с очень недовольным выражением лица.

— Что за черт, мужик? — спросил он, подойдя ко мне.

— Она не с тобой, Колин. Имей хоть каплю гордости и отвали, парень, — сказал я, делая большой глоток виски.

— А разве она с тобой?

Я поднял листок бумаги с ее номером телефона.

— Можно и так сказать.

— Ублюдок, — произнес он небрежно. Комментарий прозвучал грубо и низко, поэтому я воспользовался этим, чтобы поиздеваться над ним еще немного.

— Не беспокойся, я им буду, — сказал я, убирая номер телефона в карман, — и буду наслаждаться этим.

Прежде чем все это смогло выйти из-под контроля, Эйва вернулась из уборной. Она посмотрела на Колина, затем снова на меня с согревающей и немного таинственной улыбкой.

— Ты готов идти, Ян? — спросила она живо.

— Да, милая, — произнес я и подмигнул Колину.

— Повеселись, Ян, — выкрикнул Колин позади меня.

— Ох, я как раз собирался, Колин, — сказал я, посмотрев на него. — Поверь мне, повеселюсь.

3

Эйва

Стоило пройти Дню Св. Патрика, как частичка Ирландии исчезла из каждого, казалось, быстрее, чем бутылка пива в комнате, полной студентов. Улицы, как правило, вымирали, и бары пустели.

Но, даже зная это, войдя в «Золотой трилистник», я поразилась, насколько пустым был бар по сравнению с прошлым вечером. Вместо толпящихся людей, вынужденных перекрикивать друг друга, чтобы их слышали, здесь было пусто и тихо, словно в могиле. В углу за бильярдным столом сидели несколько мужчин, и как только я вошла, все трое обернулись, чтобы бегло посмотреть на меня.

Несколько других мужчин, седеющих стариков, сидели у барной стойки. Завсегдатаи. Настолько частые, что их задницы протерли дыры на барных стульях. И, как обычно, для многих из них, они рассчитывали утопить печали в хорошем ирландском виски. А с той скоростью, с которой они выпивали шоты, эти печали, по всей видимости, утонут в ближайшее время. И, конечно же, вновь вернуться, когда они проснутся завтрашним утром. Но не моя забота говорить что-то об этом. Я здесь не в качестве чьего-то консультанта. Это не моя работа.

Я оглядела бар, мой взгляд наконец-то остановился на знакомом лице за столом в тускло освещенном углу, и мужчинах, сидящих возле него. Его темные волосы и голубые глаза контрастировали со светлой кожей. Большинство людей думают, что ирландцы светловолосые, что на самом деле не всегда правда. Ирландцы такие же разные, как и любые другие люди на этой планете.

Наши взгляды встретились, и он улыбнулся. По моей спине пробежали мурашки. Было что-то в этой улыбке... Какой-то хищный блеск, заставляющий меня радоваться тому, что я все-таки не пошла с ним прошлой ночью. Возможно, он не стремился выглядеть так... угрожающе, но за его доброй старо-ирландской мальчишеской внешностью точно скрывалось что-то темное. Что-то, чего я не могла распознать, возможно, что-то опасное и грубое. Я не была уверена, но это было заметно по его улыбке. Что-то трудноуловимое и

труднопонимаемое, но если присмотреться, то вполне очевидное.

Для некоторых женщин тонкий намек на опасность или бунтарство мог усилить его привлекательность. Для других, плохие парни были подобны сильнодействующему афродизиаку. Это, конечно, ни в коей мере не умаляло его великолепия. С его сильно очерченными скулами и точеным подбородком, он запросто мог стать актером или моделью. Он обладал утонченностью и изысканностью, что выделяло его из общей массы в таком месте, как «Золотой трилистник», который, по-моему, был на ступень ниже какой-нибудь паршивой забегаловки.

Я выпрямилась и направилась к столу, наблюдая за тем, как перетасовывали и срезали колоду карт.

— Я тоже играю, парни, — заявила, удерживая взгляд на Яне.

Я выдвинула единственный свободный стул из-за стола и протиснулась между двумя крепкими мужчинами, наблюдая, как крупье бросил осторожный взгляд на Яна. Ян кивнул ему и с довольной улыбкой откинулся на спинку стула.

— Что будешь пить, куколка?

Я оторвалась от карт, чтобы увидеть, как Колин — парень, который подкатывал ко мне прошлым вечером, придвинул стул ближе ко мне. Черт, если бы я узнала его раньше, чем выдвинула стул, подумала бы прежде, чем начать играть с ними в покер.

— Чистый виски, — ответила я коротко, возвращая внимание к картам.

У меня был хреновый расклад, но я бы подыграла им только ради практики. Ян послал мужчину в бар взять выпивку для всех, затем вернул свое внимание к комбинации карт, сбрасывая их на середину стола. Спустя мгновение я повторила его действия, затем просто следила за игрой один на один между Яном и пожилым мужчиной. Ян разложил карты в линию на столе, фулл-хаус побил пару восьмерок его противника.

— Дерьмо, этому подонку постоянно везет, — объявил старик, сделав большой глоток пива, и встал на ноги. Ян забрал выигрыш и гордо улыбнулся.

— Я ирландец. Родился везунчиком, Рэд. А ты просто родился неказистым, — смеясь, подстрекал его Ян.

— Да, точно, — мужчина, которого, как я успела узнать, звали Рэд, кивнул в знак согласия. — Еще партию?

Качая головой, Ян ответил:

— Нет, я выхожу из игры, приятель.

Ян поднялся из-за стола и взял меня за руку, уводя к кабинке, расположенной напротив бара.

— Я сомневался, что мне будет везти два вечера подряд. Похоже, я сделал что-то правильное в этой жизни, — прошептал он, нежно целуя меня в щеку. — Особенно, после того, как ты так внезапно ушла прошлой ночью.

— Мне жаль, — сказала я, вспоминая свое быстрое исчезновение, после того как мы вместе поехали в такси к нему домой. — Я не очень хорошо себя чувствовала.

— Похоже, я так сильно влияю на женщин, — подмигнув, заметил он. — Хотела бы выпить со мной, милая?

— Конечно, — ответила я с улыбкой. — На самом деле, я пришла сегодня сюда, надеясь вновь тебя встретить. Хотя бы для того, чтобы извиниться за прошлую ночь.

— Ааа, ну, как ни странно, это именно та причина, по которой я снова здесь, — сказал он с самоуверенной ухмылкой на лице.

— Ты строишь из себя умника или говоришь серьезно? Я, правда, не могу понять.

— Да, в тебе есть дерзость, мне это нравится, — смеясь, ответил Ян, при этом, не ответив на мой вопрос. Я поняла, что он просто решил поглумиться.

Мы уселись за тот же столик, что и вчера, и он заказал напитки.

— Итак, скажи мне, мисс Эйва, — сказал он, возвращая свое внимание ко мне, — ты действительно вернулась в эту помойку, чтобы увидеть мою уродливую физиономию?

— Уродливую? — засмеялась я. — К сожалению, ты далеко не урод. И думаю, тебе это известно.

— К сожалению? Почему бы мне не быть уродом, чтобы напугать тебя?

Потому что меня так отчаянно тянет к тебе, и это пугает меня до смерти, подумала я. Как бы то ни было, я не могла позволить себе такой промах. Я должна держать это при себе. Поэтому ответила то, что ни к чему не обязывало.

— Просто такое выражение, — сказала я, — и ничего больше.

— Понятно. Таким образом, если ты не находишь меня непривлекательным, логично предположить, что ты считаешь меня привлекательным. Теперь будь честна со мной, милая. Какова настоящая причина, по которой ты не поехала прошлой ночью ко мне? — он поднял бокал, чтобы сделать глоток пива, глядя на меня поверх бокала, из которого пил.

— Хорошо, если уж быть до конца честной с тобой, у меня был момент просветления, и я решила, что лучше думать головой, а не гормонами.

— Момент просветления?

— Да, Ян, — смеясь, сказала я. — Как только я вижу подобное, сразу же понимаю, что это отношения на одну ночь, а я не отношусь к такому типу девушек.

Он обиженно посмотрел на меня, мимически изображая вопрос «кто? я?» с выражением полной невинности на лице. Само собой, я на это не купилась. Я хорошо знала таких парней.

— Да ладно тебе, Ян. Я не дура. Я знаю, кто ты, знаю твой типаж, — сказала я. — Ты симпатичный парень, который всегда добивается своего. Ты не из тех, кто ищет спокойной жизни. Возможно, когда-нибудь, но не сейчас. Ты слишком много развлекаешься с парнями и спишь со многими женщинами, и это будет продолжаться до тех пор, пока одна из них не забеременеет и не заставит тебя жениться на себе.

Пока я говорила, он ухмылялся, будто его поймали с поличным. И его ухмылка стала еще больше, когда я продолжила. Он даже не был удивлен тем, что я говорила. Что, с одной стороны, сильно удивило меня. Мужчины всегда были в шоке, когда я узнавала их намерения, подобные этим. Но именно это я и делала. Это моя работа. Как спецагент, я была хороша в чтении людей, и зачастую их пугало то, насколько точно я была. Но не этого мужчину. Нет, он казался довольным, слушая, скрестив руки на груди, пока я указывала на его замашки бабника. Он был даже хреновее, чем я думала.

— Ты закончила? — спросил он меня.

— Этого недостаточно? — засмеялась я.

Я сказала ему только половину того, что видела. На самом деле, он и не представлял, что я знала намного больше, чем показывала.

— Ну да, более чем достаточно этой фигни, — сказал он, качая головой. — Но позволь мне кое-что сказать, милая. На самом деле, ты не можешь быть дальше от правды обо мне, чем сейчас.

Ох, кто бы сомневался, Ян.

Эйва была намного дальше от истины, чем могла предположить. В какой-то степени, ее оценка моей личности, пару лет назад, возможно, подошла бы мне (на самом деле, она идеально подошла бы мне в те времена), и поэтому сейчас это было забавно. Черт, возможно, если она пошла бы со мной прошлой ночью, я посчитал бы, что она покорена, и никогда не позвонил или не увиделся с ней вновь. Не сказал бы, что подобное невозможно, но я сильно сомневался относительно этого.

Но в Эйве было нечто большее, что мне еще предстоит открыть, словно потерянную золотую жилу. Я был полон решимости докопаться до самой глубины ее души, узнать все о женщине, которая таинственным образом заинтриговала меня.

— Да ну? — сказала она, приподняв бровь. — Тогда скажи мне, где я ошибаюсь относительно тебя.

— Тот мальчик, которого ты описала (и да, я решил назвать его мальчиком, а не мужчиной, потому что это то, что он собой представлял), возможно, когда-то и был мной. Более того, я признаю это и скажу, что он был когда-то мной. Но сейчас? Нет, я не тот мальчик. Я другой. Я изменился. Вырос. Сегодня, я мужчина, желающий получить лучшее от жизни. Порядочную женщину, с которой однажды создам семью, и похожую на мою маму.

Я пытался подавить улыбку, заметив удивление, написанное у нее на лице, от сказанного мной. Она думала, что полностью разобралась во мне, но затем я заговорил и разрушил все ее представление обо мне. Эйва откинулась на спинку дивана, уставившись широко раскрытыми глазами в пространство (смотря куда угодно, только не на меня), словно она, совершенно очевидно, пыталась на ходу сформулировать мысль и придумать остроумный ответ на то, что я только что озвучил ей.

Наконец-то она снова посмотрела на меня, прищурившись.

— Да? Ты изменился? Правда, что ли? Ты больше не тот мальчик? — издевалась она. — Так я тебе и поверила. Многие парни говорят, что изменили свои привычки. А на самом деле, никогда не делают этого. Откуда мне знать, что это не какая-то байка, которую ты скармливаешь женщинам, вроде меня, женщинам, которые, как ты надеешься, настолько наивны, чтобы повестись на это и переспать с тобой?

Я пожал плечами:

— Верь, во что хочешь. Но я могу гарантировать, что не поеду с тобой домой сегодня ночью. Как бы сильно ты не умоляла меня.

Ее челюсть отвисла, а на лице было написано неверие.

— Я буду умолять тебя?

— Похоже, я так сильно влияю на женщин, — я подмигнул ей и увидел, как краска залила ее лицо, когда она отвела взгляд.

Было что-то особенное в этой женщине, что-то необычное. Я мог бы сказать, что Эйва была одной из лучших. А хорошую женщину трудно найти, особенно когда ты глава ирландской мафии. Были женщины, которые хотели быть со мной, только из-за того, кем я был, и я сталкивался со многими из них. Такие женщины гнались за славой, деньгами, и, даже, опасным образом жизни. Большинство из них были помешанными или похотливыми пьянчужками, которые больше искали халявы, чем постоянных обязательств. Они, определенно, были не теми женщинами, от которых я захотел бы иметь детей. Такие женщины не созданы для того, чтобы стать хорошими, заботливыми матерями, которые бы

пели песни сыновьям, укладывая их спать на ночь. Или рассказывали бы им сказки. Или делали бы миллион других вещей, которые хорошая мать сделала бы для своего ребенка.

А Эйва была такой. Я видел это по ее лицу, по тому, как она вела себя, и, даже, по тому, что она говорила. Я знал, она стала бы превосходной матерью.

Ее глаза немного сверкали, все еще забавляясь нашей игрой. Тот факт, что она не ударила меня по лицу, не встала и не сбежала к этому моменту, многое говорил о ее терпении. Потому что, согласен, почти все, что я ей наговорил, звучало на грани приличия. Это прозвучало равнозначно тому, как если бы кто-то хотел залезть к ней в трусики. Что означало, что я не должен был спать с ней. Когда я мельком увидел жемчужно-белое декольте, выглядывающее из глубокого выреза ее блузки, почувствовал, что становлюсь тверже. Одновременно с этим я лелеял всего лишь одну мысль о трахе с этим милым молодым созданием. Не спать с ней? Да, легче сказать, чем сделать. Все не так просто.

Но она хорошая женщина. Очень хорошая женщина. И несмотря на то, что я боролся против всех своих инстинктов и природы, на этот раз я не хотел облажаться. Что бы это ни было.

— Ты привлекательный мужчина, Ян, — сказала она с очаровательным смешком.

— Это значит, мы снова увидимся? — спросил я. — Ну, знаешь, чтобы дать тебе еще немного времени разобраться во мне и все такое.

Эйва молчала несколько долгих секунд, закусив нижнюю губу, казалось, обдумывая это. Ее зеленые глаза заискрились, когда она пристально посмотрела на меня. Было так трудно избавиться от этого и не чувствовать ее тело возле себя. Большая часть меня хотела — нет, нуждалась — быть внутри нее прямо здесь и сейчас, но я понимал, что должен быть умнее. Не идти на риск.

— Конечно, думаю, я смогу с этим справиться, — наконец произнесла она.

Мой телефон загудел в кармане, и я знал, у меня остались дела, о которых нужно позаботиться. Колин и Шон ушли, чтобы переправить оружие с русскими, и я ждал новостей. Они пришли поздно ночью. Как бы я не хотел остаться с ней на всю ночь, я знал, что мне нужно бежать.

— Хорошо, милая Эйва. Я был бы рад, — сказал я, вставая, после того, как допил последнюю бутылку Гиннесс. — Я позвоню тебе.

На ее лице промелькнуло разочарование. Оно было быстрым, но все же я заметил его. Я улыбнулся ей, протянул руку и слегка сжал ее ладонь.

— Ты — чертово искушение, милая. А так как ты решила не быть отметкой на изголовье моей кровати, то приму это — буду джентльменом. Большинство женщин не отвергли бы моих знаков внимания. Они бы при первой возможности прыгнули ко мне в постель, а потом бесились, когда я не перезвонил бы им. Но ты другая. Ты честная и непорочная, немного загадочная для человека моего уровня. Я выполняю свои обещания, Эйва, мы вновь встретимся, и довольно скоро.

Эйва покраснела, а когда я поцеловал и отпустил ее руку, ее щеки стали еще розовее.

Она могла бы строить из себя недотрогу столько, сколько ей нравилось, но, уходя, я наблюдал за ней в зеркало позади бара. И судя по тому, как она смотрела на мою задницу, пока я шел к двери, я понял, она была также равнодушна ко мне, как и я к ней.

— Что, мать вашу, здесь произошло? — спросил я.

На складе было полно моих бойцов, все они были целы и невредимы. Слава Богу. Как я успел заметить, никто не залечивал раны. Хотя там была кровь. Так много гребаной крови, ведущей от дороги и вплоть до склада.

Когда я прошагал вперед, все разошлись, и в комнате повисла жуткая тишина. Я с суровым взглядом изучал их лица, смотря каждому прямо в глаза, переходя от одного к другому. Но ни у кого из них не хватало наглости встретиться со мной взглядом, они с позором опустили головы.

— Где Колин? — задал я вопрос.

— Здесь, босс, — отозвался Колин.

И вот тогда я увидел лучшего друга — кузена, всего в крови. Но не в его собственной. Она принадлежала двум трупам у его ног.

Оба в форме.

— Ты убил даже не одного, а сразу двух свиней, Колин? — почти прокричал я. — О чем ты думал? Что, мать твою, на тебя нашло?

Работа должна была быть быстрой — туда и обратно — простая поставка оружия русским. В нашей сфере деятельности не может быть работы проще, чем эта. Но в контрабанде ни в чем нельзя быть уверенным. Особенно, когда твой союзник — один из твоих главнейших врагов. И чаще всего, работа, не представляющая особой сложности, не приводит к смерти двух копов.

— Я не убивал их, Флинн, — сказал Колин. — Я просто подчищал хвосты.

— Тогда, кто это сделал? — потребовал я. — Кто, черт возьми, их убил?

Колин посмотрел на Шона, но не сказал ни слова. Тот старательно избегал моего взгляда и был бледен, словно гребаное привидение. Я подошел к нему, схватил его за рубашку и заставил посмотреть мне в глаза.

— Ты? Это ты убил этих двух долбаных копов? — прошипел я тихо.

— О-о-они преследовали нас, Флинн, — сказал он, заикаясь. — Что мне оставалось делать?

— А что, если бы там были и другие? Другие, преследующие вас, которых бы ты не увидел? Что бы ты тогда сделал? Ммм? — давил я. — Их бы ты тоже убил?

— Я... фух... Не знаю, что бы я сделал.

— Ты глупый, глупый щенок, — сказал я, отпихивая Шона в сторону. — Это смертный приговор для нас, ты это понимаешь? За убийство одного лучшего чикагского полицейского автоматически выносят смертный приговор, не говоря уже о двух. И, поверь, все силы будут направлены на поиски этих офицеров. — Я запустил руки в волосы, пытаясь уложить в голове этот бардак. — Колин, зачем ты притащил их сюда?

— Нам нужно было действовать быстро, не мог же я оставить их там, — сказал он. — Они бы сразу же нас выследили. Я должен был сбросить тела где-нибудь, но я...

— Чертовы идиоты, — выплюнул я.

Я уставился на тело у моих ног. Пухлый мужчина средних лет, видимо, в скором времени должен был выйти в отставку. Я уже видел заголовки, которыми в ближайшее время будут пестрить все газеты. *Любимый отец семейства и офицер полиции погиб при исполнении обязанностей. Разыскиваются любые сведения, которые приведут к поимке*

виновного. За щедрое вознаграждение.

Другой коп — молодой парень, возможно, даже новичок. Новичок, которого когда-то обучал дедушка.

— Колин, уберите их отсюда, — сказал я, качая головой. — Избавься от них, твою мать, и будь осторожен на каждом шагу, пока будешь перевозить этих гребаных свиней.

— Но куда?

— Почему бы тебе, мать твою, самому не разобраться с этим? — закричал я и ударил его по лицу.

— Почему я?

Сделав глубокий вдох, я навис над Колином. Мы смотрели друг другу в глаза, причем он не отступал. Речь шла о борьбе за власть — О'Брайен против О'Брайена — босс синдиката лицом к лицу со своей правой рукой. Колин серьезно заплатит за эту огромную ошибку, его это выбрало неподходящий, черт побери, момент, чтобы начать долбаное бредовое соревнование.

— Потому что, — выплюнул я, — ты руководил этой операцией. Это была твоя ответственность, и ты должен был присматривать за сопляком. Ты должен был приложить все усилия, чтобы он не натворил глупостей. Однако вот, пожалуйста, у нас на руках два мертвых копа. Так что, да. Это дерьмо на тебе. И убери это все, нахрен.

Я развернулся на пятках, в поисках бойца.

— Шон! — рявкнул я, вытягивая его из нервного расхаживания, неуверенно подергивающего себя за волосы. Я указал большим пальцем в свою сторону, и его лицо побледнело. Его шаги были медленными и неустойчивыми, словно он перебрал Гиннеса, но я знал, это все из-за большого выброса адреналина.

— Б-босс? — спросил он, засунув руки в карманы окровавленных брюк.

— Ты думал, что обоснованно спустил курок?

Он кивнул, без слов, просто, черт возьми, неуважительно кивнул.

— В следующий раз, когда я задам тебе вопрос, и ты решишь ответить мне без слов, я отрежу твои яйца. Ты понял?

— Да, сэр, босс.

— Ты избавишься от трупов. Слушай Колина и делай все чисто, — я постучал указательным пальцем по его виску. — Ты понимаешь, что я требую от тебя, боец?

— Да, сэр, — его ответ был уверенным.

Я займусь серьезной ошибкой Шона позже, если это раньше времени не схватит меня за задницу.

Два мертвых копа. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что мы в полной заднице. Следовали они за моими парнями потому, что получили наводку, или случайно оказались в этом районе, не имело значения. Значение имело то, что они сунули нос, куда, мать их, не следовало, и эта ошибка стоила им жизни. Чикаго не будет сидеть сложа руки, когда двое полицейских пропали без вести, и, возможно, были убиты. Копы бросят все силы на их поиски. Раньше я уже видел, как начинались розыски, и знал, это будет длительный процесс, не предвещающий ничего хорошего ни для кого.

Учитывая, что первым делом копы собирались начать искать своих пропавших товарищей, значит в последнюю очередь они бы зарегистрировались в диспетчерской.

Единственный плюс катастрофы этой ночи заключался в том, что я не получал известий от русских друзей о поставке оружия, поэтому было несложно убедиться, что все прошло успешно. Учитывая произошедшее, они, возможно, тоже залегли на дно. Всегда лучше перестраховаться, чем потом сожалеть, учитывая, что копы были убиты прямо у чертова здания.

— Старина Аик не обрадуется этому, босс, — сдержанно сказал Рэд. — Он не любитель связываться с полицией.

Исаак Соколов — также известный как старина Аик — был главой русского братства. Это означало, что старина Аик был не тем, с кем хотелось быть по разные стороны, учитывая, что он был одним из самых опасных людей в городе. Если он захочет, чтобы ты умер, то ты умрешь. От этого не скроешься и не спасешься. Если Аик подписал смертный приговор, то все было предрешено.

Это делало мои отношения с ним предметом гордости. Умение выступить посредником в сделке между Аиком и братством имело важное значение, потому что большую часть моей жизни русские воевали с ирландцами за территорию. Это заняло много времени, сил и денег, и к сожалению, крови, но я наконец добился неформальных переговоров, встретившись с ним лицом к лицу. Чего не удавалось даже моему отцу. Как-то я объяснил старине Аику все способы, которыми мы могли бы работать вместе и значительную взаимовыгоду, которую получили бы, если бы нашли способ остановить насилие и кровопролитие.

Теперь, из-за этой катастрофы, все пролетало прямо мимо их дверей. Рэд был прав. Старина Аик не будет этому очень рад.

— Я разберусь с ним, Рэд, — сказал я, похлопывая его по спине. — Не парься.

И я бы разобрался. Не то чтобы я с нетерпением ожидал этого в какой бы то ни было форме, но это входило в мои ежедневные обязанности главы ирландского синдиката. Эти люди рассчитывали на меня. Они следовали за мной, большую часть времени, без вопросов и оговорок. Эти люди, они нуждались во мне. И учитывая все это, я должен был оставаться сильным и непоколебимым, или же это могло обернуться глобальной войной.

Колин вернулся и потащил второе тело крупному мужчине. Он сопел и пыхтел, его лицо покраснело и покрылось потом, пока он напрягался в попытке сдвинуть толстяка.

— Гребаная свинья. Лучше бы поменьше лопал проклятые пончики и торты, — сердито посмотрел он, обращая внимание на Шона. — Поднимайся на свои гребаные ноги, ты, чертов идиот.

— Колин, я, черт побери, сейчас блевану. Грязная свинья до сих пор, мать его, истекает кровью.

Колин выпрямился и сделал два шага в сторону Шона, сокращая дистанцию между ними. Он был разъярен необходимостью избавиться от тел, но плаксивая задница Шон не меньше выводил его из себя.

— Тебе не мешало бы зарубить на носу, что каждое действие имеет последствия, парень. И в этом деле, такие последствия определяют тонкую грань между жизнью и смертью, или ты до сих пор этого не понял? — зло высказался Колин.

— Черт возьми, Колин, я действовал импульсивно, — отбивался Шон, потирая лицо руками.

— Ты не можешь стрелять в копов каждый раз, когда напугаешься только того, что они

преследуют тебя, Шон, — упрекнул я, встав между парнями. — Тебе необходимо научиться некоторому контролю и дисциплине. Этот провал стоил нам некоторых крупных полицейских, и ты будешь наказан соответственно, как только подует ветер, парень. Теперь прекращай быть таким гребанным трусом, поднимайся на свои чертовы ноги и убери долой с моих глаз эту гребанную свинью. В следующий раз, если будешь перечить боссу, то будешь лежать в той же яме, что и этот урод, — для выразительности я пнул безвольную ногу копа.

— Да, сэр.

Опустив голову, Шон последовал приказам, безоговорочно встав на ноги и помогая Колину грузить второе тело в фургон, припаркованный за отгрузочными воротами. Мы находились за пределами Чикаго, и слава Богу. Все, что нас окружало, это огромное количество открытого грунта, который мог быть использован для выкапывания ямы и захоронения тел. Эти двое болванов были не первыми, кого хоронили там. И, пожалуй, не последними.

— Гребанные новички, — ворчал Колин, присоединившись ко мне, Рэду и Эммету в офисе. — Всегда все обосрут.

— Это была ошибка, — сказал я, пожав плечами. — Грубая ошибка, за которую ты, также как и Шон, несешь ответственность.

Глаза Колина вспыхнули гневом, когда он открыл рот, чтобы перебить меня, но я поднял ладонь, молча показывая ему, держать свой гребанный язык за зубами.

— Когда ты берешь на себя долбанную поставку, убедись, что держишь своих безнадежных бойцов под контролем. Это могло бы закончиться гораздо хуже, и, поверь мне, боюсь нам еще придется расплатиться за все это дерьмо. Не только с законом, но и с русскими. Попытаюсь смягчить ущерб, но нам необходимо будет временно залечь на дно.

— Старина Айк ожидает еще одну партию оружия, которая будет доставлена на следующей неделе. Он этому не обрадуется, — заметил Эммет. И он был прав, но я должен был найти способ на время успокоить старину Айка.

— Учитывая произошедшее, нам, возможно, придется подождать с этим. Только до тех пор, пока накал не спадет.

Рэд и Эммет согласно закивали, почесывая бороды. Рэд был одним из наиболее доверенных лиц отца, и вскоре стал единым целым со мной. Безусловно, у меня был Колин, но Колин боролся с моим контролем над синдикатом, зачастую устраивая истеричные припадки, если был не согласен с моими приказами.

Наше мировоззрение было схожим, но, в то время как я мог четко и осознанно принимать решения на пользу синдиката, Колин, по большей части, сначала делал, а потом спрашивал, как какой-то козел, принимая необдуманные решения на основании мимолетных эмоций, и это было равносильно катастрофе. Теперь, когда я размышлял об этом, неудивительно, что Шон среагировал настолько быстро, стреляя в копов на поражение. Он, как-никак, был обучен Колином.

— К черту, Флинн. Ты же знаешь, если мы не выполним поставку, то старина Айк аннулирует соглашение. Если уж на то пошло, то мы вполне сможем одержать победу и ударить сейчас, пока они затаились. Иначе, нас ждет кровавая бойня.

Несмотря на разницу в возрасте между мной и Колином в один год, были моменты, когда этот год давал ужасные разногласия. За год ты можешь набраться большого опыта. Возможно, все дело было в том, как мы воспитывались. Лидерство было у меня в крови, я ведь был сыном главы синдиката О'Брайена. Колин же с самых ранних лет знал своё место, и

у меня складывалось впечатление, что это не особо ему нравилось. Но это не имело значения, когда дело доходило до личного вопроса. Мы были братьями намного больше, чем просто кузены, воспитанные бок-о-бок, и мы уважали друг друга. Мы любили друг друга.

— Перестань быть долбаным придурком, Колин, и слушай то, что он, черт возьми, тебе говорит, окей?

Рэд, на самом деле, был умен. Хитер. Убедителен. Предан. Он был мастером игры. Не нужно было много времени, чтобы понять, почему мой отец так сильно доверял ему. Всякий раз в его присутствии, я убеждался, что черпал ценную информацию, которую мог использовать в своей власти. И хотя, я надеялся на Колина, это были совершенно разные вещи.

— Мы не можем и не будем реагировать на каждую ситуацию применением силы, Колин. Я разберусь со стариной Айком. У нас есть дела, которыми нужно заняться, и мы будем делать их организованно. Это ясно?

Возможно, сейчас он был зол, но, на самом деле, Колин знал, что я был прав. Как обычно, чтобы переварить и оценить все это, у него уйдет несколько дней. Он должен был самостоятельно прийти к тому, что был частично ответственным за весь этот бардак, и преподать урок Шону было его обязанностью. Шон заплатит за содеянное.

Колин одарил меня невозмутимым взглядом прежде, чем захлопнул двери запасного выхода, что говорило мне, он знал, что должен сделать.

И это будет сделано.

Я кивнул ему и улыбнулся. Он показал мне палец.

Как я и говорил, мы были братьями. И всегда ими будем.

6

Эйва

Мои волосы были еще влажными, когда я тащила свой зад в участок. К счастью, на дорогах было пусто. У поездок на работу в четыре утра были свои плюсы. Но я не делала этого раньше только для того, чтобы избежать пробок.

— Агент Финли, зайдите, — обратился ко мне шериф Уилер, как только я вошла в дверь. — Нам нужно ваше мнение.

Мой телефон вибрировал от новостей. Я знала всю суть дела. Два офицера полиции отреагировали на анонимный звонок о подозрительной активности за пределами старого склада. На месте была найдена кровь, много крови, после потери которой вряд ли кто-либо мог выжить, а также их автомобили, рации и другое снаряжение. Там было все, за исключением тел. После тщательного обыска склада были обнаружены десятки боеприпасов, принадлежащих русской мафии. Прошло три дня, а полиция Чикаго до сих пор ни на шаг не продвинулась в поисках пропавших офицеров. Русские были доставлены для допроса, но вмешались их высокооплачиваемые адвокаты, утверждавшие, что все улики, найденные на месте преступления были косвенными.

— Да, сэр, — сказала я, входя в его кабинет и закрывая за собой дверь.

— Все уже проинформированы. Двое пропавших — офицеры Ромоли и Бригс. Ромоли служил в подразделении более двадцати пяти лет, а Бригс поступил в ряды полиции всего лишь полтора года назад. Оба были хорошими копами и людьми. СМИ не умолкают об этом,

уже предавая гласности миллион различных предположений. Пара журналистов продвигают теорию о том, что они были убиты русской мафией, и люди хотят получить ответы. Мы должны быть на шаг впереди. Пожалуйста, избегайте любых комментариев для СМИ. Я имею в виду всех.

Я прочистила горло. Понимала, то, что я собиралась озвучить, эти люди воспримут не очень хорошо. Но я знала о чем говорила. И в этом заключалась моя работа — высказываться.

— Во-первых, я не верю, что они были убиты русскими, — сказала я.

— И почему же? — спросил меня Уилер.

— Слишком неаккуратно, — ответила я. — Если бы русские разделались с ними за своим же собственным складом, то они бы более тщательно подчистили место преступления.

— Кто тогда, по-вашему, сделал это? — спросил он. — И где наши люди?

— Трудно сказать, не зная всех деталей, сэр, — сказала я, вышагивая по кабинету. — Выехали ли офицеры на вызов? Почему они оказались там одни?

— Поступил анонимный звонок о двух вооруженных мужчинах за складом. Бригс и Ромоли отправились посмотреть, — сказал он. — Никто не думал, что это будет как-то связано с мафией, иначе мы бы отправили отряд, чтобы разобраться с этим.

— Что еще сказал аноним? — спросила я пытливо. — Могу я прослушать звонок?

— Конечно, — сказал Уилер. — Я позволю Вам сделать это. Хотя суть звонка состояла только в том, о чем я уже сказал — двое вооруженных мужчин были замечены в заброшенном складском районе.

— Звонивший назвал свое имя? Контактный номер телефона?

— Ничего, — сказал Уилер, — он сказал, что хотел бы остаться анонимом.

— Конечно, сказал.

— Вы думаете о том же, о чем и я?

— Что это была подстава? Возможно, но более того, я думаю, мы имеем дело с осведомителем. С кем-то, кто знал о совершении сделки и хотел остановить ее, — сказала я. — Ваши офицеры конфисковали небольшую партию оружия, я права?

— Да, мэ, — ответил он. — Небольшую партию, но, тем не менее, ее следует убрать с улиц.

— Значит кто-то бросил ее там. Вопрос в том — кто?

Шериф Уилер пребывал в молчании. Ему нечего было ответить. Вот почему я была здесь. У меня была идея, но пока не узнаю больше о русско-ирландском объединении, я не хотела высказывать ее здесь. Раскрыть убийство само по себе непросто, но, когда дело доходило до офицеров, все могло быстро пойти наперекосяк. Поскольку у нас не было тел, у нас не было способа узнать наверняка, были ли они живы или мертвы. Я допускала, что они мертвы — и тот, кто забрал их тела, оставил после себя конкретный беспорядок.

Это должна была быть простая работа. Преступление было совершено с такой беспечностью, что поймать того, кто стоял за этим, должно было быть несложно. А со доносчиком, это должно было быть в десять раз легче. Рано или поздно, мы бы получили другую подсказку, что-то большее, от чего можно было оттолкнуться. Однако пока, нам оставалось сидеть сложа руки и ждать. Либо ждать чего-то от детективов по расследованию

убийств, либо ждать, когда осведомитель позвонит и скажет нам о другой сделке.

Я не привередлива, и была бы рада сейчас хоть чему-то.

В тот же день, я раз за разом прослушивала звонок. Кто бы это ни был, они намеренно исказили голос. Более того, они использовали таксофон, чтобы в дальнейшем их невозможно было отследить. Честно говоря, я даже не знала, были ли еще таксофоны в округе. Они казались уже прошлым веком. Но нашему предприимчивому и умному осведомителю удалось найти один из них, словно из ниоткуда. Мы получили местоположение телефона, но пришли к заключению, что это тупик. Возле таксофона не было камер, которые могли бы разоблачить нашего таинственного абонента, вообще ничего, что могло бы помочь установить личность доносчика.

Я напрягала свой мозг, пытаюсь найти все, что могло бы связать синдикат О'Брайена с преступлением. Или оставить их в покое. Я не могла пойти к ним с пушкой, не имея ничего, кроме догадок. Но у меня было сильное предчувствие, что они были к этому причастны.

— Несколько наших парней собираются пойти на обед, не хочешь присоединиться?

Я была погружена в свои мысли и слегка вздрогнула от звука голоса. Я обернулась, чтобы посмотреть на горячо «любимого» мной офицера Вона, смущающего меня пристальным взглядом. Он улыбался мне грязной, язвительной улыбкой. Совсем не дружелюбной. Собственно, его взгляд казался, мягко говоря, враждебным. Однако, это не он обращался ко мне. Голос принадлежал офицеру Роллинсу, молодому парню, имеющему склонность пялиться на мой зад каждый раз, когда ему выпадал удобный случай.

— Нет, спасибо, — сказала я с дружелюбной улыбкой, обращаясь к Роллинсу.

Джоэл Роллинс был примерно моего возраста, но не имел никаких стремлений. Никакого желания продвигаться по службе. Он казался абсолютно счастливым, будучи патрульным, работающим на улицах. Ни больше, ни меньше. Он был блондином с голубыми глазами, типичным американским мужчиной, которого любая мама с удовольствием пригласила бы на ужин. Проблема в том, что моя мама умерла. Много лет назад.

Когда Вон продолжил злобно посматривать на меня, я выдавила еще одну улыбку, которая, как я надеялась, выглядела искреннее, чем была на самом деле.

— Думаю, я просто закажу что-нибудь сюда.

Мой телефон завибрировал в кармане, что дало мне идеальную причину удалиться. Это был мой личный телефон, но им не обязательно было это знать. Протолкнувшись через офицеров, я повернулась к ним спиной, чтобы проверить, кто звонил, и спешно ответила на звонок.

— Привет, Ян, — сказала я, убедившись, что офицеры были вне зоны слышимости. — Не ожидала услышать тебя. Что случилось?

— Ничего особенного, — ответил он. — Просто хотел увидаться, если ты не против пообедать.

По всей видимости, каждый думал, что мне нужно сегодня пообедать. Словно в ответ на это, мой желудок заурчал, и идея пообедать была вполне привлекательной. Я не получала известий от Яна с тех пор, как он оставил меня стоять с открытым ртом три ночи назад в «Золотом трилистнике». Я хотела позволить ему пойти ко мне и никогда не думала, что это займет столько времени.

— Конечно, звучит мило, — сказала я, чувствуя, как уголки моего рта приподнялись в улыбке. — Только скажи мне, где и когда, и я подъеду.

— Как насчет «Каталано» на пирсе через двадцать минут?

— Отлично.

Я дала отбой и проверила время. Мне придётся уйти, чтобы вовремя добраться до пирса, но я подумала, что это не станет проблемой. К тому же, было неплохо ненадолго покинуть офис. Я все ещё ждала отчета от криминалистов и кое-какие свидетельские показания, которые вероятно придётся ждать немного дольше. Не казалось, что я сделаю что-то полезное за это время в офисе. Отчего бы тогда и не пообедать, верно?

— Эй, я отойду ненадолго, — сказала я шерифу, когда проходила мимо его кабинета. — Позвоните или напишите мне, если что-то узнаете.

— Ладно, — проворчал он.

Я знала, это приводило его в смятение так же, как и меня. Сидеть здесь в ожидании результатов лабораторных анализов было наихудшей частью, особенно, когда это касалось двух твоих пропавших сотрудников. Еще бы, люди отправились прочесывать местность из-за них, но мы все понимали, что шансы найти их были практически нулевыми. По крайней мере, найти живыми.

И если здесь хоть как-то замешана организованная преступная группировка, то, по всей видимости, у нас никоим образом не получится найти тела. Тот факт, что они оставили такой беспорядок, прежде всего, давал мне маленький проблеск надежды. Дилетанты. Возможно, они допустили ошибку, которая бы вывела нас на них. Хотелось бы надеяться.

Но сейчас, ланч.

— Прости, что так поздно, — сказала я, присоединившись к Яну за столом. Он встал и выдвинул для меня стул, такой джентльмен. В наши дни было тяжело найти порядочного человека, по-прежнему верившего в благородство.

— Не беспокойся об этом, милая, — ответил он, широко улыбаясь. — Ожидание тебя стоит того.

Я обнаружила, что краснею, хотя изо всех сил старалась не показывать этого.

— Я рада, что ты позвонил, Ян. Я уж начала сомневаться, задела ли твое эго, после того как не поехала к тебе домой тем вечером. Просто переживал обиду, да? — пошутила я в попытке разрядить обстановку.

— О да, милая, это были долгие три дня. Дела, к сожалению, заняли все мое время. Ты, безусловно, отрада для глаз, — он бросил похотливый взгляд в мою сторону, и, не сомневаюсь, мои щеки покрылись румянцем. Способ изменить ход игры, Ян... Блестяще.

— Милое местечко, — сказала я, оглядывая ресторан, который казался слишком роскошным для свидания за обедом.

Мы были здесь одними из немногих. У меня складывалось сильное ощущение, что ситуация скачкообразно перешла к ужину, поскольку царил утонченная атмосфера и элегантность — резкий контраст с пабом, в котором мы встретились с Яном двумя днями ранее.

— Друг посоветовал мне побывать здесь. Хотя должен признать, как правило, я не любитель итальянской кухни.

— Уверена, вниз по улице есть ирландский паб, — сказала я, смеясь.

— Уверен, что есть, — сказал он. — Но у этого места отличные рекомендации, и я предположил, что это лучший шанс произвести на тебя впечатление.

Была ли я впечатлена? Я подумала, что его старания произвести на меня впечатление

были восхитительны. Это было мило. По-своему очаровательно.

— Только я девушка, не питающая иллюзий, Ян, — сказала я ему. — Тебе не нужно выбирать роскошные места, чтобы произвести на меня впечатление.

— Да, — сказал он, подмигнув, — но иногда даже девушка, не питающая иллюзий, заслуживает, чтобы с ней обращались, как с королевой, не правда ли?

Я не могла отрицать этого, поэтому и не пыталась. Хотя, должна была признать, большинство мужчин, с которыми я встречалась, не имели склонность хоть чуть-чуть верить в такой жизненный подход. Для меня это была освежающая и очень милая смена привычной обстановки.

— Спасибо. А теперь, что твой друг рекомендовал нам попробовать? — спросила я, открывая разнообразное меню.

— За флорентийского лобстера можно умереть, — сказал он со скептицизмом в голосе. — Он сказал что-то типа этого.

Роскошно. Пожалуй, слишком роскошно на мой вкус. Истина в том, что я, не привыкла к роскошной стороне жизни. Я это и подразумевала, когда говорила, что была девушкой, не питающей иллюзий.

Уютное молчание, повисшее между нами, спокойная инструментальная музыка, задающая тон обстановке, и я поняла, что те несколько раз, что мы встречались, темы разговора никогда не были слишком личными. Я хотела заинтриговать его, и, судя по нашему свиданию во время обеда, мне это удалось. Следующим шагом мне нужно было завоевать доверие, чтобы раскрыть его подобно нежной устрице.

— Итак, напомни, чем ты занимаешься, Ян? — спросила я.

Он ответил без колебания:

— Я бизнесмен. А ты чем занимаешься?

Принимая во внимание его ответ, я заколебалась, разве что на мгновение, и надеялась, что он не заметил мою нерешительность.

— Я секретарь.

7

Флинн

— Секретарь, серьезно? — Я переключил свое внимание на Эйву, не имея никакого желания тонуть в еще большей лжи о своей работе. Это была не та тема, которую следовало так внезапно поднимать в зарождающихся отношениях. Они только начинались, и чем меньше Эйва знала ту сторону меня, тем лучше.

— Ну, считай, что я помощник по административной работе, вроде в наши дни это так называется, — сказала она с улыбкой. — Если честно, я даже немного больше, чем прославленный секретарь.

Я представил милую маленькую Эйву, сидящую за столом и находящуюся в подчинении какого-то руководителя, на месте которого хотел бы быть я. По какой-то причине, эта картинка поразила меня, и фантазии в моей голове застigli меня врасплох.

— И ты довольна этим, Эйва? — спросил я, выбросив грязные мысли из своей головы.

Она пожала плечами:

— Полагаю, что так. Эта работа позволяет платить по счетам. Но я всегда хотела

заниматься чем-то большим.

— Например?

— Не знаю, возможно, чем-то творческим. — Ее глаза, казалось, загорелись, когда она заговорила. — Я увлекалась танцами, когда была ребенком, но моя неуклюжесть не позволила мне зайти слишком далеко. Впрочем, еще мне нравится писать.

— Писать? В смысле, романы?

— Ага, хотя на самом деле, у кого из нас есть время на такие легкомысленные вещи, не так ли? — Она рассмеялась и отвернулась от меня на секунду, сосредоточив внимание на руках.

— Точно, тяжелое положение работающего человека, — сказал я.

Нас прервал официант, и мы сделали заказ. Когда он удалился, Эйва без промедления вернулась к разговору.

— Возможно, будет грубо предположить, но я бы не отнесла тебя к разряду деловых людей. Особенно, после встречи с тобой в дешевом ирландском пабе, таком как «Золотой трилистник».

— Да, и почему же, милая? — спросил я заинтригованно.

— В тебе есть что-то такое, что я никак не могу разгадать. Чем ты занимаешься?

— Ну, хорошо, небольшой семейный бизнес по импорту товаров. На самом деле ничего особенного, чем можно было бы гордиться. — Это не было ложью, всего лишь умолчанием всей правды. — Я просто ежедневно управляю коммерческими сделками, документооборотом и тому подобным.

Она сделала глоток воды, подозрительно пялясь на меня.

— Ты выставляешь свою работу такой обыденной и скучной.

— Это на самом деле так, я лучше оставлю эту часть своей жизни в офисе, вместо того, чтобы таскать с собой. Кроме того, я пригласил тебя на обед, чтобы узнать тебя получше, милая.

Подошел официант, и, извиняясь за задержку, наполнил наши стаканы водой. На самом деле в это время суток здесь было совсем немногочисленно и не могло быть никакого оправдания подобному скверному и медленному обслуживанию. Я не собирался ругаться с официантом на глазах у Эйвы, потому что это выглядело бы дурным тоном. Вместо этого, я отмахнулся от него.

— Итак, Эйва, — сказал я, пытаюсь что-то придумать, дабы сменить тему, — ты когда-нибудь была в Ирландии? У тебя заметен легкий акцент, и я подумал...

— Лишь когда была ребенком, — ответила она. — До того, как умер мой отец. Но я выросла в строгой ирландской семье.

— Ты? — спросил я. — А фамилия? Как правило, я знаю всех ирландцев в округе.

— Вообще-то, я не местная, — сказала она быстро. — Я родом из Вашингтона.

— А что привело тебя в Чикаго?

— Работа, — сказала она.

Это ужасное слово. Работа. Его следовало запретить. Так что я снова попробовал сменить тему.

Я прочистил горло:

— Итак, ты когда-нибудь писала что-то? — спросил я. — Имею в виду, когда-нибудь публиковалась? Что-то, что я могу знать?

— Я начинала несколько книг, но так и не закончила их, — сказала она, пожимая

плечами. — Они были не особо хороши.

— Почему ты так говоришь?

— Просто потому что я — не писатель.

— Ты пишешь, значит ты — писатель, — сказал я. — Или не все так просто?

Нашу еду принесли мгновенно, словно официант пытался реабилитироваться за задержку. Обычно я был не прочь сидеть часами, оживленно общаясь с красивой женщиной. Но по какой-то причине, наш разговор шел не так гладко, как я рассчитывал. Я знал, что причина во всех тайнах, которые я должен был держать подальше от нее. Возможно, встречаться с тем, у кого совершенно другой образ жизни, не так-то просто, как я себе это представлял.

— Я не проходила никакого обучения, никаких подготовок, ничего подобного, — сказала она. — Я просто пишу то, что мне хочется, и выходит то, что выходит. Непоследовательная бессмыслица.

— Лично я думаю, звучит интригующе. Возможно однажды, я смогу прочитать что-либо из этого.

— Возможно, — сказала она, пробуя салат, и улыбнулась мне.

Ее изумрудные глаза загорелись, и мне не удавалось выкинуть мысли об этом из головы. Глядя в эти прекрасные глаза, я знал, что хотел, чтобы все получилось. Я хотел встречаться с той, кто не только хотела бы трахаться со мной из-за денег, в надежде забеременеть и тем самым связать меня навсегда. Нет, я хотел настоящую женщину, с ее собственной жизнью, собственными мыслями и без тайных планов. Кого-то, вроде Эйвы. Я хотел найти способ уравновесить обе свои жизни. Проблема в том, что я не знал, как это сделать.

Мой телефон зазвонил, и я вздохнул.

— Извини, проблемы на работе, — сказал я, указывая на телефон, пока просматривал сообщение от Колина.

Мужик, ты нужен нам здесь. Это серьезно.

Черт.

— Мне жаль, милая Эйва, но мне придется прервать наш обед немного раньше. Срочно нужно в офис, — сказал я, убирая телефон в карман.

— Да, конечно, — сказала она. — Мне тоже пора возвращаться.

Нам пришлось закончить обед, но, по крайней мере, мы поели. Как только наши тарелки опустели, я возненавидел необходимость спешить. Наклонившись, я взял руку Эйвы в свою, погладив ее перед тем, как поднести к губам и нежно поцеловать. Ее кожа была такой мягкой и пахла апельсиновыми цветами — я мог наслаждаться этим ароматом на протяжении всего дня. Но мне нужно было идти.

Когда мы встали попрощаться, без лишней продуманности или планирования, я решил рискнуть. Когда наклонился, я оставил нежный поцелуй на ее губах. Целомудренный поцелуй, ничего больше, но, когда я отстранился, ее щеки пылали, и она улыбалась. Я выпустил небольшой вздох облегчения от того, что не был отвергнут и не получил пощечину, что было истолковано мной, как положительная реакция на мое действие.

— Я хочу снова увидеть тебя, милая. И как можно скорее, — прошептал я, прежде, чем покинул ее, совершенно ошеломленную и задыхающуюся.

Вернувшись в участок, мне было трудно сосредоточиться из-за мыслей о прошедшем свидании, вращающихся в моей голове. Он поцеловал меня. И мне это понравилось. Я не могла вспомнить, когда в последний раз мужчина целовал меня, и я действительно наслаждалась этим.

— Эйва, мы взяли тебе сэндвич, — сказал офицер Роллинс, вырывая меня из моих фантазий и возвращая в реальный мир. — Надеюсь, тебе нравится индейка и швейцарский сыр?

Я повернулась к нему и постаралась быстро стереть застывшее влюбленное выражение со своего лица.

— Ой, спасибо, Роллинс. Я ценю это.

Я не хотела показаться грубой и говорить ему, что уже пообедала, поэтому взяла сэндвич и положила на стол, словно в любой момент собиралась наброситься и съесть его. Роллинс стоял неподалеку.

— Ну, так что, есть какие-нибудь новости по убийству полицейских? Какие-нибудь подсказки?

Я почувствовала раздражение:

— Роллинс, мы до сих пор не знаем, живы они или мертвы.

— Пожалуйста, зови меня Джоэл, — сказал он с застенчивой улыбкой.

Я не привыкла называть сотрудников по именам. Для меня это было неправильно и немного непрофессионально. Но из-за того, что он уже называл меня по имени, я не хотела казаться высокого о себе мнения и преднамеренно холодной.

— Ну ладно, Джоэл, мы до сих пор не знаем, живы они или мертвы, — сказала я. — И нет, у нас нет никакой новой информации.

— Жаль этих двоих, — сказал он, прислонившись к стене и отпив из кофейной чашки Starbucks. — Хорошие ребята. Надеюсь, мы выясним, кто это сделал. Думаешь, это могли быть русские?

— На самом деле, нет, — сказала я. — Русские, как правило, аккуратны. И они не настолько глупы, чтобы совершить подобное прямо перед своим складом.

— Тогда ирландцы? — не отставал он.

Как только он это сказал, мое сердце сжалось. У меня было предположение, что это могли быть ирландцы. Я знала, что между ирландцами и русскими были некие отношения, но ирландцы были щепетильны в таких делах не меньше русских. Вот почему я находилась в ступоре. Беспорядок на месте преступления не походил на почерк ни одной из этих группировок, отбрасывая некую тень сомнения в моем сознании, касаемо и тех, и других.

— Если честно, офицер Р... я имею в виду Джоэл, пока мы не получим результаты лабораторных анализов или какие-нибудь зацепки, я не могу сказать ничего определенного. Но, уверена, превосходные сотрудники отдела убийств отлично справятся с этим.

— Ты когда-нибудь думала, что могла бы работать с ними?

— На самом деле нет, — сказала я. — За свою жизнь я достаточно насмотрелась на сцены убийств. Безусловно, настолько, чтобы определиться, где именно я хотела бы работать.

Джоэл воспринял это, как приглашение занять место напротив меня.

— Тогда скажи мне, Эйва, почему ты выбрала организованную преступность? —

спросил он. — И почему из всех остальных группировок специализируешься на ирландцах? Имею в виду, они не так уж и активны.

Мысленно я вздохнула и закатила глаза. На самом деле, я не имела никакого желания говорить об этом с тем, кого едва знала. Джоэл Роллинс казался неплохим парнем и хорошим полицейским. Но моя история и основания для выбора карьеры были слишком личными, чтобы делиться с ним.

— Это долгая история, Джоэл, и, если честно, мне не хотелось бы обсуждать это, — сказала я. — Это слишком личное и очень болезненное для меня.

Он замолчал на несколько минут, и я подумала, что разговор закончен. По крайней мере, я рассчитывала на это. Он смотрел на меня внимательно, будто ожидал, что я заполню тишину, рассказывая ему все, о чем прежде не имела желания говорить, только из-за того, что он достаточно долго молчал.

— Это связано с твоим отцом, не так ли? — наконец спросил он.

Я, буквально, отскочила назад, словно меня ударили по лицу.

— Что, прости?

— Я знаю о твоём отце, Эйва, — сказал он. — Весь участок знает. Ходили слухи о нем, но я не был уверен, верить ли им.

Когда он это сказал, я почувствовала себя беззащитной и совершенно разбитой. Не говоря уже о сильном потрясении и возмущении по поводу вторжения в мою личную жизнь. Все, чего я хотела, так это просто побыть в одиночестве, но Джоэл Роллинс оставался на месте, попивая кофе, и, как я предполагала, наблюдал за мной. Было очевидно, что мой взгляд и сжатая челюсть не вполне ясно донесли до Джоэла мое раздражение. Тупой болван.

— Что тебе известно о моем отце? — спросила я, мой голос был тихим, но грубым.

— Почти ничего, — признался Роллинс. — Только то, что он был ирландским коммерсантом и полицейским осведомителем. Из чего довольно несложно сделать соответствующий вывод.

Ярость нарастала во мне волной:

— Джоэл, пожалуйста, оставь меня одну.

Его лицо скривилось, когда он потрясенно отпрянул назад. Он выглядел так, словно это я задела его чувства, вынося на обсуждение его личное дело и предоставив его на обозрение всему миру, когда по сути все было наоборот. Но я была не из тех женщин, которые извинялись, когда о них вытирали ноги или вторгались в личное пространство. Поэтому, если он ждал от меня извинений, то ему придется ждать ужасно долго.

— Я не имел в виду...

— Не важно, что Вы имели в виду, офицер Роллинс, — сорвалась я. — Я сказала, что не хочу говорить об этом, а Вы все же продолжили давить на меня. Поэтому, я была бы по-настоящему признательна, если бы Вы оставили сейчас меня одну. Я больше не хочу продолжать этот разговор.

Он попытался сказать что-то еще, но, видимо, вовремя спохватился, встал и молча пошел в сторону двери. Выражение его лица говорило, что с ним поступили несправедливо. Я не сомневалась, что когда он расскажет все своим парням, то для всех я буду адской стервой.

— Мне жаль, Эйва, — попытался он оправдаться. — Знаю, что иногда не могу держать язык за зубами. Знаю, что это одна из моих пагубных привычек. Я просто на самом деле хотел узнать тебя получше.

Я стиснула зубы и изо всех сил схватилась за край стола, чтобы не ударить кулаком по чему-то или кому-то.

— Это не лучший способ, Джоэл, — сказала я. — Ты не добьешься успеха, принуждая кого-то говорить о чем-то столь личном и неприятном, особенно после того, как тебе сказали, что не хотят говорить об этом.

— Мне жаль, Эйва, — снова повторил он перед тем, как выйти.

Я не сказала ему, что все в порядке, и что он прощен. Наоборот, я дождалась, пока дверь за ним закрылась, и разрыдалась. Разговор о моем отце всегда был непростым для меня, но всякий раз находилась тот, кого я едва знала, и кто вынуждал меня говорить об этом. Это выглядело так, словно он истоптал меня, и осознание того, что все в участке знали о моем отце и сплетничали за моей спиной, причинило мне боль, которую я никогда прежде не испытывала.

Дыши, Эйва. Сосчитав до десяти, мне удалось расслабиться. Я ни в коем случае не собиралась позволить этому задеть меня. Я проходила через гораздо худшие вещи и не сломалась. Я переживу это с таким же успехом. Это было пустым местом. Они были пустым местом.

9

Флинн

Исаак Соколов, глава русской мафии, ждал меня на складе. И он был не один.

— Я смотрю, ты привел друзей, — сказал я, когда занял свое место.

Исаак не выглядел довольным. Его друзья, Алексей и Николай, братьями, за прошедшие годы завоевавшие доверие старины Айка. Они отлично потрудились, чтобы продвинуться вверх по карьерной лестнице, в конечном счете, заслужив положение правой руки — если конечно у Исаака не было детей. Чего я никогда не мог себе представить.

Исаак был человек-зверь — высокий, представительный и огромный, но при этом не толстый. Он был горой мышц. Ему не нужны были телохранители, но он привел их с собой. Полагаю, это было сделано для того, чтобы запугать или впечатлить меня. Подобное сработало бы с большинством людей, но не со мной. Меня не запугать грубой силой, потому что я знал, Аик мог быть огромным, но не самым умным. Что касалось Алексея, этот парень был расторопным малым. Он был из тех, кого следовало остерегаться.

— У тебя стукач, мистер О'Брайен, — без предисловий начал Исаак, переходя к сути дела. Я ценил это в деловом человеке.

— У тебя есть какие-то доказательства, друг мой?

— Я тебе не друг, мистер О'Брайен.

— Конечно, нет. Это просто поговорка, мистер Соколов, — сказал я. — Но первая часть вопроса остается в силе. Где доказательства?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Исаак посмотрел на меня, сузив пылающие гневом глаза, прежде чем Николай ответил за него:

— Сначала два копа за нашим складом во время перевозки оружия...

— Могли просто следить за подозрительным автомобилем, — сказал я. — Мы не знаем наверняка, было ли это спланировано, или у них возникли какие-то подозрения.

Николай бросил на стол передо мной несколько фотографий. На них была изображена полицейская баррикада за пределами того же склада, где были совершены убийства.

— По всей видимости, выискивают двух копов, которых мы положили.

Николай положил еще фото офицеров, обыскивающих другие их склады по всему городу.

— А эти, мистер О'Брайен? Ты считаешь, это тоже связано с убийством копов?

— Мало ли. Если они связали склад с вами, почему бы и нет?

Исаак снова заговорил, нарушив молчание:

— Вы доставили нам эти неприятности, мистер О'Брайен. Твои люди и их беспечность послужили причиной произошедшего, — проворчал он. — Теперь скажи мне, что я должен делать?

Он был прав, это мы стали причиной свалившихся неприятностей. Не то чтобы я мог признать это. Я пристально посмотрел на Колина, сидящего рядом со мной. Это дерьмо все еще было на его совести.

— Мы позаботились о проблеме, мистер Соколов, — сказал я. — Полагаю, у вас есть другие места в городе, о которых полиция еще не знает. Давайте оставим все как есть.

— Слишком поздно, идиот, — сказал Исаак. — Они уже начали арестовывать моих людей.

— На каком основании? — спросил я.

— Это у тебя надо спросить.

— Впервые об этом слышу, — сказал я. — Давай я встречусь со своими людьми и посмотрю, что смогу выяснить. Но на твоём месте, я бы также проверил своих людей.

Я смотрел на Алексея и Николая, когда говорил. У них были все основания для попытки свергнуть лидера с целью получить контроль над группировкой. Эти двое были умнее Исаака, и у меня не было никаких сомнений, что они могли бы руководить русским братством лучше него. Хотя с другой стороны, я не думал, что смог бы вести с ними дела. Старина Айк был долбаным психом, но Алексей и Николай были совершеннейшим злом. Они были из тех людей, которым не следовало доверять.

— Мои люди надежны. Это все из-за твоих грязных ирландцев нам придется...

— А теперь, Айк, слушай сюда, мужик, — сказал я раздраженно, чтобы он понял, что я не шучу. — Мы всегда хорошо относились к тебе и твоим парням, разве не так? Я всегда держу слово, и будь уверен, что сдержу его и в этот раз. Если среди нас стукач, в чем я сильно сомневаюсь, то мы поймем этого ублюдка. Мы поняли друг друга?

— Хорошо, — Исаак встал и кивнул своим приспешникам следовать за ним. — Я жду отчет от тебя завтра после того, как ты поговоришь со своими людьми.

— Есть, сэр, — сказал я, бросив Колину улыбку в этот момент.

Когда Исаак ушел, Колин разразился смехом. Станный звук, если учесть насколько серьезными были сложившиеся обстоятельства. Но Колин часто справлялся со стрессом странными и непостижимыми методами.

— Кому-то придется умереть, чтобы умиловить повелителя, ты понимаешь это, Флинн? — сказал Колин с все еще красным от смеха лицом.

— Нет, если этого можно избежать, — сказал я.

— Ты думаешь, что сможешь уладить это, никого не убивая?

— Я не собираюсь кого-либо убивать, пока у меня не будет доказательств, что он действительно стукач, — сказал я. — С другой стороны, о чем мы, черт возьми, вообще, а?

Братья не набрасываются друг на друга, чтобы кого-то успокоить, неважно, насколько чертовски опасным этот кто-то может быть. Мы будем держаться вместе. Мы будем делать только то, что необходимо делать в таких случаях, и лишь с моего согласия и при наличии доказательств. И если среди нас действительно стукач.

Колин встал и похлопал меня по спине.

— Ты лучше меня, Флинн.

Вот почему именно я был лидером нашей организации, а не он. Даже наши родители знали, что с Колином было что-то не так. Я мог быть чертовски сумасшедшим, но он был безумным психом в самой крайне опасной степени.

10

Флинн

— Вам, наверное, интересно, почему я вас собрал?

Я пристально посмотрел на четырех мужчин, сидящих за столом, которым доверял больше всего на свете. Они взглянули на меня с легким любопытством. Рэд и Эммет с самого начала были на стороне моего отца, и я всегда был рад видеть их здесь. Я ценил их опыт и мудрость. И, как старшие члены синдиката, они часто давали мне советы в тех областях, в которых у меня не было ни малейшего опыта или же в том, чего я мог не знать.

Колин — моя правая рука — также сидел за столом. Каким бы безумным ни был этот подонок, я ценил его больше других, и он всегда был для меня братом. Его семья помогла мне подняться на ноги, и я знал, что в решающий момент Колин всегда прикроет мою спину. Поэтому, несмотря ни на что, он всегда будет присутствовать за этим столом.

И еще одним человеком за столом был мой брат Эйдан. Честно говоря, я был удивлен, что он удосужился появиться. Он сделал все возможное, чтобы отдалиться от синдиката, желая вести чистую, законную жизнь. Во всяком случае, на какое-то время.

Несмотря на это, что-то всегда втягивало его в наш темный мир, и нужно было признать, это был я. Хотя он и был моим младшим братом, Эйдан всегда был готов прийти мне на помощь, так же как и я был готов прийти на помощь ему. Как и поступают братья. Поэтому, когда я ему позвонил, он оставил свой пентхаус в Чикаго и снова прибыл в неблагополучный район города. Только потому, что я попросил. Такую преданность невозможно было оценить, и я был благодарен ему за это.

Глядя на него, можно было сказать, что мы братья. Его темные волосы и глаза были под стать моим, даже если волосы были длиннее, чем у меня, и собраны в хвост. Он носил сшитый на заказ костюм, который выглядел дорого и восхищал кроем. Должен отдать ему должное, мой братишка был стильным малым.

— Не было времени переодеться, братишка? — спросил я его.

— Не совсем, — сказал он, выглядя раздраженным из-за того, что был вынужден находиться здесь. — Я был на встрече с клиентом, когда ты позвонил. К счастью, он не захотел разговаривать, поэтому мне удалось быстро уйти, когда я получил твое сообщение.

— Что ж, ценю твое присутствие, — сказал я. — Больше, чем ты думаешь. На самом деле, я ценю всех, кто присутствует здесь сегодня вечером.

Они кивнули, и хотя я был рад видеть их всех, мне было намного легче от того, что пришел мой братишка. Он был нужен мне. Эйдан был адвокатом. Точнее адвокатом защиты,

что, время от времени, приходилось кстати. Хотя, я старался не злоупотреблять этим. Мой брат упорно пытался жить законной жизнью, и я уважал его решение. Стараясь делать все возможное, чтобы не злоупотреблять его возможностями. Но если до этого доходило, и я попадал в переделку, он всегда мог использовать свое влияние или позвонить паре влиятельных людей, чтобы спасти мою задницу.

Вот почему в первую очередь я позвонил ему для встречи.

Единственным недостающим человеком за этим столом был мой отец. Он был не в состоянии уделять внимание этой ерунде, и я приказал каждому держать его в стороне от этого. Смерть итак забирала у него достаточно энергии. Последнее, что я хотел для него, мучений от обсуждения всего этого дерьма.

— В чем проблема, Флинн? — спросил Эммет с серьезным и мрачным выражением на усталом лице. — Ты сказал, что-то срочное?

— Да, боюсь, что так, парни, — сказал я. — Происшествие с русскими. После пропажи копов, все их склады по городу обыскиваются. Они думают, что среди нас стукач.

— Стукач? — презрительно усмехнулся Рэд, откинувшись на стул и почесывая бороду. — Черт возьми, точно не среди нас. Ни единого долбаного шанса.

— Ты уверен, старик? — спросил Колин, приподняв бровь.

— Я бы поставил на это свою жизнь, — выпалил Рэд. — Я доверяю каждому из братьев. Ни один из них не предал бы нас вот таким образом. Никогда в жизни! — кивнул он Эммету.

— Я согласен с Рэдом, — сказал я, бросив взгляд на Колина. — Вряд ли кто-то из наших — стукач. И не имея доказательств, мы, на самом деле, мало что можем сделать. Я ни в коем случае не собираюсь начинать «охоту на ведьм» и рушить все чертовы планы.

Эйдан сузил глаза, пока сидел и слушал все, о чем мы говорили. Выражение его лица сохраняло спокойствие, безучастность и он, по-видимому, глубоко задумался. Благодаря тому, что он не был связан с синдикатом так же, как мы, он мог смотреть на вещи более объективно.

Он мог хорошо разбираться в людях — особенность, которая помогала ему выбирать клиентов, чтобы быть уверенным, что его репутация лучшего защитника останется безупречной.

— Что думаешь, брат? — спросил я его.

— Я просто пытаюсь мысленно пройтись по всем членам синдиката, чтобы посмотреть, вдруг, кто из них выделится, — сказал он. — У тебя появился кто-то новый?

— Шон? — сказал я, качая головой. — Нет, он просто сопляк, мужик. Неспособный на...

— Ты уверен, Флинн? — спросил меня Колин. — Я к тому, что в последнее время он ведет себя странно. На мой взгляд, он ведет себя чертовски нервно. Не приходит на наши встречи, опаздывает, постоянно на что-то отвлекается.

— Ты имеешь в виду, обычные подростковые глупости? — спросил я. — Ты не помнишь себя и свое легкомыслие в его возрасте, Колин?

— Нет дружище, дело не только в этом, — Колин откинулся на кресло, качая головой. — Он ведет себя скрытно. Только на прошлой неделе я зашел в ванную и обнаружил его, слишком тихо разговаривающим по мобильнику. Когда я вошел, он дал отбой и прикинулся, будто ничего не произошло. Словно не он только что шептался в ванной по телефону. Помнится, как он задавал мне дурацкий вопрос о Bears (прим. пер. *Baylor Bears*

baseball team — бейсбольная команда Бэйлорского университета (Уэйко, штат Техас)) или Cubs (прим. пер. *Chicago Cubs* — национальная американская бейсбольная команда, базирующаяся в Чикаго, штат Иллинойс), или еще о каком-то дерьме.

— И что с того?

— А то, что мне кажется, этого достаточно, чтобы по крайней мере допросить его, ты так не думаешь? — сказал Колин.

Рэд кивнул, соглашаясь с ним:

— Не то чтобы я не доверяю ему, но Колину я доверяю больше. Я едва знаю парня. Не могу сказать, ведет ли он себя подозрительно или нет, но если Колин говорит, что пацан ведет себя странно, считаю необходимым прислушаться к нему.

— Поддерживаю парней, босс, — вмешался Эммет.

Я обратился к брату:

— Эйдан, ты что думаешь?

— Не вижу никакой причины, по которой ты не можешь хотя бы поговорить с мальчишкой. Прощупай его, — сказал он. — Я его не знаю, поэтому у меня нет позиции по данному вопросу. Но если он действительно дерганый и нервный, как говорит Колин, он, скорее всего, прогнется под давлением. Поэтому, тебе просто нужно немного надавить. И, пожалуй, будет лучше, если ты выяснишь это как можно раньше. Обезопась себя, подавив это в зародыше.

Он был прав.

— Ты готов пойти со мной для прикрытия?

Эйдан покачал головой:

— Прости, но не могу. Мне не хотелось бы быть связанным с этим больше, чем уже есть. Если он действительно стукач, я не хочу, чтобы о моей причастности узнали федералы.

— Хорошо, брат. Я понимаю, — сказал я.

Колин уже мысленно пытал парня и признал его виновным на сто процентов. Я ни в коем случае не хотел просить его пойти со мной. Колин, несомненно, обострил бы ситуацию, готовый казнить его без причины. И Рэда, хотя он был верным другом, я также не хотел втягивать во всю эту неразбериху. Если Шон был невиновен, пусть лучше он злится лишь на меня за то, что засомневался в нем, вместо того, чтобы думать, что братья предали его или пытались оторвать ему ноги. Особенно такой уважаемый член синдиката, как Рэд. Получалось, что допрос висел полностью на мне. Не то чтобы я был против. Так было проще. Меньше шансов облажаться и дать ситуации выйти из-под контроля.

Я сидел в самом дальнем углу «Золотого трилистника», потягивая ирландский виски, при этом бездумно тасуя колоду карт. Я сидел здесь на протяжении нескольких часов, размышляя над встречей с Рэдом, Колином, Эмметом и Эйданом. Было тяжело уложить в голове обвинения, выдвинутые Колином. Синдикат был единственной семьей, которая осталась у Шона. Мы взяли его к себе, когда он был совсем молодым парнишкой, убедившись, что у него есть все необходимое для выживания в этом Богом забытом мире.

Когда он стал достаточно взрослым, чтобы работать на нас, он не игнорировал шанс проявить себя. Безусловно, временами он был глуповат, но он был молод и еще многому мог научиться. Лично я сомневался, что у него были намерения подставить нас, как утверждал Колин.

Тем не менее, как босс, я не мог без зазрения совести отмахнуться от предположений Колина. Определенно, был доносчик, который навел на нас полицию Чикаго, но он мог бы

работать и с русскими. Кто знает.

Поставив стакан с виски, я вздрогнул. Вкус был не настолько хорош, как тогда, когда я только начинал пить. Я сидел здесь уже несколько часов с этим самым стаканом, медленно потягивая виски, пытаюсь разобраться во всем этом гребаном дерьме, и только сейчас понял, что не продвинулся ни на шаг. Я просто не верил, что Шон был «крысой», но понимал, что нужно с ним поговорить. Черт побери, мне нужно было отвлечься. Переключиться на что-то, за исключением смутных неприятностей, которые окружали меня.

Присутствие в моих мыслях горячей рыженькой стирало все тревоги из-за дерьма, происходящего за кулисами моей жизни в качестве босса мафии. С Эйвой я пытался действовать осторожно (она была в не курсе моей настоящей личности) и, по какой-то гребаной причине, я не беспокоился по этому поводу. Я взял мобильник и раздумывал над тем, чтобы позвонить ей, но быстро понял, что хотел увидеть ее лицо, прикоснуться к мягким губам намного больше, чем услышать ее голос. Я планировал еще какое-то время оставаться джентльменом, потому что не хотел, чтобы она подумала, будто я видел только ее задницу. Она была чем-то большим, и хотя мы виделись всего лишь несколько раз, я понял это в ту первую ночь, когда мы познакомились.

Я набрал сообщение и нажал отправить.

Адрес, милая.

Через мгновение прозвенело входящее сообщение.

И зачем он тебе понадобился, Ян?

Черт возьми, женщина. Я быстро настроил ответ, ощущая, как мой член затвердел в штанах от ее дерзкого ответа. Она хотела быть остроумной, и я мог только представлять ее нос в веснушках, сморщившийся от озорства, когда она отвечала.

Я же говорил, что хочу увидеть тебя снова как можно скорее, а это было слишком давно. Собираюсь сдержать свое обещание, моя милая Эйва.

Я бросил пачку денег на стол и, покинув паб, пошел к машине. Устроившись на водительском сиденье, проверил телефон и не обнаружил ответа. Я был не в духе играть с Эйвой в «кошки-мышки».

Я нетерпеливый парень, милая. Адрес.

Ее ответ не заставил себя ждать.

Холстед Корт 1408, квартира 5.

Я завел машину и выехал на дорогу. В столь поздний час, пока я направлялся из города в небольшой жилой квартал, улицы были пустынные. Я за двадцать минут добрался до квартиры Эйвы, не теряя ни минуты, дошел до небольшого здания, чтобы предстать перед ее дверью, и постучал три раза.

Эйва медленно открыла дверь, и перед глазами предстали ее спутанные рыжие локоны, собранные на макушке, а яркие озорные зеленые глаза заставили мое сердце грохотать в груди. Черт возьми, никогда я не был зависим от женщины так, как от Эйвы. Эмоции, чувства (что бы это ни было) были абсолютно неизведанной территорией для мужчины вроде меня.

— Привет, Ян, — тихо сказала Эйва, отступив и приглашая меня войти. Я широко улыбнулся, словно большой страшный волк, преследующий свою жертву.

— Милая, — прорычал я, крепко схватив ее за бедро и вплотную притянув к своей груди. Черт, она пахла восхитительно. Мой рот нашел ее, и я нежно потянул зубами ее нижнюю губку, поддразнивая и возбуждая языком, после чего оставил ее губы и нежно

провел рукой по щеке. Боже мой, она была так чертовски красива.

— Я не должен был скучать по тебе, но скучал.

Я отстранился и прошел дальше в ее квартиру. Она была маленькой, но аккуратной и чистой.

— Хм, хочешь чего-нибудь выпить? Кажется, у меня есть немного Гиннеса, — нервно сказала Эйва, проскользнув мимо меня в кухню.

— Да, милая.

Эйва вернулась в гостиную, где я, собственно, совал свой нос в ее личное пространство, пытаясь понять женщину, которая зацепила меня так, что я не мог ясно соображать, когда она была в мыслях, хотя и признал это только сегодня вечером в «Золотом трилистнике».

— Итак..., — Эйва протянула мне бутылку пива. — Должна сказать, не ожидала, что ты будешь настаивать на визите, особенно так поздно ночью, — захихикала она, усаживаясь на край дивана.

Я пожал плечами и сел возле нее, предоставив ей личное пространство, чего, на самом деле, не особо хотелось. Но я знал, чертовски хорошо знал, сядь я хоть немного ближе, не смог бы держать себя в руках.

— Выдался тяжелый денек, хотя даже неделя, и мне нужно было отвлечься. А ты кажешься идеальной, чтобы отвлечься от этого дерьма, — я улыбнулся, будучи по-настоящему откровенным с ней.

— Так, я теперь отвлечение, да? — подначила она с озорным блеском в глазах.

— Тебе бы стоило гордиться этим, милая Эйва. Не каждый день я требую адрес женщины, и затем появляюсь на ее пороге. Как правило, я заставляю женщин приходить ко мне, но ты другая — особенная.

— Особенная, да? Так, как я могу отвлечь тебя, Ян? Отвлечь от всего дерьма, с которым ты столкнулся за эту неделю?

Я положил руку на спинку дивана и поманил ее придвинуться ближе. Она подвинулась к центру дивана, все еще сохраняя небольшую дистанцию между нами, пока я не обернул руку вокруг ее талии и не притянул к себе на колени. Она ахнула, глаза широко распахнулись от удивления, когда она устроилась на моем твердом члене. Лишь одно прикосновение, и вот такой эффект она оказывала на меня.

— Не бойся, милая. Я обещал тебе, что всегда буду джентльменом, — я обхватил ее лицо руками и прикусил губу, мысленно прося большего. Она уступила, открыв рот шире и пройдясь языком по моему. Наш поцелуй был неторопливым и нежным, но вскоре перешел в безрассудный. Я мог потеряться в этой женщине, всецело поглощенный ее красотой, прикосновениями, запахом, добрым сердцем.

Я пропустил пальцы через ее волосы и распустил беспорядочный узел, позволив локонам рассыпаться по плечам.

— Ты так чертовски красива, — прошептал я, и в поцелуе мог почувствовать улыбку, скользнувшую по ее губам. Она углубила поцелуй, застигнув меня врасплох, когда оседлала и потерлась о меня своей киской. Черт возьми! Я бы не стал инициатором первого шага (не после первого впечатления Эйвы о моих намерениях насчет нее), но я бы с радостью поддался ей.

Когда я скользнул ладонью к краю ее футболки, ощущая нежную кожу спины под своими грубыми кончиками пальцев, у меня в кармане завибрировал телефон, отправляя меня в иную реальность, не ту, в которой я хотел быть.

— Дерьмо, — прорычал я, прижавшись лбом к плечу Эйвы.

— Игнорируй его, Ян.

Я хотел, хотел притвориться, что в этом мире существовали только мы с ней, но у меня были обязанности, которыми я не мог пренебрегать.

Поцелуями проложил след от плеча Эйвы до нежной шеи, по скулам и к этим сладким губкам, вырывая из них приятный стон.

— Пожалуйста, Ян. Просто игнорируй его. П-позволь мне отвлечь тебя, — умоляла она.

Я нежно приподнял ее с колен, когда телефон снова завибрировал.

— Мне жаль, милая, но я должен идти.

Я встал и направился к двери, чтобы уйти, Эйва последовала за мной. Она улыбалась, пока открывала дверь, затем встала на носочки и оставила на моей щеке легкий поцелуй. Невинная и милая, чувственная и манящая. Эйва представляла собой полный набор.

— Доброй ночи, милая. Запри двери. В это время ночи на улицах таятся опасные люди, а ты именно из тех, на кого им свойственно охотиться, — подмигнул я.

— Ох, не сомневаюсь в этом, Ян. Позвони мне скорее.

Я дождался, когда закрылась дверь, и щелкнул замок, прежде чем направился по коридору дома Эйвы. Прежде чем я добрался до машины и проверил сообщения, мой телефон вновь завибрировал.

Ты говорил с Шоном?

Босс, на русских снова совершили облаву.

Почему ты не отвечаешь? Перезвони мне.

Тяжелый груз лег на мои плечи, но я не мог бросить братьев. Они были обеспокоены преданностью Шона синдикату, и я должен был положить конец этому вопросу.

11

Флинн

Фактор внезапности был на моей стороне, когда я стоял у квартиры Шона. Если повезет, я поймаю его в разгар чего-то гнусного, или мне удастся его полностью оправдать. В любом случае, было хорошей идеей, не предупреждать его заранее о своем визите.

Я постучал один раз, затем, прежде чем снова постучать, сообщил, что это я.

— Подожди, дружище, — раздался голос за дверью. — Дай мне минуту.

Я слышал, как он замешкался, сбив какую-то хрень по пути к двери. Через дверь можно было услышать звук падающих на пол пивных бутылок и другие неопознанные шумы. Он потянул дверь, но защитная цепочка помешала открыть ее до конца.

— Ох, прости, забыл об этом, — пробормотал он, прикрыв на мгновение дверь.

Я услышал металлический скрежет, а затем грохот у двери, когда он снял цепочку с крючка. Широко раскрыв дверь, он стоял с покрасневшими и мутными глазами, потирая лицо рукой. Я осмотрел его, принимая во внимание внешний вид: боксеры в красно-белую полоску и немного спутанные волосы. Он выглядел так, словно только что проснулся и нуждался в еще нескольких часах сна. Пахло соответствующе.

— Ты не мог бы одеться? Не хотелось бы смотреть на твою бледную задницу, — сказал я.

Шон рассмеялся:

— Точняк. Просто не хотел заставлять тебя ждать. Входи, Флинн.

Я вошел в захламленное жилище, обходя кучи одежды и другого дерьма на полу. Шон жил в квартире-студии, а значит, все его жилище состояло буквально из одной комнаты, причем, довольно маленькой.

— Цена проживания в центре города, — сказал он, заметив, как я осмотрел все вокруг. — Но, на самом деле, я живу над очень хорошим китайским ресторанчиком, где можно заказывать еду на вынос, так что это того стоит.

— Шон, ты когда-нибудь приводишь сюда девушек?

— Иногда. — Он пожал плечами, схватив с пола черную футболку с логотипом «Jameson Irish Whiskey». Быстро понюхал ее, и, видимо, посчитав вполне пригодной, натянул через голову.

— Однако, я неплохо убираюсь, дело доходит до этого.

— Чертовски на это надеюсь. Это место мгновенно портит настроение, — сказал я, прогуливаясь по жилому пространству. И, черт возьми, чуть не вляпался в коробку из-под пиццы.

— Твою мать, ты — грязный ублюдок. Чувак, имей хоть каплю самоуважения.

— Ну, это был сегодняшняя ужин, я как раз собирался выбросить ее, — сказал он, подскочив и схватив коробку.

Он надел темные джинсы, разорванные на коленях, затем быстро прошел, прихватив коробку из-под пиццы с пола, и закинул ее в уже переполненное мусорное ведро. Пол вокруг туалета устлала бумага и пивные банки, на что я только покачал головой. Этот парень был гребаной свиньей.

Я презрительно посмотрел на двухместный диван, прежде чем решился рискнуть и сесть на него. Из того, что я смог заметить, не было похоже, что на подушках было что-то слишком сомнительное. Я просто мысленно сделал пометку, бросить одежду в стиральную машину, когда вернусь домой. Или, пожалуй, прямо в мусоросжигатель.

На экране телевизора была какая-то видеоигра, наполненная взрывами и бегущими вооруженными людьми. Она все еще работала без него.

— IrishBloke, ты там? Ты нужен нам, чувак, — позвал голос из телевизора.

— Позволь мне только сказать парням, что я должен отойти ненадолго, — сказал он, стоя передо мной, и схватил наушники, лежащие на игровой приставке.

Я никогда не понимал популярность видеоигр. Если я хотел испытать насилие и смерть, все, что мне нужно было сделать, это выйти за дверь. Вокруг меня и без того было полно подобного дерьма. Оно витало в воздухе весь день, каждый день. Видеоигры были пустой тратой времени. А миллионы людей посвящали играм долгие часы, но что я знал об этом?

Шон надел гарнитуру и поговорил с ребятами по телевизору, давая им понять, что вернется позже, после чего выключил X-Vox и с тупой долбаной ухмылкой на лице переключил внимание на меня.

— Извини, просто немного порубился с товарищами в сетевую игру, — сказал он.

Я пожал плечами:

— У каждого из нас свои увлечения.

— Так, что привело тебя, Флинн? — спросил он, с легкой нервной дрожью в голосе, пробежав рукой по темно-рыжим волосам.

По мере того, как я сидел, не говоря ни слова, я мог видеть, что он нервничал, и его напряжение росло. Я был не из тех, кто на досуге заходит в гости. Если я хотел

пообщаться, то все сводилось к Гиннесу или чистому ирландскому виски. Поэтому, если я показывался на пороге вашего дома, то с уверенностью можно было предположить, что обнаружилось какое-то дерьмо.

— Присаживайся, Шон. Нам нужно поговорить, — сказал я.

Он покраснел, и я увидел, что его нервозность возросла. Прекрасно. Шон вытащил стул из-за барной стойки (я предположил, что там была кухня) и сел. Он посмотрел на меня широко раскрытыми глазами и облизнул губы.

— О чем, Флинн? Что-то случилось?

— Не совсем, Шон, — сказал я.

Я чувствовал свой пистолет, припрятанный в кобуре, на поясе. Это была тяжелая, но хорошо знакомая и даже приятная ноша. Единственное, к чему я привык за эти годы, что он всегда был со мной, на случай, если понадобится. Но надеюсь, мне не придется им воспользоваться. Шон был всего лишь глупым парнем. Но «крысой»? Я не был уверен. Во всяком случае, пока.

— В чем дело, Флинн? Что-то с синдикатом?

Он выглядел на самом деле растерянным, словно понятия не имел, что случилось, или почему я был здесь, задавая ему вопросы. Было ли это всего лишь игрой? Шон никогда не производил на меня впечатления отличного лжеца, и часто говорил неподходящие вещи в неподходящее время. Он был хорошим парнем, но зачастую бестолковым. Я с трудом верил, что его ложь была просчитана и заранее спланирована. Но с другой стороны, возможно, я просто подыскивал любую причину, чтобы не верить в то, что он был стукачом. Я мысленно напомнил себе, что должен был оставаться беспристрастным и принять любой возможный ответ, чтобы докопаться до истины.

— Шон, я буду говорить с тобой прямо и начистоту. Русские предполагают, что среди нас стукач, — сказал я, внимательно наблюдая за его лицом, ожидая какого-либо сигнала или признака в его поведении, когда говорил эти слова. Его глаза становились больше и испуганнее, он был в шоке, во всяком случае, так казалось. — И мне не нужно объяснять тебе насколько это плохо было бы для нас, не так ли?

— Нет, нет, не нужно, — тихо сказал он, вновь облизнув губы, когда уставился на меня, словно боялся сказать слишком много. Или слишком мало. — Кто... кто это, по-твоему?

Я пожал плечами:

— Если честно, пока не знаю. Поэтому я здесь.

— Почему? Ты думаешь, я могу что-то знать?

Я, опять же, неопределенно пожал плечами. Я больше ничего не говорил. Только пристально смотрел на него и ждал ответа. Время от времени молчание могло быть лучшим твоим другом. Иногда виновный сам выдавал себя, если дать ему время.

Не дождавшись ответа от Шона, я спросил:

— Ты что-то знаешь?

— Черт, мужик, — вставая, сказал он и начал мерить комнату шагами. — Я не знаю, черт возьми. Клянусь, Флинн. Никто не говорил мне ни слова насчет работы на копов. Ты же знаешь, я сказал бы тебе, если бы что-то услышал.

Я хотел верить ему, хотел. Но он запаниковал. Он расхаживал по комнате то вперед, то назад, словно тигр, запертый в клетке, и каждый раз, когда направлялся в сторону двери, я опасался, что он может сбежать. Я встал и подошел к нему, схватив его за плечи. Его глаза были широко раскрытыми, почти безумными, а на лбу выступили капли пота.

— Возьми себя в руки, Шон, — сказал я, немного встряхнув его, чтобы он прекратил бормотать. Теперь он вел себя странно. Слишком странно, как по мне. — Возьми, черт побери, себя в руки. Это серьезное дерьмо, и если ты что-то знаешь или же сам обращался к копам — я должен знать!

Он уставился на меня так, словно был удивлен видеть меня, стоящим здесь:

— Ты думаешь, это я гребаный стукач? За кого ты меня принимаешь? Флинн, я могу быть кем угодно, но не долбаной «крысой».

Он боролся с моей хваткой, пытаясь вырваться из рук. У меня не было иного выбора, как толкнуть и прижать его к стене. Я наклонился ближе и прищурился, пытаясь просто донести до него, насколько серьезным было все это дерьмо.

— Послушай, Шон, если ты не расскажешь мне, мать твою, правду, ты будешь мучиться от боли, ты слышишь меня? Братья, они не церемонятся со стукачами и не позволят тебе умереть быстрой и спокойной смертью. Ты можешь быть нашим братом, но если у нас возникнут какие-то сомнения, то твоя смерть будет гораздо мучительней, чем у некоторых обычных врагов, — прорычал я полным ярости голосом. — Мужик, мы не просто пристрелим тебя и выбросим тело в гребаную реку. Такое для шпаны и отбросов. Если ты гребаная «крыса», мы удостоверимся, чтобы ты, в первую очередь, раскаялся в своем жизненном выборе. Мы, безусловно, точно знаем, как сломать человека. Как заставить его пронзительно кричать и рассказать нам все, что он, черт возьми, знает. Это то, чего ты хочешь, Шон? Мы должны заставить тебя кричать для того, чтобы ты заговорил, а?

— Какое это имеет значение, Флинн? — спросил Шон, и по его щекам потекли слезы. — Какая, нахрен, разница? Я умру в любом случае, неважно, что сделаю или скажу. Очевидно, вы всё итак уже решили.

— Мы пока еще ничего не решили. Ты расскажешь мне, причастен ли ты к этому, Шон?

— Колин назвал меня? — спросил он переходящим в отчаянье голосом. — Это был он?

Его вопрос застал меня врасплох.

— Какая разница, кто назвал твое имя, а?

— Никакой, — сказал он разбитым голосом, звуча так, словно совершенно разочаровался в жизни. — Ничего не имеет значения. Если они говорят, что я — стукач, значит так и есть. Ничто уже не смоет эту грязь, мужик. Просто, черт возьми, убей меня сейчас и покончи с этим. Флинн, не заставляй меня страдать.

Шон потянулся за моим пистолетом, но я перехватил его руку, крепко сжав ее.

— Шон, мать твою, даже не думай об этом, — сказал я. — Я не хочу тебя убивать, но сделаю это, если ты меня вынудишь.

— Я ведь итак уже ходячий труп, не так ли? Что бы я ни сделал — я умру.

Я не был злым человеком (хитрым и опасным — да), но не по-настоящему злым. Я делал то, что требовалось для защиты своего. Мои братья — люди, которые отдавали свою верность синдикату О'Брайена — были семьей. В результате, я защищал то, что принадлежало мне, без каких-либо помех. Но когда под вопросом оказывалась преданность кого-то из братьев, мы требовали доказательств, прежде чем вынести вердикт, касаемо их предательства. Если они, без всякого сомнения, были признаны виновными в результате своей неосмотрительности, то я был судьей, присяжным и чертовым палачом.

— Так же, как и мой брат, — плакал Шон. — Ты собираешься меня убить так же, как и моего брата. Я уже знаю это, так что теперь просто покончи с этим.

— Нил был другим, — сказал я. — Он был предателем.

— Вот, что они сказали, не так ли? Поэтому, это должно быть правдой. Нил был предателем, как и я, — сказал Шон, вытирая глаза. — Поэтому убей меня сейчас, Флинн. Не позволяй, пожалуйста, братьям добраться до меня. Просто покончи с этим сейчас.

Я быстро обдумал слова Шона. Что-то в недогнущем образе, с которым он молил сохранить ему жизнь, застало меня врасплох. Я не был уверен, верил ли ему или был в ярости от того, что один из моих парней был трусом и умолял о быстрой смерти вместо того, чтобы получить то, что ему причиталось.

Я посмотрел ему в глаза, и моя рука зависла над прикладом пистолета в кобуре. Все во мне говорило не делать этого, потому что Шон — не стукач. Но я колебался. Я просто не знал, должен ли довериться своим инстинктам или ему.

12

Эйва

Ужин разогревался. Просто пицца на вечер, ничего особенного. Помощь управлению полиции Чикаго практически лишала меня личной жизни, хоть я и не хотела этого признавать. Это изнуряло. Выматывало. И убивало каждую каплю моей энергии. Иногда по вечерам у меня не хватало сил, чтобы разогреть чертову пиццу, и я просто ложилась спать.

Я всегда была на связи и даже не успевала в эти дни забежать в магазин, чтобы купить что-то для нормального ужина. Дело набирало обороты, и, именно поэтому, они звонили мне. Хотя им следовало позвонить мне раньше, чтобы предотвратить смерть двух своих копов. Но, возможно, это поспособствовало предотвращению некоторых других преступлений и нападений, число которых сократилось после проведения облав на некоторых складах, принадлежащих русским.

Завибрировал телефон, и на мгновение, мое сердце замерло. Часть меня надеялась, что это был Ян. Но потом я осознала, что это рабочий телефон, и все в груди оборвалось. Дела, как обычно. Я выключила духовку, прекрасно понимая, что мне в любом случае не суждено поесть пиццу. Схватила телефон со стола, сокрушаясь, что осталась голодной, и что звонил не Ян.

— Да, шериф, — ответила я до того, как сработала голосовая почта.

Его голос звучал раздраженно, и в то же время подавленно. Не говоря уже о том, что он звучал больше, чем просто уставшим. Он тратил на работу много времени, вероятно, даже гораздо больше, чем я. Что было чем-то особенным.

— Мы нашли тело, — сказал он четко и резко.

— Просто назовите мне координаты, и я подъеду, — сказала я. Я знала, что это убийство было связано с ирландцами или русскими, иначе бы они мне не позвонили.

К тому времени, как он назвал мне место, я уже переделалась во что-то, более подходящее для работы. Центр. Убогая часть города, место, где я не хотела бы оказаться в это время ночи при обычных обстоятельствах. Насколько грязным, наводненным преступниками и жалким ни было это место, это была та часть города, где зачастую жили молодые люди и те, кто вечно работали по полдня, потому что это был один из наиболее доступных районов Чикаго.

— Уже еду, — сказала я.

Я дала отбой, дважды проверила, выключила ли духовку, и направилась к двери. Мой

желудок урчал, но мне придется поесть позже. Если, конечно, я не слишком вымотаюсь, и после работы с трупом у меня останется желание поесть.

— Что у нас тут? — спросила я, поднырнув под полицейской лентой и войдя в квартиру. Кровь стекала по стене густыми красными ручейками с фрагментами мозга, разбрызганными повсюду. Это было первое, что я заметила при приближении к ужасной сцене преступления, и это заставило мой желудок вывернуться. Независимо от того, как долго я выполняла подобную работу, она все еще вызывала у меня тошноту. Я никак не могла привыкнуть к этому.

— Смотрите под ноги, — сказал офицер Вон.

— Трудно это сделать, когда невозможно увидеть пол под своими ногами, но постараюсь, — ответила я с вызовом, закатив глаза.

Боже мой, этот человек недотепа, подумала я про себя. Как только у меня появилась эта мысль, я выкинула ее из головы. Человек был мертв. Судя по всему, жестоко убит. Беспорядочная квартира была сейчас наименьшей из их проблем. Тем не менее, если бы тут было немного чище, искать улики было бы проще.

Я переступила через несколько пивных банок и кучу грязного белья, прежде чем увидела тело, опущенное у стены, полностью принявшее образ смерти.

— Огнестрельное ранение в голову, — сказал Вон, стоя рядом со мной, уперев руки в бока.

— Вот дерьмо, — сказала я, доставая пару перчаток. — Есть идеи, кто он?

Вон пожал плечами и зевнул, словно его едва ли волновало то, что менее чем в пяти футах от нас лежал мертвый человек — кто-то, у кого отобрали жизнь. Честно говоря, Вону скорее всего было совершенно наплевать. Для него это был всего лишь еще один труп, больше хлопот, чем оно того стоило. Ему было все равно, поскольку убитый никем ему не приходился. Но для кого-то погибший был важен. Был чьим-то сыном или братом.

Мне в глаза бросилась его футболка. Jameson Irish Whisky. Он был одет в темные джинсы, разорванные на коленях, причем разорванные намеренно. Я предположила, что в наши дни подростки находили это модным и стильным. Платить приличные деньги за одежду, которая выглядит хуже той, что вы могли бы найти в комиссионном магазине — мне никогда этого не понять.

И хотя я не могла разобрать черты его лица, я знала, что он был всего лишь ребенком. Просто немного глупым ребенком, вероятно обучающимся в колледже или работающим в компании отца. Кем-то, у кого еще даже не было возможности сделать что-то в своей жизни. А теперь такая возможность никогда у него не появится. Из этих мыслей, вращающихся в моей голове, меня вырвала именно футболка.

— Он связан с ирландцами? — спросила я.

К счастью, шериф полиции стоял рядом и услышал мой вопрос.

— Предполагаем, это возможно, — мрачно сказал он. — Мы только что получили возможные данные жертвы. Его зовут Шон Мэлоун.

— Почему это имя звучит так знакомо? — спросила я.

— Его брат, Нил Мэлоун, был убит около года назад.

Я кивнула. Верно. Нил Мэлоун был обнаружен мертвым в переулке. Кажется, до самой

смерти он спасался бегством, и все же его застрелили, но перед смертью он пострадал от изощренных пыток. У него недоставало несколько пальцев и зубов, а все тело было обожжено. И лишь после того, как он перенес все эти пытки, его подстрелили и оставили умирать одного в переулке.

— Несчастливая их мать, — тихо сказала я.

— Их мать тоже умерла, — сказал шериф. — Теперь вся семья ушла.

Мэлоуны представляли собой тех парней, которые присоединялись к бандам преступников. Они были из тех, кого активно искала и вербовала ирландская мафия. Двое сирот, которым больше не к кому было обратиться и особо нечего терять.

Но если это так, и они были частью мафии, зачем семье, которую они выбрали, оборачиваться против них и расправляться с ними.

— Старший брат, Нил, был нашим осведомителем, — пояснил шериф. — Он стал информатором взамен на то, чтобы мы сняли несколько предстоящих обвинений против него за незаконный оборот наркотиков.

— И Шон? — спросила я, вставая.

— Нет никаких сведений о том, что Шон работал на нас, — сказал шериф, звуча действительно озадаченно. — Его криминальное прошлое поразительно чисто. Это первый раз, когда он попал в поле нашего зрения.

— И последний, — сказала я, покачав головой.

— Да, — тихо сказал шериф.

— Трахните меня, — прошептала я.

Глаза Роллинса загорелись любопытством, когда его взгляд обратился ко мне с вкрадчивой ухмылкой, едва коснувшейся его тонких губ.

— Расслабься. Это просто образное выражение.

— Итак, если ты не доносчик, тогда кто сделал это с тобой, Шон? И почему? — Спросила я, словно покойник как-то мог мне ответить. — Это сделали твои братья? С чего они так обозлились на тебя?

— Есть свидетели? — спросила я.

— Конечно, нет, — ответил шериф с оттенком горечи в словах. — Все молчат. Никто ничего не видел.

— Что вам нужно от меня, шериф? — спросила я.

— Прямо сейчас, ничего особенного, — сказал он. — Нам просто нужно ваше мнение. Думаете, это мафия?

Я вздохнула. Трудно было отрицать связь, но что-то все еще беспокоило меня по этому делу. Нам даже не удалось признать кого-то виновным за убийство Нила Мэлоуна год назад. Возможно это дело рук одного и того же человека? Была ли это работа синдиката? У меня было достаточно обрывков доказательств, дающих основание полагать, что это были они, но я знала, что суду этого будет недостаточно. Ничтожные доказательства, которые легко мог отшвырнуть и отторгнуть любой хоть мало-мальски соображающий адвокат защиты. Ничего конкретного у меня не было.

А убийство Шона? У меня пока не было даже малейших улик. Было трудно сказать хоть с какой-то уверенностью, кто его убил.

— Думаю, да, но нам нужно найти нечто большее, — сказала я со вздохом. — Я осмотрюсь вокруг. Посмотрю, что смогу найти.

Эйва

Стоило мне закончить дела на месте преступления, как зазвонил мой личный телефон. Мое сердце пропустило пару ударов, я сняла перчатки и избавилась от них. Отошла от собравшихся, чтобы получить немного уединения, и ответила на звонок.

— Моя милая Эйва, — пропел Ян на другом конце.

— Ян, как ты? — спросила я, мельком взглянув на часы, проверяя время.

— Знаю, что уже поздно, но хочу тебя увидеть. Может, перекусим?

— Ты читаешь мои мысли. Вообще-то я умираю с голода, — смеясь, сказала я. — Я так голодна, что почти уверена, могу съесть целую корову.

— Ну, тогда ты не против стейка?

После всего увиденного мной этим вечером, идея есть полусырое мясо с кровью должна была вызвать хоть какую-нибудь реакцию. Или, по крайней мере, тошноту. Но этого не произошло. Видимо, в эти дни я слишком часто и долго находилась среди крови и расчлененки.

— Стейк звучит чудесно, — сказала я. — Когда и где?

Он сказал, где мы встретимся, и у меня еще оставалось время добежать до дома и переодеться в нечто более подходящее для свидания, поскольку черные брюки и рубашка на пуговицах были не самой сексуальной одеждой в моем гардеробе.

Я не хотела одеваться слишком официально, чересчур наряжаться и выглядеть так, словно я слишком сильно старалась. В итоге, остановилась на соблазнительной черной юбке и бледно-голубой шелковой блузке, обтягивающей меня во всех нужных местах и подчёркивающей изгибы. Черные каблук, волосы, собранные в причёску, и я была готова идти.

По пути из спальни я мельком увидела свое отражение в зеркале. Вид уставший. Я вздохнула. Я собиралась пофлиртовать. Возможно, даже что-то погорячее. Но не было сомнений — я выглядела измотанной.

— Ничего, что не смог бы исправить консилер, — сказала я, нанося его под глаза.

После этого, немного подвела глаза и подкрасила ресницы, чтобы выглядеть более бодро, нежели чувствовала себя на самом деле. И, заодно, использовала немного красной помады, почему бы и нет? Как ни как, это было свидание. Свидание с привлекательным мужчиной, который всегда хорошо выглядел, неважно, во что он был одет.

Теперь, когда мой образ был завершен, мне пришлось поторопиться. Не желая искать место на парковке, я поймала такси и сообщила название ресторана и адрес.

Я оттолкнула мысли о работе на задний план. Пыталась забыть о несчастном парне, который больше не сможет ни с кем пойти на свидание. Пыталась забыть тот факт, что его кровь и мозги украшали стены его гребаной квартиры. Пыталась забыть все это.

Временами было трудно сделать подобное, но когда я смотрела на город вокруг, то пыталась напомнить себе, что чувство жалости к нему, его не вернет.

Теперь единственное, что я могла для него сделать — поймать его убийцу.

Именно это я и планировала сделать.

Я знал, это было неожиданно, и сейчас было довольно поздно, но после всего, что я сегодня пережил, мне просто хотелось увидеть ее. После всего этого проклятого безобразия мне хотелось, чтоб в моем мире появилось что-то хорошее. И это была она. Она была безупречна. Мила. Красива. Она заставила меня чувствовать эмоции, которые я не мог понять. Я знал лишь одно — когда я был рядом с ней, мне было хорошо. И я нуждался в этом.

Сидя в ресторане, я смаковал красное вино из бокала и постукивал пальцами по столешнице, страстно желая увидеть ее вьющиеся рыжие волосы и красивую улыбку, зная, что она приободрит меня.

А потом появилась она. Я заметил ее, когда она шла через зал позади хостеса, как всегда выглядя восхитительно. Увидев ее, мое сердце замерло, что было непривычно для меня. В моей жизни всегда было много женщин. Ничего серьезного. Никаких привязанностей и никаких обязательств. Я всегда так действовал.

Но когда я смотрел, как она приближалась, то действительно верил, что могу влюбиться в эту женщину. Я знал, что это опасно, потому что она абсолютно ничего не знала обо мне. Что бы она подумала, если бы узнала правду о том, кто я на самом деле? Если бы узнала, что я — чудовище? Если бы узнала, что раньше я убивал людей и снова могу убить? Что бы она подумала, если бы узнала, что я пытал других за информацию или, что в настоящее время я работал над сделками, которые каждый божий день ставили наш город под угрозу?

Что бы она подумала тогда?

Я знал, что именно поэтому многие из парней женились на женщинах с нашей стороны — женщинах, которые уже знали обо всем. Это все упрощало и оставляло мало места для сюрпризов.

Но Эйва, ну, я не мог перестать думать о ней. Она была той, кто зажгла во мне что-то такое, за что, мне казалось, я хотел держаться. Когда она подошла к столу, я встал и притянул ее к груди, одной рукой крепко обнимая за талию, а другой — поглаживая по щеке. Я захватил ее мягкие губы своими, и она удивила меня, поцеловав в ответ, от чего с ее сладких и прелестных губ сорвался маленький стон. Поцелуй был таким многообещающим, таким горячим. Я знал, что должен был оторваться до того, как ситуация накалится.

Я отошел и попытался вдохнуть свежего воздуха, не выдавая свою реакцию на нее. Эйва слегка коснулась своих губ, и когда она улыбнулась мне, еще щеки порозовели.

— Рада видеть тебя, Ян, — тихо пробормотала она.

— Всегда рад видеть тебя, милая, — прохрипел я. — Позволь мне взять твою куртку.

Я помог ей снять куртку, повесив ее на спинку стула, перед тем как потянулся и выдвинул для нее стул. Я был многогранным человеком — безжалостным боссом мафии, любой ценой защищавшим то, что принадлежало ему, но в то же время и истинным джентльменом.

Моя мама, может быть, и умерла, когда я был крошечным мальчишкой, но она научила меня тому, что женщинам предназначено быть желанными, любимыми и уважаемыми. Эйва достойна благородства, того, кто придержит перед ней дверь и купит ей цветы. Она достойна королевского обращения и самого лучшего в этой жизни.

Черт. Мне следовало купить ей цветы, но я настолько был занят делами, что это даже не

пришло мне в голову. Я мысленно пнул себя, взяв на заметку, в следующий раз вспомнить о гребаных цветах.

Я сел напротив нее, вглядываясь в эти зеленые глаза и желая потеряться в их глубинах. Я хотел купаться во всем совершенстве, которое видел в Эйве, и оставить этот ужасный мир позади.

— Поздний вечер, — сказала она. — Не ожидала услышать тебя этим вечером. Это был приятный сюрприз.

— И я удивлен, что ты не обиделась на мое предложение встретиться так поздно, — сказал я со смехом. — Если честно, я даже не знал, сколько времени, работал допоздна.

Сделав глоток воды, Эйва приподняла бровь. Я жестом пригласил официанта подойти и налить ей немного вина.

— Так поздно? — спросила она. — Что может заставить тебя работать так поздно?

— Отгрузка в доке, — я отпил немного вина, наблюдая за тем, как она смотрела на меня. Ее бровь взлетела от любопытства, и я продолжил:

— Бизнес по импорту работает круглосуточно, милая. Некоторые партии товаров нуждаются в одобрении руководства по факту принятия поставки, но у жены Джони начались схватки, поэтому мне пришлось позаботиться о доках.

— Я вижу, — сказала она.

Наш официант разлил вино, и между нами повисло молчание. С большинством людей такое молчание могло быть неловким. Но не с Эйвой. Оно было естественным. Как короткая, но обычная пауза, пока наши души и тела пребывали в гармонии. И, черт, я мог весь день напролёт просто смотреть на ее прекрасное лицо и не произнести ни слова. Наблюдение за ней было сродни восхищению самым что ни на есть прекрасным произведением искусства, находящимся в какой-нибудь галерее в какой-либо точке света.

Она улыбнулась и поблагодарила официанта, открывая меню.

— Умираю с голода, — сказала она. — Что ты посоветуешь?

— За бифштекс можно умереть, — сказал я. — Хотя, он довольно большой.

— Пожалуй, многовато мяса для меня, — сказала она.

Мой взгляд взметнулся на ее заявление, и Эйва подмигнула, подавив намек на улыбку. Несло ли это в себе какой-то сексуальный подтекст? Или было просто небрежным замечанием, означавшим лишь то, что она сказала. Я понятия не имел. Я был совершенно растерян, когда дело доходило до Эйвы и ее мыслей. Она была загадкой для меня, той, которую мне по-настоящему нравилось пытаться отгадывать.

— Тогда, может быть, вместо этого отменное филе? — спросил я, пытаюсь переступить черту, чтобы посмотреть, клюнет ли она. — Оно нежное и сочное.

— Именно то, что я люблю, — сказала она.

Хорошо, она клюнула. Она определенно со мной флиртует.

— Тогда ты получишь огромное удовольствие, милая, — сказал я, подмигнув.

Эйва слегка покраснела, так, словно осознала, что наш разговор переходил к неприличному. Ее нога нежно поглаживала мою под столом, двигаясь все выше и выше, заставляя меня думать, что именно я был тем, кто получит удовольствие.

— Очень надеюсь на это. — Ее глаза потемнели, когда она улыбнулась, сомкнув полные красные губки на бокале, делая глоток красного вина. Ее язычок медленно обвел контур губ и свежее вино, покрывавшее их.

— Ммм, — сказала она. — Вино восхитительное.

Я мог почувствовать, как мой член твердел только от прикосновения ее ноги к моей и ее взгляда. Нелегко мне придется во время ужина. Но часть моего мозга задавалась вопросом, интересуясь, что произойдет, и что я буду делать, если она всего лишь дразнит меня? Я мысленно подготавливал себя к холодному душу и старой доброй работе рукой. Но, по-прежнему, не терял надежды.

Я представлял, как долгой одинокой ночью столкнусь с бешеной стадией синих шаров, потому что, чем выше поднималась ее нога по моей, тем жестче мой член прижимался к штанам. Что причиняло боль, потому что он требовал освобождения, но все, что я мог сделать — это смотреть на нее, сидящую по другую сторону стола, страстно желая дотронуться до нее, прикоснуться к ее губам, почувствовать ее тело под своим.

Может вино так повлияло на нее? Или, возможно, мое обаяние, наконец-то, взяло над ней верх? На протяжении всего ужина она продолжала флиртовать и трогать меня, и, на мой взгляд, напряжение только усиливалось. Она дразнила меня.

Я дал ей понять, не скрывая и утверждая очевидное, что хотел ее трахнуть. Что мне нужно ее трахнуть. После того, как она отшила меня в ту первую ночь, она вернулась в следующую и заявила, что отказывается быть меткой на моем ремне. Я пообещал, что между нами все будет развиваться естественным образом. Я был готов позволить ей прийти ко мне в том случае, когда она будет готова, и никогда не давил на нее. И, судя по всему, она была готова.

— Чек, пожалуйста, — сказал я.

Эйва попыталась взять чек, когда официант протянул его, но я выхватил его из рук официанта и держал вне ее досягаемости с игривой улыбкой на лице.

— Это мое, милая. — Так же, как я надеюсь, позже будешь и ты.

— Я настаиваю. Моя очередь платить. Я, все же, современная девушка, Ян.

— Никакая настойчивость не подействует на меня, Эйва. — Я передал официанту карту, прежде чем она смогла дальше бороться со мной. — Я знаю, что ты современная женщина, и это одна из вещей, которые мне в тебе нравятся. И все же, мне нравится угощать тебя. — Я игриво подмигнул и еще шире улыбнулся, когда продолжил: — Ты заслуживаешь королевского обращения.

— Что ж, если тебе так сильно нравится эта моя сторона, — сказала она. — Ты должен как-нибудь позволить мне оплатить счет.

— Может быть, в следующий раз, — сказал я, прекрасно осознавая, что никогда этого не допущу.

Но если бы это заставило ее согласиться на еще одну встречу со мной, то я был бы готов допустить подобную вероятность.

— Не «может быть», Ян, — сказала она. — Я плачу на следующем свидании. Либо так, либо я надеру тебе зад.

— Поговорим об этом позже, — сказал я.

Я подписал чек и встал, чтобы помочь ей надеть куртку. Как истинный джентльмен, по крайней мере, когда имел дело с леди. Это было правильно. Мои руки скользнули по ее плечам, и я почувствовал, как она задрожала от моих прикосновениями. Она оглянулась на меня и улыбнулась, поблагодарив меня взглядом. Я позволил своим рукам задержаться на ее плечах, пока не взял ее за руку.

— Ты за рулем? — спросил я. — Потому что я не знаю, в состоянии ли ты ехать домой за рулем.

— Нет, я взяла такси, — ответила она.

— Я живу прямо за углом, милая. Мы можем провести время у меня до тех пор, пока я не протрезвею настолько, что смогу отвезти тебя домой. Если хочешь. Или я просто могу вызвать тебе такси.

— Было бы неплохо, — тихо сказала она. — Я имею в виду твой дом. Не такси.

Мое тело пульсировало от предвкушения. Она шла ко мне. Разумеется, не было никакого обещания, что что-то произойдет, но, по крайней мере, был шанс. И этого было достаточно, чтобы член в очередной раз дернулся в моих штанах.

— Звучит здорово, — сказал я, уводя ее из ресторана.

Мы пошли по улице, держась за руки. Она сильнее укуталась в куртку, когда прохладный ночной ветерок заиграл с ее волосами. Она заправила их обратно, но теперь локоны обрамляли ее лицо. Если честно, я подумал, что так она выглядела еще более красивой — с растрепанными и распущенными волосами, как это и должно было быть.

Мы подошли к моему дому, и я открыл для нее дверь, приветствуя консьержа, когда вошел. Он кивнул мне и поприветствовал нас уже внутри.

— Ты не шутил, когда говорил, что живешь неподалеку, — сказала она, трясась от холода, когда мы вошли в более теплое помещение. — Я бы сказала, что ты это спланировал.

— Спланировал? Я? — спросил я с невинным видом. — И в мыслях не было, моя милая Эйва. Я не настолько коварен. И я, как-никак, предложил вызвать тебе такси.

Она шутливо ударила меня:

— Я знаю. Я сама захотела пойти к тебе.

Когда мы вошли в лифт, она потянулась поцеловать меня. Я нежно поцеловал ее, достаточно, чтобы оставить ее желать большего. Я пока еще не собирался идти ва-банк, не тогда, когда впереди у нас была целая ночь.

Кроме того, если она думала, что она — королева поддразниваний, то ей предстояла встреча с королем.

15

Эйва

Когда мы вышли из лифта в пентхаус, я едва ли могла поверить своим глазам. Через большие открытые окна я уставилась на город под нами.

— Для того, кто занимается такой скучной работой, без обид, у тебя, безусловно, классная квартира, — сказала я.

— Что я могу сказать? Дела идут хорошо, — ответил он.

— Импортом чего, ты говорил, занимается твоя компания? — спросила я, смеясь.

Он притянул меня вплотную к себе, когда мы прошли дальше, и от меня не ускользнул тот факт, что мой вопрос остался без ответа. Ян упоминал, что не любил обсуждать деловые вопросы, и меня это устраивало. Нам обоим было что скрывать, только он еще пребывал в неведении о том, что, по сути, я уже достаточно хорошо знала его истинную личность.

Апартаменты пентхауса вели в большую открытую гостиную с черными кожаными диванчиками, обращенными к окнам, а не к телевизору. На самом деле, я вообще не видела телевизора. Если он и был, то спрятан. И хочу сказать, спрятан хорошо. Возможно, Ян был

не из тех, кто любил бездельничать перед телевизором. И я это уважала.

Войдя в гостиную, позади себя я увидела кухню, великолепную, отделанную мрамором и сталью. В этом месте было столь же красиво, сколь и очень чисто, практически стерильно. Казалось, здесь никто не жил постоянно. словно это были всего лишь образцовые апартаменты. Просто для видимости. Потому что они никоим образом не могли быть настолько безупречными. С винтовой лестницы открывался вид на кровать королевского размера. С нижнего этажа я могла видеть спальню, которая казалась слишком безупречной, слишком чистой, как и все остальное в этом месте.

Ян подошел к стойке и достал бутылку вина.

— О нет, я думала, что мы здесь лишь до тех пор, пока не протрезвеем, — со смехом сказала я.

— Эйва, кого мы пытаемся обмануть? — усмехнулся он.

Его голос был решительнее, чем прежде. Он казался уже более уверенным и тверже стоял на ногах. Ян улыбнулся мне проницательной улыбкой мужчины, который знал, что собирался получить то, что хотел. Не то чтобы я винила его. Я сама всюду напрашивалась в ресторане. И, по правде говоря, добрый, отменный трах звучал не слишком убого. Тем более, с таким парнем, как Ян.

Он наполнил два бокала вином и подошел, предложив один мне. Сначала, я сделала вид, что отказываюсь, что он проигнорировал, готовясь поставить его на стол рядом со мной. Тогда, я взяла бокал из его руки и сделала жадный глоток. Мне нужно было выпить для смелости. Прошло слишком много времени с тех пор, как я уходила домой с мужчиной — особенно с мужчиной, настолько зацепившим меня.

— Думал, ты хотела протрезветь, — поддразнил он.

— Думала, что ты узнал меня получше, — поддразнила я в ответ.

Прежде чем поставить бокал на стол, я сделала еще один долгий глоток. Ян поступил также.

Ощущение тепла растекалось у меня в животе и чуть ниже, пока мы стояли, глядя друг другу в глаза. Я почувствовала его теплое дыхание у своей щеки, когда он наклонился вперед и коснулся моих губ своими восхитительными губами. Закрыв глаза, я застонала, когда он поцеловал меня. Сначала нежно. Но потом его руки обхватили мое лицо, и он притянул меня ближе. Я игриво прикусила его губу, что только побудило его целовать меня жестче, его язык оставил мои губы и проник в рот, буквально украв мое дыхание.

Его руки пробрались мне в волосы, освободив от заколки, удерживающей их на месте, и рыжие волны рассыпались по плечам, окружая нас мягкой бархатной завесой.

Ян целовал меня, покусывая, пока спускался ниже по шее, а его руки ласкали мое тело. Мои же жили своим разумом, спускаясь, расстегивали пуговицы на его рубашке. Мне нужно было почувствовать его грудь, прикоснуться к голой коже. Увидеть его во всем прекрасном ирландском великолепии.

Мои руки неумело возились с пуговицами, но, в конце концов, проскользнули под его рубашку и позволили ей упасть на пол. Руки Яна продвинулись вверх, разорвав мою блузку и обнажив черный атласный бюстгальтер. Его глаза потемнели от возбуждения, когда он ненадолго оторвался от моей груди и посмотрел мне в глаза. Он обхватил мою грудь, грубо щелкнув кончиками пальцев по соскам.

— М-м-м, — простонала я.

— Тебе нравится? — прорычал он, покусывая мочку моего уха, его голос был низким и хриплым.

— Да. — Мой голос вырвался с придыханием.

— Я не услышал тебя, — бросил он, дернув мои волосы назад так, что теперь я смотрела ему в глаза.

— Да, — сказала я снова, встревоженно и немного — нет, слишком — возбужденно.

Он быстро снял мой лифчик и наклонился, чтобы взять в рот сосок. На удивление, он нежно втянул его, подняв на меня глаза, наблюдая за выражением моего лица. Я прикусила губу, тело задрожало, когда я прижалась к нему. Он переместился от правой груди к левой, каждый укус и прикосновение его языка становились более дикими от желания. Я застонала, чувствуя, как становлюсь еще более влажной, от желания почувствовать его в себе.

Его рука переместилась мне под юбку, сдвинув трусики в сторону, он скользнул пальцем между моих складочек.

— О, черт! Ты влажная и чертовски теплая, милая, — сказал он. Его палец скользнул глубоко в меня, вырывая стон наслаждения. — И чертовски тугая.

Ян работал пальцами во мне, поглаживая то сладкое местечко, которое заставило мой мозг стремительно выйти из-под контроля и просить освобождения. Он осыпал мою шею сладкими поцелуями, а затем набросился на мои губы всепоглощающим, страстным поцелуем, в то же время потирая клитор ладонью. Я была совершенно выбита из сил, эмоционально растеряна от того, хотела ли незамедлительно испытать оргазм или продолжить сладкую пытку, пока не смогу больше дышать.

— Пожалуйста, — умоляла я его. О чем? Я не была уверена.

— Пожалуйста, что? — прохрипел он, сильнее потирая ладонью клитор, и одновременно кружа пальцами по точке G. *Черт, черт, черт.*

Жажда освобождения одержала верх над нуждой в его прикосновениях.

— Пожалуйста, ты нужен мне, Ян, — прошептала я.

— Громче, — потребовал он.

— Ты нужен мне, Ян. Нужен внутри меня, — сказала я, и мой голос выдал меня с головой.

Он был хриплым и еле слышным. Мое тело было напряжено и дрожало, когда он прикасался ко мне пальцами, волны наслаждения едва ли позволяли мне говорить — вот, что он делал со мной.

— Скажи мне, что тебе нужно, Эйва. Ты должна попросить об этом, — приказал он, его голос был незнакомым, пугающим, но сексуальным. — Я хочу, чтобы ты попросила меня об этом.

Очаровательный, благородный джентльмен испарился, вместо него в постели оказался плохой парень. Не то чтобы я жаловалась. Мое тело слишком сильно наслаждалось этим, больше, чем я могла себе представить. Я всегда была главной. Той, кто все контролировал. И все же, здесь я была покорной, нуждающейся просить и умолять о том, чего хотела и в чем нуждалась.

И это было так чертовски горячо. Мое тело очень охотно отзывалось на команды Яна.

— Трахни меня, Ян, — умоляла я. — Пожалуйста, трахни меня.

От нечего делать я задумалась над тем, как мы, в нашем нынешнем состоянии, собирались добраться до спальни, но мне не пришлось долго гадать. Я наблюдала, как он

отбросил брюки на пол, оставшись лишь в зеленых боксерах. Мои руки потянулись к его эрекции, но он перехватил их, крепко удерживая своими руками.

— Пока нет, — сказал он. — Ты весь вечер так чертовски дразнила меня. Теперь моя очередь.

Ян опустился на колени и, прежде чем я осознала, что происходит, его лицо расположилось между моих ног. Я откинулась назад, неловко сидя на углу дивана, в то время как его язык делал свое дело с моей киской.

Мои ноги обернулись вокруг его головы, когда он целовал и втягивал клитор, доводя меня до высшей точки наслаждения, прежде чем замедлился и отправил меня назад, оттягивая наступление моего оргазма. Я зарычала и опустилась на его лицо, разочарованная тем, что он каждый раз подводил меня так близко к кульминации, но ни разу не позволил мне кончить. Во всяком случае, пока.

Он хотел, чтобы я просила его об этом. Хотел, чтобы умоляла и продемонстрировала ему, что он совершенно надежно контролировал ситуацию.

Поэтому я сделала то, чего он хотел, умоляла его:

— Пожалуйста, Ян. Пожалуйста, Боже мой, хватит, позволь мне, пожалуйста, кончить.

Когда волна мощного наслаждения пронеслась по моему телу, я откинула голову назад и запустила руки в его волосы, сильнее прижимая его рот к себе. Я толкнула свое тело навстречу его губам, и если бы не его руки, поддерживающие меня за попку, то упала бы с дивана. Но не упала. Ян просунул одну руку под мои бедра, а другую расположил на моем животе, крепко удерживая меня напротив своего рта, пока трахал меня языком.

— Пожалуйста, позволь мне кончить, — выкрикнула я.

И на этот раз, когда я приблизилась к высшей точке, он не остановился. Он пожирал меня своим языком, вылизывая, посасывая и глубоко вколачиваясь им в меня. Он позволил наслаждению расти медленно, пока оно не взорвалось, и всплеск электричества захватил каждую нервную клеточку моего неистового, крайне возбужденного тела. Я крепко обхватила его голову, когда он похоронил свой язык глубоко во мне, и все, на что я была способна — вновь и вновь выкрикивать его имя, в то время как кончала. Небольшой эмоциональный шок и покалывание покрыли мою кожу в пьянящем освобождении.

Как только мое тело прекратило подергиваться и успокоилось, я открыла свои слегка затуманенные глаза и посмотрела вниз, чтобы увидеть улыбающегося мне Яна с блестящим и влажным от моих соков лицом. Он был доволен собой. Боже, он был так чертовски доволен собой. Он встал, облизнув свои губы, смотря на меня взглядом, полным страсти. Я наблюдала, как его боксеры упали на пол, и мои глаза распахнулись, когда я уставилась перед собой на его большой и твердый эрегированный член.

Я потянулась к нему, но он снова схватил мои запястья и удерживал их одной рукой над моей головой. Он толкнул меня обратно на диван, уложив на этот раз на спину и ложась сверху на меня. Когда его тело прижалось ко мне, я толкнулась навстречу, пытаюсь сократить расстояние между нами.

Я так сильно хотела прикоснуться к нему, поэтому изо всех сил старалась освободить руки. Но он удерживал меня и покрывал поцелуями губы, шею, спускаясь к ключице, и все это время я ощущала, как его член прижимался ко мне, но пока еще не вошел в меня. Так мучительно близко, и все же так далеко.

Наконец-то, он отпустил мои руки, и я прикоснулась к этому прекрасному телу. Мои руки блуждали по волосам на его груди, спускаясь к косым мышцам его живота, и затем я

почувствовала его член в своей руке. Казалось, он стал тверже от моего прикосновения. Ян закрыл глаза, а когда я погладила его, у него из груди вырвался низкий стон. Я попыталась направить его к своему входу, но он снова перехватил мою руку, на этот раз вплотную прижимаясь ко мне.

— Попроси меня, — потребовал он.

— Пожалуйста, Ян. Трахни меня, — захныкала я.

И именно в этот момент, он сократил расстояние между нашими телами, крепко прижимаясь к моему входу, прежде чем протолкнуться, наконец-то, войдя в меня. Казалось, мое тело взорвалось потоком света.

Мы оба издали стон, когда наши тела соединились в одно целое. Я вглядывалась в его волевое лицо и наблюдала, как подрагивали его веки, когда он хоронил член глубоко во мне. Он двигался медленно, несомненно, растягивая, толкаясь глубоко в меня. Мое тело быстро привыкло к его размеру. Я уже была возбужденной и влажной как никогда, так что он легко мог скользнуть во мне.

Медленно он раскачивался, входя и выходя из меня в спокойном ритме, позволяя нашим телам привыкнуть друг к другу. Но по мере того, как наслаждение нарастало, его движения становились более быстрыми, более отчаянными.

Мои ноги были крепко обернуты вокруг его тела, руки — на его широких, мощных плечах. Когда он вошел глубоко в меня, я переместила руки и, вскрикнув, впила ногтями ему в спину. Он втянул поток свежего воздуха, но продолжил трахать меня жестче и быстрее.

С каждым толчком, я двигалась ему навстречу. Он целовал меня долго и настойчиво, его дыхание было горячим и тяжелым, а со лба капал пот. Мы были разгоряченными, потными, но это меня не волновало. Ничего в этот момент не имело значения, кроме ощущения его члена,двигающегося глубоко во мне.

Я застонала и ахнула, когда он начал толкаться яростнее, зарываясь в меня с такой силой, что я могла чувствовать, как он затрагивал самые глубокие части меня. Я вскрикнула и прикусила губу, желая, чтобы наслаждение никогда не заканчивалось.

— Смотри на меня, — потребовал он, потянув меня за волосы, из-за чего я была вынуждена посмотреть ему в глаза. Казалось, ему нравился тот факт, что я смотрела на него, пока он трахал меня.

— Ты так чертовски невероятна.

Его губы снова нашли мои, и его тело напряглось, когда волна наслаждения прокатилась по нам. Он толкнулся еще глубже, настойчивее овладевая моим телом, и я крепче ухватилась за его плечи, ногтями впиваясь в спину. Он вздрогнул и ахнул, когда я вонзилась в его тело, но потом застонал от удовольствия, повернув бедра так, чтобы задевать мое сладкое местечко. Черт бы меня побрал, этот мужчина удовлетворял мое тело как никто и никогда раньше. Когда он вколачивался в меня жестче и быстрее, я толкнулась ему навстречу, отчаянно желая сохранить наши тела соединенными вместе как можно дольше.

Я не могла говорить. Казалось, я полностью лишилась способности говорить. Я открыла рот, чтобы сказать что-то, но все, что произносила — это его имя, вновь и вновь.

— Ян, Боже мой, Ян. — Я могла бы сказать, что была близка, ох, так близка к оргазму. Моя киска сжалась, плотно обхватив его член. Дополнительное давление заставило его в восторге откинуть голову назад, и из него вырвалось глубокое, чувственное рычание.

— Если ты продолжишь в том же духе, я долго не продержусь, — бросил он, тяжело

дыша.

— Трахни меня жестче, Ян, пожалуйста! — Молила я в перерывах между собственными вздохами и стонами.

Его пальцы нежно ласкали клитор, пока он трахал меня, что было вопиющим противоречием его контролирующим мощным толчкам, более жестким и глубоким с каждым поворотом его бедер. Он пристально посмотрел мне в глаза с похотливой улыбкой, играющей на его губах.

— Давай, Эйва. Кончи для меня, милая, — потребовал он, глубоко целуя меня. — Я хочу почувствовать, как ты кончишь для меня. Я хочу, чтобы ты почувствовала себя чертовски хорошо.

И это произошло. О, Боже, это произошло.

Мои мольбы и призывы об освобождении сводили его с ума, доводя до грани. Его дыхание становилось неровным и затрудненным. Его стоны становились все громче, и он не мог сохранять свой ритм. Ян сильнее, с большей решимостью, качнул бедрами, отчаянно нуждаясь во мне, как и я в нем. И я знала, он был близок, так близок. Наши тела умоляли об освобождении.

— О, Боже, — выкрикнула я, подталкивая свое тело ему навстречу и впиваясь в него ногтями.

Его рука была зажата под моей головой, лицо находилось лишь в нескольких дюймах от моего, когда он потянул мою губу зубами и прикусил, безжалостно вколачиваясь в мою изнывающую от желания киску. Я вздрогнула и задрожала, моя киска все теснее и теснее сжималась вокруг его члена, когда мое тело устремилось к наслаждению.

— О Боже, Ян. Я... — Но я не услышала свои слова. Вместо этого, они вышли искаженным криком, когда наслаждение пронеслось через все мое тело, отправляя меня туда, где слова просто не существовали.

И Ян тоже был там. Когда он в последний раз вошел в меня, его челюсть была сжата, глаза зажмурены, брови нахмурены, а на лице — вид полного экстаза. Я знала, что он кончил, и вместе мы погрузились в это наслаждение, мои руки цеплялись за него, чтобы быть еще ближе, как будто это было возможно.

Когда он до конца излился в меня, и его энергия иссякла, Ян упал поверх меня и выпустил глубокий удовлетворенный выдох. Он целовал меня долго и усердно, удерживая лицо руками и вглядываясь вглубь моих глаз.

— Я думаю, — начал он, и уперся своим лбом в мой. — Черт возьми, милая. Что ты делаешь со мной? — спросил он, его голос напрягся от эмоций и... неуверенности?

Его завораживающие голубые глаза удерживали меня в плену, и в этот момент, я не была уверена, о чем он думал. Было ли это бесспорным выбросом адреналина или чем-то большим? Разумная часть меня немедленно забеспокоилась о том, что я ступила в небезопасные воды. Я знала об опасностях, которым подвергала себя с Яном, но не могла отрицать, что хотела посмотреть, насколько далеко смогу подтолкнуть его, даже если рискну утонуть прежде, чем мне удастся глотнуть воздуха.

— Папочка? Где ты?

Тишина.

Я ничего не видела, было слишком темно. Но голос был ясен, как день.

Я знала этот голос.

Мой голос, но много-много лет назад.

— Папочка, пожалуйста...

Мягкий плач перешел в отчаянные рыдания.

— Где ты, папочка? Пожалуйста, ответь. Мне страшно.

Мне не нужно было видеть ничего, чтобы понять, где я находилась. Я была в доме своего детства, месте столь знакомом мне и, тем не менее, чуждом. Все было каким-то искаженным. Мрачным. Коридор от моей спальни к гостиной простирался, казалось, на несколько миль. И вместо атмосферы любимого дома, здесь витало опасное, более гнетущее, зловещее ощущение, пропитывающее воздух вокруг меня.

Я прошла по знакомым комнатам своего детства, разыскивая плачущую юную себя, идущую в конец коридора. Но не могла найти. И вот тогда я поняла, что плач исходил от меня.

Я шла по коридору, и уже знала, что в итоге найду. Конечно, знала. Голоса, те самые голоса той ночи, которая, казалось, была в прошлой жизни, эхом отдавались в доме. Их акценты неразборчивые и легко узнаваемые. Раньше они бывали в нашем доме. Мой отец знал этих людей. Он работал с ними. Они были его друзьями.

Но, если они были друзьями, почему кричали друг на друга? Почему в доме раздался звук выстрела? Почему они сбежали? Я видела, как они исчезли через парадную дверь и скрылись в ночи. Только один из них обернулся и посмотрел мне в глаза, его лицо было мрачным и грозным. Прежде чем вновь отвернуться и сбежать, он, приложив кончики пальцев к губам, в некотором смысле, заставил меня молчать, что выглядело вполне угрожающе.

Его звали мистер О'Брайен. Долан О'Брайен — так его называл мой отец.

Это было последнее лицо, которое я увидела, прежде чем завернула за угол и нашла на земле отца, лежащего в луже собственной крови.

— Ох, моя дорогая Эйва, — с трудом произнес он, его голос был хриплым и слабым.

Я была юной, но не глупой. Я поняла, что произошло, и что все это значило. Я закричала и подбежала к нему, в поисках телефона или хоть чего-то, с помощью чего можно было вызвать помощь. Но было слишком поздно.

Тело моего отца сжалось. Когда его глаза остекленели и приковались к какой-то точке вдалеке, я поняла, что его не стало.

Я проснулась вся в поту, хватая ртом воздух. Мое тело было покрыто испариной, хотя воздух был прохладным, а я — обнаженной. Я выскользнула из-под одеяла и встала с постели, пытаясь избавиться от неразберихи в голове и изо всех сил стараясь понять, где находилась. Осознав, что находилась не в своей постели, я тотчас же запаниковала.

Сделав несколько глубоких, успокаивающих вдохов, я посмотрела на городской пейзаж, солнце поднималось над небоскребами. Вернувшись к себе и избавившись от дезориентации, воспоминания прошлой ночи нахлынули на меня, и я почувствовала, как покраснела. Я повернулась и увидела, что Ян все еще лежал на кровати, тихонько

похрапывая, с совершенно безмятежным видом и абсолютно незамечающий моего присутствия. По большей части, он был укрыт простыней, но одна нога была не прикрыта, позволяя мне взглянуть на его крепкую и подтянутую задницу.

Провести с ним ночь — не самое умное решение, но это позволило мне увидеть его в другом свете. Не говоря уж о том, что он подарил мне самую удивительную ночь, какой у меня не было уже довольно давно.

И, конечно же, факт оставался фактом, он был великолепным и в равной степени обаятельным.

Но я не могла позволить себе слишком сблизиться с ним. Это было то, о чем я себе постоянно напоминала и то, с чем, как я поняла, у меня возникали трудности. *Мне не следовало быть здесь*, подумала я. Я подобрала свою одежду, кучкой лежавшую на полу, пока, стараясь не разбудить Яна, незаметно прокралась в ванную.

Я посмотрела в зеркало и ужаснулась от своего вида — волосы торчали в разные стороны, а макияж размазался по всему лицу. Я умылась, но не нашла ничего, чем бы могла собрать волосы. Все мои шпильки были беспечно разбросаны по полу первого этажа.

Не зная, что еще делать, я пробежалась рукой по локонам, немного смочив их, и оделась. Я надеялась, что по крайней мере, выглядела немного более презентабельно. Я рассчитывала, что не буду выглядеть, как человек, прогуливающийся по улицам Чикаго после бурной ночи. Но когда снова взглянула на свое отражение, то все, о чем смогла подумать, что на это оставалось только надеяться.

Я на цыпочках вышла из ванной, изо всех сил стараясь не разбудить его. Спустилась вниз по лестнице, пытаясь не шуметь, и схватила сумку. Я держала туфли в руках и ждала, пока окажусь в лифте, чтобы обуть их. Нажав кнопку первого этажа, я с облегчением вздохнула. Мне удалось уйти, не разбудив его. Никаких неловких прощаний, никаких оправданий, и тем более, никакого соблазна пойти на очередной раунд.

Все-таки, он был чертовски неотразимым. И это вполне могло бы произойти.

Едва выйдя из здания, я взглянула на телефон. Несколько пропущенных звонков с работы. Конечно. Поймав такси, я прослушала их, прекрасно понимая, что мне нужно спешить в участок как можно быстрее.

Как типично для моей жизни.

— Как дела с ирландцами? — просунул голову в мой кабинет шериф Уилер. — Есть успехи?

— Да, думаю, я хорошо изучила нового лидера синдиката, — ответила я. — По крайней мере, я понимаю, с кем мы имеем дело.

— Это хорошо. Рад слышать, что у тебя некий прогресс, — сказал он. — Нам действительно необходимо спустить этих подонков с небес на землю.

Мы все еще не приблизились к разгадке того, кто убил Шона Мэлуона, хотя у нас было предположение. Мы, также, не приблизились к разгадке того, кто убил двух офицеров полиции. Допустив, что они были мертвы, я остерегла других от предположений. Но на тот момент, учитывая количество крови на месте преступления и отсутствие кого-либо, кто видел их с тех пор, как обнаружили лужи крови, у нас не было другого выбора, кроме как действовать, исходя из предположения, что они на самом деле были мертвы.

Что ни сколько не способствовало укреплению морального духа в участке.

Именно поэтому, шериф Уилер дышал мне в затылок и держал все под контролем. Он

отчаянно хотел, чтобы я поймала босса ирландцев. В его голове, мы уже получили ответы и, возможно, вернули тела наших погибших сотрудников. Даже если это был не ирландец — в чем я была почти уверена, хотя, возможно, новичок в их группировке жаждал занять его место — это могло развалить много влиятельных преступных кланов. И, в конце концов, мне хотелось надеяться раскрыть произошедшее в тот вечер.

— Как вы думаете, когда мы сможем пригласить его на допрос?

— Кого? — спросила я, погруженная в размышления. — А, вы имеете в виду Флинна О'Брайена? Хм, честно говоря, я не уверена, что у нас пока достаточно оснований, чтобы доставить его сюда. Пока еще много недоработок, которые нужно проверить. Но, надеюсь, скоро.

— Хорошо, агент Финли, полагаю, что вы подойдете ко мне, когда мы будем готовы допросить мерзавца.

Когда Уилер покинул мой кабинет, я почувствовала себя неловко. Я ненавидела лгать ему, и понимала, что это могло стоить мне работы. Черт, это могло стоить мне намного большего, если бы я облажалась со всем этим. Посмотрев на файл Флинна, лежащий передо мной на столе, я пролистала все, что знала. Чего, безусловно, было мало. Прошлой ночью я узнала о нем намного больше, чем содержалось в этом файле. Конечно, это была не та информация, с помощью которой мы надеялись завести против него дело.

Формально, у нас не было достаточно информации, чтобы вручить ему ордер. Еще нет.

Но скоро.

Я посмотрела на телефон, который стоял на беззвучном режиме, и увидела сообщение.

Я наслаждался прошлой ночью, милая. Жаль, что пропустил твой уход этим утром. Надеюсь, между нами все в порядке. До скорого...

— Нет, милый, — вздохнула я. — Между нами не все в порядке.

И боюсь, никогда не будет.

17

Флинн

— Что, черт возьми, происходит? — спросил я.

Ничто не сравнится с ощущением, которое испытываешь, когда тебя будит без конца звонящий телефон лишь для того, чтобы обнаружить, что девушка, с которой ты провел прошлую ночь, таинственно исчезла. Мое настроение с самого утра было довольно дерьмовым. До того как проснулся, я надеялся провести прелестное утро с Эйвой. Только теперь, когда она исчезла, этому не суждено было случиться. Поэтому, когда Колин сообщил, что мне немедленно нужно приехать на склад, я появился не с совсем беззаботным видом, и у меня не было этой "Эй-я-только-что-потрахаюсь-и-потрахаюсь-хорошо" улыбки на лице.

Я присоединился к своим людям за столом — Колину, Рэду, Эммету и несколькими другим парням. Стул, на котором всего несколько дней назад сидел Эйдан, пустовал, что не удивляло. Он старался держаться от синдиката на расстоянии вытянутой руки, дабы не вызвать подозрения федералов. Хотя, пустовало и еще одно место. Выражения на лицах

мужчин немного смягчили мой настрой. Они были мрачными. Встревоженными. Что-то произошло. И мне пришлось в голову, что это как-то связано с пустующим местом.

— Где Шон? — потребовал я. — Что происходит?

— Что ты имеешь в виду под "где Шон?"? — спросил меня Колин, склонившись над столом и бросив на меня твердый, строгий взгляд. — Ты последний, кто видел его живым. Мы предположили, что ты знаешь.

— Видел его живым? О чем, черт возьми, ты говоришь?

Колин бросил на меня взгляд, ответивший на мой вопрос.

— Он мертв? Ты уверен в этом? — спросил я.

Я прокрутил в голове произошедшее накануне вечером. Я хорошенько напугал парня, пытаюсь заставить его говорить. По правде говоря, если бы это он донес на нас, думаю, он что-нибудь сказал. Пожалуй, он бы сознался. Но так как он этого не сделал, я ушел. Сказал, что мы поговорим позже, а потом ушел.

— Да, мы, черт возьми, уверены, мужик. Его тело было найдено прошлой ночью в его квартире. Огнестрельное ранение в голову, — говоря это, Колин изобразил выстрел в голову. — Мы подумали, что, возможно, что-то пошло не так, и ты совершил правосудие. Поэтому мы и позвали тебя сюда, братишка.

— Подожди, ТЫ позвал меня сюда? Чтобы допрашивать меня? Словно я какой-то гребаный козел отпущения? Что за хрень, Колин? Кем ты, черт возьми, себя возомнил? — Я бросился через стол к своему кузену, и он вскочил, размахивая руками. Но Рэд, действуя быстро, влез между нами, упираясь руками каждому из нас в грудь и заставив нас сесть обратно.

— Теперь угомнитесь и сядьте, парни. Мы — братья. Вы двое, — он указал рукой на нас, — кузены, и нет необходимости идти друг на друга, как безумные. Сейчас успокойте свои долбанные головы, и давайте поговорим об этом дерьме. — Рэд мог не соблюдать субординацию, но когда этот подонок говорил, мы знали, что нужно слушать. Он был старым малым, который не страдал хе*ней.

Я кивнул Рэду, затем потер рукой лицо и сделал глубокий вдох. У меня, черт возьми, в голове не укладывалась смерть Шона, и под влиянием момента — из-за обвинений, выдвинутых братством — все это было слишком тяжело.

— Послушай, Флинн, когда мы встречались в прошлый раз, ты сказал нам, что планируешь поговорить с Шоном о том, стукач ли он. Теперь, когда подонок мертв, естественно, люди забеспокоились, что ты слетел с катушек. Обычно в таких ситуациях ты действуешь по-другому.

Я переключил внимание на Рэда, облокотившегося на спинку стула и пристально смотревшего на Колина.

— Не тот ли это чертов ублюдок, который утверждал, что Шон — стукач, и которому нужен был шанс поговорить с ним лично? — Я указал прямо на Колина.

Рэд пожал плечами, пытаюсь сохранять нейтралитет между мной и Колином.

— Мы все здесь слишком обескуражены, Флинн, — сказал он. — Просто пытаемся выяснить, что произошло. Один из наших был убит, и мы ищем ответы.

Я уважал это. Понимал. Но что я не мог уважать, так это то, как Колин смотрел на меня, словно уже разобрался во всем и признал меня виновным.

— Я не знаю, что произошло. Шон был до смерти напуган. Он рыдал, как гребаная сучка, утверждая, что в любом случае уже покойник. Умолял убить его. Просил прицелиться

прямо между его гребаных глаз и избавить от страданий. Что-то неправильное было во всем этом дерьме. Виновные не умоляют о смерти, они просят сохранить им жизнь. Я посчитал, что парень был невиновен, и решил, что всему свое время, прежде чем те, кого он боялся, добрались до него. С чего, мать вашу, мне его убивать, а? У меня нет гребаных доказательств, что он — стукач. Только подозрения Колина, а этот ублюдок приколачивает меня сейчас (у него это дерьмо в крови) к кресту, мать его!

— Кто будет следующим? Он был под защитой синдиката. Это ни черта не имеет смысла, Флинн, — усмехнулся Колин.

— Откуда, мать твою, мне знать, Колин? Он был бойцом. Ты был к нему ближе, чем я, не так ли? С другой стороны, после того, что произошло с его братом, я сомневаюсь, что наше покровительство много значило для него. Или ты, Колин, предпочел бы забыть об этом? — рявкнул я. — Он говорил, что в любом случае уже покойник, поскольку мы все думали, что он — «крыса». Возможно, для него это было слишком.

Комната погрузилась в тишину. Нил Мэлоун, брат Шона, был информатором. Он рассказал все копам, после какой-то глупой угрозы посадить его за решетку за хранение наркотиков. И да, это послужило причиной его смерти. Я приказал Колину лично позаботиться о Ниле, и все вышло из-под контроля. Даже слишком вышло из-под контроля. Вместо того, чтобы просто сделать ему одолжение, любезно предоставленное Шону, и пустить пулю в лоб, Колин допустил промах и слишком сильно наслаждался, издеваясь над ним. пытки длились несколько дней, но Колин был небрежен, и, в конце концов, он почти позволили Нилу скрыться. Закончилось тем, что он пристрелил его в подворотне, прежде чем тот смог сбежать. Гребаный беспредел.

— Или, может, это просто байка, которую ты выдумал, мужик? — ответил Колин.

— Ты действительно думаешь, что я убил бы одного из нас без веской на то причины? — спросил я, чувствуя абсолютное разочарование.

Колин давил:

— Флинн, давай не будем лгать и притворяться, что у тебя самого нет проблем с управлением гневом.

Сжав челюсть, я старался сохранять спокойствие. Я не мог доказать ему правду. Вот чего он хотел. Он хотел довести меня до срыва. Я знал своего кузена, как свои пять пальцев, и он хотел заставить меня выйти из себя. На глазах у всех. Я не знал, в какую игру он играл, но был уверен, что не позволю, черт возьми, ему победить.

Вот почему я сделал несколько глубоких вдохов, прежде чем снова ответить, отплатив ему той же монетой:

— После того как ты выложил свои предположения, Колин? — я изогнул бровь.

Колин не проронил ни слова. Он осторожно изучал лица мужчин, прежде чем обратил взгляд обратно на меня.

— Ты же босс, Флинн. Нужно было только разведать обстановку, стукачом мог быть любой из этих парней.

— Ты посеял эти сомнения в моей голове, поэтому я поступил, как поступил бы любой босс. Я прямиком пошел к человеку, о котором ты говорил. — Я сделал паузу, гордо поднял голову, обращаясь к людям синдиката. — Если бы я хоть на секунду подумал, что Шон был стукачом, то лишил бы его жизни без всяких лишних вопросов. Меня не волнует, черт возьми, чья-то кровь на моих руках, но я поступлю так только при необходимости. — Я ударил кулаком по большому дубовому столу, донося свою точку зрения до остальных.

— Я бы никогда не предал синдикат, свое братство. Несмотря ни на что. — Вытащил из кармана складной нож, восхищаясь отблеском серебра. — Но не принимайте мою преданность вам за слабость. Если я начну подозревать, что кто-то из вас, засранцев, продажная крыса, я вырежу его гребаное сердце. — Я воткнул лезвие в дуб, намеренно проведя по своей ладони. Я поднес руку к носу и вдохнул, затем растер гладкую красную жидкость между пальцами, прежде чем указал и заявил:

— Особенно это касается тебя, Колин.

Лицо Колина побледнело, а затем запыхало малиново-красным, напряжение между нами было настолько плотным, что его, черт возьми, можно было резать ножом. В следующее мгновение Колин вскочил на ноги, вытащил 9-миллиметровый Glock из наплечной кобуры, взвел курок и приготовился стрелять. Его челюсть была сжата, вена на шее вздувалась, в то время как пот катился по щекам.

— Да, и я был бы там с гребаным пистолетом в руке, готовый убить любого ублюдка из нас, который предал остальных. Прежде всего, мы — братство. — Голос Колина ни разу не дрогнул, пока он говорил, и взгляд не покидал меня. Он реабилитировал себя перед бойцами, доказывая свою верность, несмотря на то, что был тем, кто хотел допрашивать Шона и, в конечном счете, не исключено, что это стоило тому жизни. Колин осознавал, какой груз он навлек бы на себя, если бы не отреагировал подобным образом в данной ситуации. Я просто хотел спровоцировать его на такую реакцию, точно так же, как и он меня.

Рэд заговорил, прерывая нашу перебранку.

— Босс, дерьмо выходит из-под контроля. Теперь, черт возьми, всем нужно успокоиться. — С каждым сказанным словом его голос становился громче. Когда ни Колин, ни я не отступили, Рэд вклинился между нами.

— Давайте сядем, парни. Бойцы видят, как вы реагируете друг на друга, и они могут увидеть прорехи в вашей броне. Сейчас не время показывать любые гребаные слабости. — Рэд говорил так тихо, что его могли слышать только мы с Колином. Вечный, мать его, голос разума.

Мы все сели, и я призвал собравшихся к порядку.

— Мы не сомневаемся, что ты заботишься об интересах синдиката, Флинн. Мы просто подумали, что может быть все вышло из-под контроля? Может, он пытался сопротивляться?

— Ничего подобного, — сказал я хладнокровно. — Я угрожал ему, а он чуть не наложил в штаны. Но когда я ушел, на нем не было ни царапины. Он был жив, но напуган. Напуган настолько, что, подозреваю, если бы был стукачом, то сбежал.

— Но он не смог сбежать, не так ли? Потому что кто-то вышиб ему мозги, — сорвался Колин, все же отказавшись от своего тона. Он выставил руки, уступая. — Не говорю, что это ты, Флинн. Но кто-то это сделал. Это факт.

— И если мы узнаем, что это кто-то из наших, — приглушенно сказал Рэд, — то мы сделаем, что полагается.

— Естественно. Я бы и не ожидал меньшего, — сказал я, смотря в этот момент на Колина. — Потому что убийство одного из нас без голосования — это автоматический смертный приговор. Мы все об этом знаем. Не важно, был ли Шон стукачом или нет, он был одним из нас.

— Да, да, был, — тихо сказал Колин, смотря на свои руки, пока говорил.

Как только собрание — или инквизиция, как бы вы ни смотрели на это — закончилось

и все разошлись, я позвал Колина поговорить. Он огляделся вокруг, словно не осмеливался остаться наедине со мной, но я посмотрел на него спокойно, скрывая ярость, текущую по моим венам.

— Все в порядке, — заверил я его.

Неохотно, он присел напротив меня, его руки крепко сжались в кулаки, а глаза загорелись злостью.

— В чем дело, Колин?

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, облизнув губы, и избегая моего взгляда.

— С делом Шона, — сказал я. — В одну минуту ты говоришь мне, что считаешь его стукачом, заслуживающим смерти, в следующую минуту ты обвиняешь меня в его убийстве. Мужик, что, черт возьми, с тобой? Ты действительно думаешь, что я бы сделал подобное без веской причины?

Колин вздохнул:

— Нет, я просто... ну, мужик, я просто тяжело переживаю его смерть. Мой мозг прямо сейчас в полном дерьме. Я имею в виду, я все еще думаю, что он был стукачом, и его нужно было проверить. Но узнать, что глупый парень мертв? Это просто сбило меня с толку, понимаешь?

— Он был глупым ребенком, — сказал я, ощущая скорбь из-за его смерти. — Всего лишь глупым гребаным ребенком, но в глубине души — хорошим парнем, у которого кроме нас никого не было.

— Мы были добры к нему, — сказал Колин.

Я пожал плечами. Учитывая то, что мы сделали с его братом, я бы не сказал, что мы были добры к нему, но мы сделали все возможное, чтобы позаботиться о нем. Даже после инцидента. Большинство синдикатов никогда бы не доверили ему и немедленно отправили бы паковать вещи. Или бы поступили бы с ним даже хуже, чем с его братом. Но не мы. Шон был одним из нас еще с тех пор, как четырнадцатилетним мальчишкой с веснушками и брекетами везде следовал за нами, отчаянно желая стать одним из нас. Он нашел дорогу к нам, оставшись на попечении у Нила, вскоре после смерти родителей, оставивших Нила заботиться о нем.

Нил и Шон оказались у нас на побегушках и выполняли случайную работу для синдиката, прежде чем официально стали членами синдиката.

А теперь они оба мертвы.

— Я просто надеюсь, что где бы он ни был, он покоится с миром, — сказал я. — После такой дерьмовой жизни, он заслуживает этого.

— Ты можешь повторить это еще раз, — сказал Колин, наконец-то посмотрев на меня. — Так, у нас все нормально, мужик? Я сожалею о том дерьме, которое наговорил, я просто по-своему боролся с его утратой, не лучшим способом. Я знаю, что не слишком хорошо справляюсь с этим.

Я попытался прочитать выражение лица Колина, но его лицо, как обычно, было пустым. По крайней мере, так он относился к большинству людей. Я знал его лучше, хотя, также знал, что он был эмоционально неустойчив. Я понимал, что должен был следить за ним, следить, как он справлялся со всем этим, и удостовериться, что он не совершит что-то глупое, скорбя о потере брата. Но это был Колин, и не имело значения, какое глупое дерьмо он совершил, я знал, что никогда не буду на него сердиться.

— Да, у нас все хорошо, брат, — сказал я, протянув руку и крепко пожав его ладонь. —

Флинн

Мой телефон зазвонил, и на долю секунды я пожелал, чтобы это была Эйва. Возможность услышать ее голос могла бы скрасить этот, до настоящего момента, хреновый день. Увы, это оказалась не она. Это был один из моих одноразовых телефонов, а не личный. Я ответил, неуверенный чего ожидать от человека на другом конце линии.

— Флинн? — спросили меня неразборчивым русским акцентом.

— И тебе привет, Исаак, — сказал я, откинувшись на спинку стула.

Я закрыл глаза и потер виски, ощущая приближение головной боли. Со всей этой суматохой и бардаком в моей голове, дела с Исааком — последнее, в чем я нуждался. Но что оставалось делать? Бизнес есть бизнес.

— Нет времени на болтовню, О'Брайен, — сказал Исаак. — Ты нашел стукача и разобрался с ним?

— Мы допросили кое-кого, да, но, к сожалению, он не протянул и до утра, — сказал я ненавязчиво. Я намеренно не вдавался в подробности, надеясь, что если он поймет, что этим делом занимались, то немного успокоится.

Исаак быстро выпалил:

— Это не он.

— И как ты можешь быть в этом уверен? — спросил я. — Ты лично допросил его?

Я поразился его уверенности. Возможно, они следовали за мной до дома Шона? И если да, то, что им удалось выяснить? И это они убили его?

— Потому что ты сказал, что он умер прошлой ночью, не так ли? — спросил Исаак, голосом, наполненным раздражением. — Ваш стукач уже ни свет ни заря засветился сегодняшним утром, позвонив в полицию.

— Как, черт возьми, это понимать?

— Была еще одна облава. Только что. И только ты, я и несколько твоих людей знали, когда и где должна была произойти сделка, О" Брайен, — рявкнул он. — Таким образом, круг подозреваемых сужается. Значительно, я бы сказал. Детали сделки были раскрыты только этим утром, после того как ваш так называемый стукач был уже мертв.

Мое сердце подскочило, а желудок упал вниз. Это крупнейшая сделка, на которой должны были присутствовать некоторые из моих парней. Я открыл глаза и уставился в пустую комнату, пытаюсь понять, кто там находился — некоторые старики, одни из наших самых преданных членов. Люди, присоединившиеся еще в те времена, когда мой отец только начинал бизнес.

Факт того, что копы совершили облаву подобным образом, не сулил ничего хорошего для синдиката.

— Кого арестовали? — спросил я.

— Всех. Твоих парней, моих парней — всех, кто был там. Никому не удалось уйти.

— Черт, — пробормотал я про себя.

— Разберись с этим, О'Брайен. Разберись с этим как можно скорее, потому что мы только что потеряли полмиллиона долларов в оружии, не говоря уже о том, что теперь

остались без шестерых отличных парней.

— Мы тоже потеряли людей, Исаак.

— Я знаю. И твоя шайка не слишком будет этому рада, что означает, теперь ты просто обязан решить свою проблему.

Сказав это, Исаак повесил трубку, и на другом конце линии повисла мертвая тишина. Хотя, мне тоже больше нечего было ему сказать. Да, что греха таить, я был рад закончить этот разговор. Я вздохнул и откинулся на спинку стула. Головная боль становилась все сильнее, и день с каждой минутой становился все дерьмовее.

— Черт побери, — ударил я кулаком по столешнице, от чего дерево треснуло.

Очевидно, кто-то говорил с копами. Кто-то из людей Исаака или из моих. И я должен был вычислить этого человека как можно скорее, иначе мой синдикат превратит это в охоту на ведьм. Никто не хотел бы работать со стукачом. Никто. И если проблему не удастся уладить быстро, довольно скоро все примет по-настоящему ужасные формы.

Зазвонил мой личный телефон. На этот раз это была Эйва. Но даже это не помогло стереть тонну дерьма, которая только что вылилась на мою голову.

— Привет, — сказал я, пытаюсь выдавить улыбку. Даже разговор с ней, зная, что я сделал, давался очень тяжело. И я понял, что просто, будучи с ней, подвергал ее опасности. И чертовски уверен, что не хотел этого. На самом деле я не хотел, но ради ее блага, понимал, что должен был держаться на расстоянии.

— Я подумал, что, возможно, отпугнул тебя навечно, — сказал я, пытаюсь сохранить беззаботность в голосе.

Эйва засмеялась, звук, который, в хорошем смысле, стянул мои внутренности.

— Нет, глупенький, мне просто пришлось пойти на работу, — сказала она. — Не хотела тебя будить. Ты выглядел таким безмятежным. Несмотря на то, что храпел, словно снежный человек.

— Да. И я был бы еще более безмятежен, проснувшись от твоего поцелуя, милая, — сказал я. — Но забавно, что ты упоминаешь об этом, потому что сама храпела так громко, что это несколько раз заставляло меня просыпаться прошлой ночью.

— Ян, мы можем увидеться? — спросила она, ее голос прозвучал тише, чем обычно.

— Пожалуйста! Можем ли мы в ближайшее время пообедать или что-то в этом роде?

Ее мольба отозвалась болью в моем сердце, и все же, наряду с этим, во мне расцветала надежда. Я знал, учитывая все происходящее, опасно было быть с ней. Я знал, что должен был держаться подальше ради ее безопасности. Чтобы уберечь ее. Но Эйва свела меня с ума и присутствовала во всех моих мыслях, искажая и путая их. Я не понимал, это путь вверх или вниз.

Хотя, когда я думал об этом, я не был уверен, что держу ее в безопасности.

Не похоже, что синдикат знал о ней. Также как и я не сделал ничего плохого. Но все же я испытывал потребность защищать ее, не от посторонних, а от худшего зла из всех — самого себя.

— Не знаю, Эйва, у меня куча дел.

— Я сделала что-то не так? — ее голос дрогнул, и, похоже, она собиралась заплакать.

Пожалуйста, нет, только не плачь, подумал я про себя. *Не делай этого.*

— Ну что ты, моя милая Эйва, — сказал я мягче. — Просто прямо сейчас у меня слишком много работы.

— А, — сказала она. И хотя это было всего лишь простое слово, оно содержало в себе столько значимости. — Понимаю. Хорошо, я все понимаю... Боже, прости за звонок, я просто думала...

Она подумала, что я использовал ее и теперь, после того как мы переспали, динамил. Она не сказала этого напрямую, но я знал, что именно она подумала. Я понял это, потому что прежде поступал так невесть сколько раз с другими женщинами. Но это был не тот случай. Не с ней. Даже близко нет. Но как я мог заставить ее понять это? Как мог заставить ее поверить мне?

— Нет, хорошо, что ты позвонила, милая, — сказал я, вновь закрыв глаза. Я пытался удержать слова, как раз в тот момент, когда они всплыли в моей голове. Но прежде чем смог остановиться, я сказал:

— Давай пообедаем вместе, хорошо? Возможно, мне следует отвлечься и сделать небольшой перерыв от всей этой работы. Возможно, это пойдет мне на пользу, да?

Она тут же ответила, довольная:

— Да, звучит замечательно.

На этот раз, я позволил ей выбрать место. Я был не уверен, что мне стоило встречаться с ней. Это была не очень хорошая идея. Эйва была хорошей девушкой, она заслуживала того, кто был бы лучше меня. У нее должен был быть добропорядочный супруг, который бы на самом деле занимался бизнесом и зарабатывал честным трудом. Ей нужен был мужчина, которого не будут угрожать убить русские, или который не будет подвергать ее риску, неотъемлемой части моей жизни. Ей нужен был мужчина, чьи деловые отношения однажды не приведут к ней и не станут причиной ее смерти — как это случилось с моей мамой.

Но перед тем как я сумел положить этому конец, она повесила трубку, и свидание было назначено.

У меня оставался всего лишь час. Замечательно, черт возьми.

Мы встретились возле пристани у обычного фургона-ресторана, припаркованного на обочине дороги. На этот раз ничего выдающегося. Я смотрел, как Эйва стояла у воды, ее волосы развевались на ветру. Она распустила их, позволяя волнами спадать на плечи.

Сначала она не видела меня, но я увидел ее. И, как обычно, был ей очарован. Я стоял, наблюдая, пытаюсь отговорить себя подойти к ней. Я знал, что должен был уйти. Ради нее же самой. Конечно, это ранит ее — черт, это ранит и меня — но не в первый раз. О чем, черт возьми, я думал, когда начал встречаться с кем-то, вроде нее?

Она заслуживала лучшего. Она заслуживала такого мужчину, которым я для неё никогда бы стать не смог. Как она могла рассчитывать на любые отношения с парнем вроде меня, если даже не знала, кем я был на самом деле?

Мои ноги послушали сердце, а не разум, и я подошел, прислонившись к перилам рядом с ней, и уставился на озеро Мичиган.

— Я думала, ты не придешь, — сказала она тихо. Волосы закрывали ее лицо.

— Кажется, я мог и не прийти, — сказал я, хотя было больно признавать правду. — Но я здесь. И счастлив, потому что обожаю тебя, Эйва. И я хотел, чтобы ты это знала. Я хотел показать тебе это.

Наконец, она повернулась ко мне, и в ее глазах сверкнули слезы.

— Тогда почему ты не хотел меня видеть?

Я притянул ее к себе и поцеловал кончик носа, потом щеки, влажные от слез, и затем, наконец, губы. Все, чтобы остановить ее от слез. Все, что угодно.

— Просто ты многого не знаешь, милая, — прошептал я, боясь даже ходить по краю этой правды. — Существует столько всего, чего я, черт возьми, не могу тебе рассказать.

— У меня есть собственные секреты, Ян, — сказала она. — И я знаю, что не должна чувствовать то, что чувствую к тебе, но ничего не могу поделать с этим. Ничего не могу поделать со своими чувствами.

Я кивнул и слегка улыбнулся ей. Да, я понимал эти чувства слишком хорошо.

— Итак, что же тогда мы будем с этим делать? — спросила она, удивив меня своим вопросом.

Я вздохнул, не зная, что ответить. Я не мог просто взять и рассказать ей о том, кто я такой и чем занимался. Начнем с того, что вся ложь, которую я скормил ей, была слишком велика. Никто не мог бы просто забыть такую ложь. Но дело было не только в этом, расскажи я ей все о себе, мне пришлось бы беспокоиться, что она пошла бы с этим в полицию. Я беспокоился об этом, независимо от того сдала бы она меня или нет. На кону стояло больше, чем просто моя жизнь. Жизни моих парней тоже были на кону, и я должен был быть осторожным в том, что я говорил. Я не мог быть эгоистичным придурком и выложить все Эйве, только для того, чтобы облегчить груз вины.

— Я не знаю, Эйва. Может быть, будем просто наслаждаться совместным времяпрепровождением и посмотрим, куда это приведет? — Я был удивлен своим предложением. Выглядело так, будто у меня было время подготовиться к вопросу и обдумать ответ. Но, честно говоря, это просто казалось естественным. Слова, слетающие с моих губ, казались правильными, и они передавали именно то, что я хотел.

Когда я посмотрел в ее зеленые глаза, она кивнула.

— Хорошо. Мы попробуем.

— Может, возьмем тако? Что скажешь? — спросил я. — Я голоден.

Я вытер оставшиеся слезы на ее щеке и натянул на себя улыбку. Факт того, что эта девушка плакала из-за меня — испорченного, ужасного мужчины — расстроил меня. На протяжении всей моей жизни, меня учили убивать, грабить, воровать и делать все, чтобы преуспеть. У меня были братья, и это все, что мне было нужно.

Или я хотел так думать.

Эйва кивнула и, слегка улыбнувшись, вытерла нос рукавом. Было что-то в ее глазах, что, казалось, отражало мои чувства. Она разрывалась. Боролась с противоречиями. Возможно даже, терзаемая чем-то еще. Я видел, что у нее были какие-то переживания. Но о чем? Я задумался.

По большей части наше обеденное свидание проходило как обычно — мы избегали разговоров о работе и личной жизни. Мы разговаривали о Чикаго, еде, о хобби и книгах, которые читали. Было хорошо отодвинуть на задний план Колина, Исаака и все остальное дерьмо. Я делал именно то, что и предлагал ей — наслаждался нашей встречей.

И впервые в жизни я почувствовал себя обычным человеком.

И я не ненавидел это — фактически, мне это даже нравилось.

Что, черт возьми, делает со мной этот мужчина?

Первоначально мой звонок ему был игрой. Главным образом для того, чтобы заставить его вновь встретиться со мной — так я могла бы вытянуть из него информацию. Я знала, что Яну было легко со мной общаться, и надеялась, что смогу заставить его рассказать достаточно, чтобы раскрыть то, что помогло бы мне в возбуждении дела против него. Но пока я ждала его на пристани, глядя на оживленное прохладное озеро Мичиган, я пыталась убедить себя, что эта встреча была связана исключительно с работой. Я должна была быть честной. Если не с кем-то, то хотя бы сама с собой — я действительно влюбилась в него.

Я разрывалась на части, раздираемая противоречиями. Я оказалась между работой, правдой и мужчиной, которого только начала узнавать, но к которому ощущала невероятно глубокую привязанность. Изначально, когда я смотрела на него, не понимая, как кто-то мог влюбиться в жестокого мужчину вроде него, зная, чем он занимался. Зная, какие вещи он вытворял. Но что теперь, когда я провела с ним время и узнала его лучше? Хорошо, иногда было трудно точно вспомнить, с кем я имела дело. И мои чувства были настоящими.

Слишком настоящими.

Если подумать, то, я, правда, в какой-то момент будущего могла бы представить себя остепенившейся с этим мужчиной. Но я понимала, что весь этот фарс был обманом. Я не была помощником по административным вопросам, как сказала ему, а Ян не был Яном.

— Прости за все, Эйва, — сказал он, держа меня за руки. — Я сожалею, что заставил тебя плакать и думать, что я тебя бросил. Я просто обеспокоен и, если хочешь, чтобы я был честен, немного побаиваюсь. Все это в новинку для меня, и моя жизнь, по большей части — куча дерьма.

— Понимаю, — сказала я. Я слишком хорошо знала, что он имел в виду.

— Я никогда не рассматривал женщин больше, чем для траха. Не задумывался, как заставлял их чувствовать себя, делал ли их счастливыми. Но поверь мне, милая, — сказал он, притянув меня ближе в свои объятия. — Несмотря на то, что мои чувства к тебе слишком реальны, я просто не понимаю всего этого.

Его глаза были ласковыми и наполненными лишь обожанием и любовью. И когда он посмотрел на меня, напомнил мне милого, невинного ребенка. Не было ни обмана, ни хитрости, ничего плохого в глазах, которые я видела. Они были чисты, как день, но этот взгляд никогда не задерживался надолго. Темнота всегда настигала их в какой-то момент, так же, как и его самого.

— Мои чувства к тебе..., — запинаясь я, неуверенная, хотела ли сейчас признавать правду вслух. Он наклонил голову и вопрошающе смотрел на меня, ожидая, когда слова сорвутся с моих губ. — Верные, глубокие, настоящие. Совершенно неожиданные, Ян. — И это именно то, что я имела в виду.

Независимо от того, что произошло, глубоко внутри я осознавала, что чувствовала к этому мужчине — или, по крайней мере, к мужчине, которого, как я думала, я знала, даже если и не хотела быть честна сама с собой.

Он поцеловал кончик моего носа.

— Я знаю, что тебе нужно вернуться на работу, моя милая Эйва. К сожалению, мне тоже. Хотя, я не хотел бы ничего больше, чем проводить весь день с тобой.

Я прильнула всем телом к нему, встала на носочки и прижалась к нему своими губами. Я передала каждую сдерживаемую эмоцию, которыми была слишком напугана, выразив все

в этом поцелуе. Я хотела, чтобы он понял. Почувствовал это. Потому что я понимала, слишком хорошо понимала, что, весьма вероятно, это мог быть последний поцелуй, который мы когда-либо делили.

Все это время он думал, что мои слезы были из-за того, что я думала, будто он бросил меня. Отчасти это так. Но я плакала из-за того, что как только вернусь в полицейский участок, мне нужно будет поговорить с шерифом Уилером и сдать его.

Я должна взглянуть правде в лицо. Человек, в которого я была влюблена, был не Яном, не руководителем, занимавшимся семейным бизнесом по импорту. Человек передо мной был кем-то гораздо темнее. Печально известным за свою жестокость. Человек передо мной был подвержен приступам ярости. И его имя — Флинн О'Брайен.

Глава Ирландской мафии.

И сын человека, убившего моего отца.

Я подошла к своей машине, опустил голову, а мое сердце тянулось к тому, кто остался за моей спиной. У меня не было намерений оглядываться назад. Я не могла. Я отказывалась позволять это себе, но знала, что как только осмелилась бы посмотреть на него, то могла бы передумать и отговорить себя от того, что собиралась сделать.

Но я должна была сделать это. Должна была пройти через это. Должна была передать все, что знала о Флинне О'Брайене и новом руководстве ирландской мафии шерифу Уилеру. Они не знали, что мне удалось узнать большую часть всего, внедрившись под прикрытием. Никто бы не позволил мне этого сделать.

Я сама приняла такое решение и действовала в одиночку, главным образом, потому что мне было очень легко сблизиться с ним, когда он начал флиртовать со мной в баре. Но это, ну, это вышло за рамки моих представлений. Влюбленность в О'Брайена — человека, против которого я собирала аргументы, дабы он предстал перед правосудием в государственной тюрьме — теперь была на первом месте.

Особенно, учитывая, что наши семьи были злейшими врагами.

Я нажала на замок на брелке и услышала, как разблокировались двери моего автомобиля. Но когда я потянулась открыть дверь, почувствовала, как кто-то прижался к моей спине. Кто-то стоял позади меня — слишком близко, нарушая личное пространство, и почти вжимал меня в машину.

— Кто ты? — спросил меня голос с сильным русским акцентом.

— Меня зовут Эйва, что вы хотите?

— Что ты делала с Флинном?

— С кем?

Я почувствовала, как пистолет сильнее вжался в мою спину. Я увидела достаточно оружия, чтобы по ощущениям, даже не глядя на него, понять, что это он.

Я закрыла глаза и вознесла молитву, прося, чтобы кто-то смог нас увидеть и прийти мне на выручку. Я застряла между этим человеком — довольно крупным человеком — и своей машиной. Между нашими телами — пистолет.

— Ты, мать твою, знаешь, о ком я говорю, сука, — сказал он.

— Нет, я не...

Его свободная рука обхватила мое лицо. Что-то прижалось ко рту, и прежде чем я поняла, что со мной, все вокруг погрузилось во тьму.

— Сбрасываю, — выкрикнул Эммет, бросая карты на стол. После всего дерьма, разжигаемого русскими, и смертью Шона, мы решили на несколько дней залечь на дно. Мы сидели в «Золотом трилистнике» за нашим постоянным угловым столиком, потягивая Гиннесс и добрый ирландский виски, и играли в покер.

Подобные спокойные моменты были редкостью в эти дни, и когда я подумал обо всем этом дерьме, с которым в последнее время мы имели дело, то задумался, стоило ли оно того. Продолжать дело отца и поддерживать синдикат, построенный им с нуля собственными кровью, потом и слезами. В этом деле не было места ошибкам, но казалось, что все, с чем мы сталкивались в последнее время — один колоссальный провал за другим.

Но я знал, что все это пройдет. Чем больше я думал, тем становился более уверенным, что среди моей команды был стукач, но кто, черт возьми? Кто мог быть настолько обижен, что вознамерился нас уничтожить и пошел против нас? И еще лучше, из-за чего?

Колин перетасовал карты и начал раздавать еще одну партию. Мой телефон на столе загудел, и я подумывал проигнорировать его, но никогда не знаешь, когда звонок носит деловой характер.

У нас кое-что твое.

Текстовое сообщение пришло с неизвестного номера. Я посмотрел на него сначала в замешательстве. А когда попытался ответить, телефон уже был недоступен. Очевидно, одноразовый. Это означало, что я имел дело с кем-то, кто хотел остаться неизвестным. Кто-то, к кому я имел отношение. Я уставился на сообщение, пытаюсь понять, кто мне его прислал, и что «мое» было у них. Я был сбит с толку и не знал ответы на миллион вопросов, кипящих в моей голове. Я обвел взглядом мужчин, сидящих за столом в окружении меня: Колин, Рэд, Эммет и четверо других бойцов.

— Колин, ты разговаривал с Эйданом?

— Да, босс. Он работал над делом, поэтому ему нечего было сказать, — проворчал он.

Что, черт побери, у них — и еще лучше — с кем я, мать их, имел дело?

Несколько минут спустя зазвонил мой телефон. Еще один неизвестный номер. Еще один одноразовый телефон. Очевидно, тот же человек, который отправил мне сообщение. Мне стало любопытно, а чувство беспокойства только усиливалось. Было что-то угрожающее в этих словах, и у меня возникло сильное предчувствие, что мне не понравится то, что они хотели сказать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Говори, — ответил я.

— У нас мало времени. — Акцент был русским. Ублюдок. — У нас твоя девушка.

Мое сердце заколотилось.

— Эйва? У тебя Эйва? Почему? Какого хрена ты творишь? — Я рванул из-за стола, опрокинув бокалы, проливая виски на карты и деньги, лежащие на середине стола.

— Какого черта, Флинн? Какой бес в тебя вселился? — рывкнул Рэд, но у меня не было времени на его гребаную чушь. Эйва у русских.

— Да, рыжуля с пристани, — прозвучал голос с усмешкой, — очень милая. Должен

сказать, ты — мудак, но вкус у тебя хороший.

— Я убью тебя, мать твою! — заорал я, не обращая внимания на свою аудиторию. Уши Рэда и Колина тотчас оживились, в то время как их тела напряглись, наблюдая, как мое поведение за считанные секунды перешло от спокойного к взрывному.

— Умерь пыл, мистер О'Брайен. Я на твоём месте был бы поосторожнее, все же у нас есть кое-кто, кто очень дорог тебе.

— Какого хрена ты хочешь?

— Нам нужен ты, Флинн, — ответил он. — Через две минуты ты получишь сообщение с адресом. Если через пятнадцать минут тебя там не будет, милая маленькая рыжуля умрет. Так что, не опаздывай. Ее жизнь зависит от тебя.

Связь оборвалась.

Я держал телефон в руке и смотрел на него, пока меня трясло от ожидания. Мои внутренности скрутило в болезненно сжимающийся узел. Эйва у них. Они так сказали. А что, если нет? Что, если это была какая-то тщательно продуманная уловка? Возможно, они лгали. Но с какой целью? Какова цель? Зачем им лгать, и зачем заявлять, что Эйва у них?

Все, что они знали... она рыжая и была на пристани — они следили за нами? Ожидая сообщение, я позвонил Эйве с личного телефона.

Сразу попал на автоответчик.

Дерьмо.

— Босс, что на тебя нашло? Это русские? — спросил Эммет, но я проигнорировал его вопрос, снова набирая номер Эйвы.

Голосовая почта. Сука.

Я неуверенно провел руками по волосам, учитывая серьезность ситуации. Братья почувствовали мое смятение, а мое молчание лишь усиливало экстренность ситуации, что бы это, черт возьми, ни было, я имел дело с чем-то колоссальным.

— Флинн, что, черт возьми, происходит?

— Эйва у гребаных русских! — закипал я, пытаюсь сохранять свой голос спокойным и твердым, но моя кровь бурлила.

Внезапно зажужжал одноразовый телефон. Я открыл сообщение и на самом деле обнаружил в нем адрес.

Телефон снова загудел.

На случай, если ты не поверил.

Там была Эйва. Связанная и с кляпом во рту, кровь сочилась из ее носа. Глаза были закрыты, словно она спала или была без сознания. Черт возьми, или даже мертва. Я крепко стиснул телефон, сжав его до такой степени, что что-то треснуло.

Я пытался успокоиться. Привести мысли в порядок.

— Успокойся, Флинн. Мы вернем ее, — заявил Рэд.

Несмотря ни на что, я собирался спасти ее. Моим долгом было защитить ее, и я поклялся, что сделаю это.

Подъехав к складу, расположенному по адресу, указанному в сообщении, я остановился, чтобы убедиться, что мое оружие было наготове. Помимо него у меня были ножи, привязанные к каждой лодыжке. Я ни за что не собирался идти туда, чтобы встретиться лицом с Господом, не будучи хорошо вооруженным. И, безусловно, ни за что на свете, я не собирался сдаваться без боя.

Сделав глубокий вдох, я подошел к складу на четыре минуты раньше. Как только я подошел ко входу, Алексей открыл дверь. Я в трансе посмотрел на него и подавил желание схватить один из ножей и вонзить ему в лоб.

— Оружие, — протянув руку, потребовал он.

Я передал ему самый очевидный пистолет.

— Остальное тоже, — сказал он, прозвучав почти скучно. — Нам обязательно играть в эту игру? Я знаю, что у тебя есть еще оружие. Ты знаешь, что у тебя есть еще оружие. Давай покончим с подобной херней, Ян.

— Это все...

— Чушь, — сказал он, разворачивая и обыскивая меня. Он нашел остальное оружие и оба ножа, бросив их на пол склада, прежде чем одарил меня взглядом, полным напряженного терпения и раздражения из-за того, что я солгал ему.

Возможно, просто потому, что был мудаком, он позаботился о том, чтобы проверить меня во второй раз более тщательно.

— Ты не собираешься проверить еще и мою задницу? Так, на всякий случай, — спросил я, не скрывая сарказма. — Потому что я припрятал пулемет где-то в своем теле, просто он очень хорошо скрыт.

— Мне нужно обыскать тебя еще раз? — спросил Алексей, прозвучав уже менее скучно и более раздраженно. — Потому что думаю, могу это устроить.

— Умник, — пробормотал я про себя.

После того как Алексей убедился, что у меня нет никакого оружия, он связал мне руки за спиной.

— Серьезно? Все это гребанное оружие у тебя, и ты связываешь мне руки? Я что, такая большая угроза? — спросил я. — Я что, ниндзя или что-то в этом роде?

Он не отреагировал на мои издевки. Вместо этого, он просто толкнул меня в дверной проем в темный коридор, где на страже стояли вооруженные люди. Я практически ничего не видел, но мог сказать, что мы направились к задней части склада, в кабинет, как я предполагал.

Исаак открыл дверь в кабинет, когда мы прибыли, указав на Эйву, сидящую в кресле, в котором она и была сфотографирована. Ее глаза были широко открыты и испуганы, но она была жива. Слава Богу, она была жива.

— Не знаю, что за хе*ня здесь происходит, — начал я, — но что бы это ни было, она ко всему этому не имеет никакого отношения. Какого черта ты делаешь, Исаак?

Он ударил меня по лицу, от чего моя голова откинулась назад с достаточной силой, чтобы я услышал хруст своей шеи. Однако, бывало и хуже. Я даже не издал стона, когда большой русский нанес удар, хотя мое лицо горело, и я почувствовал, что на щеке и челюсти моментально образовалась опухоль.

— Думаешь, ты, мать твою, настолько умен, ирландец, — сказал Исаак. — Думал, мы не найдем стукача?

— Если ты в курсе, то я тоже очень хотел бы знать...

Он снова меня ударил. На этот раз что-то на моем лице треснуло, и из носа хлынула кровь.

— Она бы ничего нам не рассказала, но если ты думаешь, что мы собираемся купиться на твою маленькую историю о том, что ты не знал, что кто-то работает на копов, тебе ожидает большой гребаный сюрприз.

— На самом деле, не люблю сюрпризы, — пробормотал я.

Внезапно, весь этот гребаный ад вышел из-под контроля. По складу раздавались тяжелые шаги, что удивило Исаака и Алексея. Алексей схватил меня за голову и впечатал в пол. К счастью, мне каким-то образом удалось избежать потери всех моих зубов, но мой нос треснул, ломаясь при падении, и я почувствовал, как пошла кровь. Его обутая в сапог нога врезалась мне в ребра, и я перекатился на бок, втянув воздух. Он рванул дверь кабинета и бросился через склад, где, казалось, разворачивалась полномасштабная война. В пространстве раздавались выстрелы, и вокруг разносились душераздирающие звуки смерти.

Мне удалось поднять голову, посмотреть на Эйву и прошептать:

— Не бойся. Все будет хорошо. — Исаак начал вышагивать по полу, вслушиваясь в хаос, происходящий за пределами стен кабинета. Я чувствовал, что он взвешивал все «за» и «против» — пойти сражаться со своими парнями или остаться в безопасности своего кабинета до тех пор, пока насилие не прекратится. Но в этой жизни нас всегда окружали насилие, ненависть и смерть.

Когда звук массового уничтожения приблизился, Исаак зарядил свой пистолет и вышел за дверь, давая мне возможность добраться до Эйвы. Если бы война дошла до нас, я мог, по крайней мере, прикрыть ее своим телом. Я ни за что на свете не позволил бы ей получить пулю — особенно по моей вине.

— Ты в порядке? — спросил я, мое сердце разрывалось, когда я увидел синяки и запекшуюся кровь на ее лице и шее.

Я беспокоился, что все, что они с ней сделали, повредило, сломало ее и оставило сидеть здесь в слезах. Но когда она посмотрела на меня, в ее глазах был свет. Небольшая частичка надежды.

Она кивнула, не в силах говорить из-за кляпа.

— Ты будешь в порядке, я обещаю, — сказал я мягко. — Мои ребята здесь, они вытащат нас. Милая, просто сиди тихо и старайся не привлекать внимание.

Когда стрельба прекратилась, я услышал тяжелый стук сапог по полу, затем, наконец, двери ударились о стены, и в помещение ворвались Рэд и Эммет.

— Черт возьми, в каком кровавом месиве мы находимся, — фыркнул он, убирая пистолет в кобуру и принимаясь развязывать мои руки. Как только я был освобожден, я вытащил кляп у Эйвы, все время готовясь к натиску вопросов.

Но их не последовало. Я долго смотрел на нее, прежде чем начал развязывать узлы на веревке на ее запястьях и лодыжках.

— Скажи что-нибудь, милая, все, что угодно, — умолял я.

Наконец освободившись от веревок, она медленно попыталась встать со стула, но упала на меня. Я поймал ее, прижав ее голову к своей груди.

— Мы положили их, — сказал Рэд. — Всех.

— Даже Исаака? — спросил я.

— Да, этот крысиный выродок мертв, — сказал Эммет, хотя его голос звучал недовольно. — Ты ведь знаешь, что все это всплывет и ударит по нам, не так ли? Невозможно просто замочить кучку русских без серьезных последствий.

— Знаю, — сказал я. — Не то чтобы я просил кого-то об этом. Я понятия не имею, о чем, черт возьми, он думал. Или зачем он сделал то, что сделал.

— Я знаю, Флинн, — сказал Рэд.

Как только он назвал мое имя, я напрягся. Я взглянул на Эйву, но ее глаза ничего не

выражали. Я надеялся, что она была слишком шокирована, чтобы понять, о чем мы разговаривали, и был чертовски уверен, что она не расслышала, как Рэд назвал меня по имени. Я не хотел объяснять все прямо здесь и сейчас. Черт, я не хотел объяснять ничего из этого. Но учитывая события дня, понимал, что будет куча вопросов, и в итоге я должен был набраться мужества и признаться ей во всем.

Но не сейчас. В данный момент, нам нужно было сосредоточиться на выживании.

— Нам нужно выбираться отсюда, — сказал я.

Она кивнула, наконец-то заговорив:

— Да, нужно.

Я взял ее за руку, и вместе с моими людьми мы покинули склад. Мы прошли мимо тела Исаака с огнестрельными ранениями в грудь и голову. Черт, он заслуживал более долгих мучений, чем быстрая смерть.

Смерти русских ещё аукнутся нам, и обстановка в городе станет слишком накалённой и опасной.

Нравится или нет, но, похоже, наша сделка с русскими сорвалась. И самое ужасное в том, что они развязали полномасштабную войну. У нас не оставалось иного выбора, как ответить им тем же.

Но Эйва была в безопасности, это все, о чем я мог думать в этот момент. Это все, что меня волновало. Это все, что имело для меня значение. Усадив ее в машину, мы поехали. Но не раньше, чем Рэд отвел меня в сторону.

— Они охотятся за тобой, мужик, — сказал он мне. — Не знаю почему, но они думают, что ты стукач. Затаись, свали из города. Тебе и твоей женщине нужно выбраться отсюда на время. Пока шумиха не уляжется.

— Хорошая идея, брат, — сказал я.

21

Эйва

— Флинн, куда мы едем? — спросила я.

Никогда не видела, чтобы человек так быстро поворачивался, чтобы посмотреть на меня. Если бы не серьезность ситуации (как и мой вполне оправданный гнев по поводу всего произошедшего), все могло бы показаться смешным. Но он полностью оторвал взгляд от дороги и уставился прямо на меня, широко раскрытыми и наполненными неуверенностью глазами. Возможно, даже с примесью страха.

— Как ты назвала меня?

— Флинн, — сказала я, вздохнув. — Тебя ведь так зовут? Я слышала, как остальные называли тебя, поэтому просто предположила, что это твое настоящее имя, и все это время ты мне лгал.

Отлично выкрутилась, Эйва. Мой разум был помутнен от всего произошедшего, и я совершенно не соображала. Но понимала, мне нужно было взять себя в руки и включить голову. Я должна была быть чрезвычайно осторожной. В этот момент, Флинн не догадывался, что я работала на ФБР. И не подозревал, что все это время, пока мы были вместе и что бы ни делали, я знала, кто он на самом деле.

Флинн. Я несколько раз прокрутила это имя в своей голове, и, несмотря на то, что знала

его имя с самого начала, все еще было странно называть его Флинном вслух. Влюбленная по уши, как бы глупо это не звучало, маленькая часть меня, желала верить, что на самом деле он был другим человеком — человеком, с которым я видела себя рядом.

Но теперь занавес был поднят, а иллюзия разрушена. Учитывая все произошедшее, я была вынуждена признать, что Яна не существовало нигде, кроме как в моей голове. Существовал только Флинн О'Брайен, и мы в настоящий момент на его машине совершали побег с места преступления. Хуже того — я и понятия не имела, куда мы направлялись.

Правда, я должна была сохранять спокойствие. От этого зависела моя жизнь. Несмотря на то, что я знала, Ян — добрый, мягкий человек, я также знала, кем был Флинн О'Брайен и на что был способен.

— Эйва, мне жаль, — наконец, вымолвил он, глубоко вздохнув. — Я знаю, что должен многое объяснить.

— Да уж, должен, — сказала я. — Но для начала, я хочу узнать, куда ты меня везешь.

Я была уверена, что Флинн не причинил бы мне вреда. Конечно, возможно, это было неуместным доверием, потому что он до сих пор не догадывался, кто я на самом деле, по крайней мере, я так думала. Если бы он узнал, что я — агент ФБР, все могло бы быстро измениться. Но, насколько мне было известно, он знал меня всего лишь как милую, маленькую Эйву, и я верила, что он искренне заботился обо мне. Если бы правда всплыла, я могла бы использовать это в своих интересах.

Дотянувшись, он взял мою руку в свою, целуя пальчики.

— В безопасное место, милая, — сказал он мягко. — Подальше от этого всего. Пока мы не уладим все проблемы с русскими, я не могу утверждать, что они не попытаются похитить тебя снова. Последнее, чего я хочу, чтобы ты пострадала из-за меня. Я не хочу, чтобы тебе снова причинили вред.

Я сделала легкий вдох, не осознавая, что задерживала дыхание. Слышать это от него было утешением. Это означало, что я не окажусь в какой-нибудь канаве. По крайней мере, не в ближайшее время. Конечно, тот факт, что никто не знал, где я, немного меня тревожил.

Даже мой босс не знал, насколько близко я подобралась к Флинну О'Брайену и этому делу. Я должна была хранить это в секрете, потому что никогда не была уполномочена работать под прикрытием. Потерпев полное фиаско, я не собиралась углубляться в это. Но теперь я была здесь. Влипнув по уши. Я находилась в машине, направляясь Бог знает куда, с главой ирландской мафии — группировки, ответственной за смерть моего отца несколько лет назад.

Флинн, не говоря ни слова, бросил что-то мне на колени.

— Что это? — спросила я, глядя на паспорт.

— Теперь это твоя новая личность, — сказал он. — Надеюсь, это только на время. Но по крайней мере, я буду знать, что ты в безопасности.

Я взглянула на фото в паспорте, на неизвестное мне имя. Подождите, он...

— Ты меня отсылаешь? — спросила я, снова пролистав паспорт, не совсем поверив своим глазам.

Тот, кто сделал его, был абсолютным профи. Паспорт был похож на настоящий. Там было мое фото. Профессиональное. Точнее сказать, фото женщины, выглядевшей практически как я, что даже я сама изо всех сил старалась найти различия. Мое имя при этом числилось как Лиза Винчестер.

— Все нет, Эйва, — сказал он, бросив мне второй паспорт.

— Пол Винчестер? Значит теперь ты мой муж?

Он пожал плечами.

— Это наиболее разумная легенда, которую я смог придумать на ходу, — ответил он. — Это намного проще объяснить, чем что-либо другое. На тот случай, если кто-то будет задавать вопросы.

— Мы покидаем страну?

Мое сердце пустилось вскачь, когда я подумала о том, что он предлагал. У меня была карьера, которую я не могла оставить по своей прихоти. Здесь была вся моя жизнь. Если я покину страну с Флинном, смогу ли я когда-нибудь вернуться назад? И если вернусь, как все это будет выглядеть?

— Нет, пока мы просто собираемся на пару суток залечь на дно, — сказал он. — Но, если понадобится, мы будем готовы прыгнуть на ближайший самолет до Бермудских островов или любое место, куда только пожелаем.

Флинн, казалось, был почти в восторге от перспективы того, что мы вдвоем сбежим в другую страну. И хотя, идея упаковать чемоданы и улететь в какое-нибудь экзотическое и фантастическое место в теории звучала привлекательно, я знала, что на практике это было гораздо страшнее. Мы бы были в бегах. И всегда приходилось бы оглядываться за спину.

— Не спеши, Флинн, — сказала я. — Ты меня немного пугаешь.

— Прости, Эйва, — сказал он чуть мягче. — Я забегаю немного вперед и должен быть более понимающим. Это был тяжелый, ужасный день для тебя. Но просто знай, я сделаю все, что в моих силах, чтобы убедиться, что ты счастлива и в безопасности, где и что бы мы ни делали, хорошо? Ты мой самый главный приоритет. Ничего больше.

— Хорошо, — пробормотала я, не зная, что еще сказать, пока смотрела на паспорт в своих руках.

С одной стороны, я смотрела на паспорт, как на билет на свободу. К новой жизни и совершенно новому миру. С другой стороны — я смотрела на него, как на тюрьму. Словно связывала себя оковами с мужчиной и преступной группировкой, виновной в смерти моего отца.

— Ты мне доверяешь? — спросил он, краем глаза наблюдая за мной.

Я кивнула и ответила:

— Да, доверяю.

И это было правдой. Хотя он и лгал мне с самого начала о том, кем был, часть меня задавалась вопросом, были ли его имя и профессия единственной ложью, которую он мне рассказал. У меня сложилось ощущение, что это так и было, и, возможно, настоящий Флинн был именно тем, кого я видела. Тем, кого мне удалось узнать. Тем, о ком я хотела заботиться. Я чувствовала, что должна была заглянуть за занавес, чтобы узнать его настоящего, несмотря на то, что он носил маску перед остальным миром.

Да, это звучало наивно даже для меня. Это звучало, как инфантильные желания пылко влюбленной школьницы. Но то, как он держал меня за руку и смотрел на меня, то, что я видела в его глазах, заставляло мое сердце замирать. Даже со всем, через что я прошла, и всем, что знала, я все еще продолжала так реагировать на него. И когда я вглядывалась в его проникновенные глаза, задавалась вопросом — были ли чувства этого мужчины ко мне такими же искренними и чистыми, как мои к нему?

Будет ли он чувствовать то же самое, если узнает, кто я?

Эйва

В течение нескольких часов мы ехали по шоссе, пересекающему кукурузные поля штата Иллинойс. Это была, мягко выражаясь, долгая, однообразная дорога. Пейзаж за окном был чертовски скучным и убаюкивал меня. Не раз приходилось заставлять себя открыть глаза.

Когда я спросила Флинна, куда мы направлялись, он ответил:

— Пока не знаю. Как раз прямо сейчас раздумываю над этим. Просто будем продолжать ехать до тех пор, пока не найдем небольшой городок, где нас никто не знает, и никому даже в голову не взбредет искать нас.

Учитывая тот факт, что мы были на Среднем Западе, думаю, это было бы довольно легко сделать. Кроме того, в округе Чикаго не так много крупных городов. Однако, полно маленьких городишек. Полно мест, где мы смогли бы потеряться, и где люди просто не стремились бы задавать много вопросов. Именно на одном из таких мы и остановим свой выбор.

Вынуждена признать, было что-то будоражащее в выборе случайного городка черт знает где, в спонтанных действиях, не имея никакого действующего плана. Даже, если сама поездка в основном была скучной, ничем непримечательной, не считая равнинной местности на протяжении многих миль, понимание того, что все, что теперь открыто перед нами, оставалось все еще чем-то сродни побегу.

Мы направлялись в сторону Миссури, в этом я была уверена. Но Сент-Луис был крупным городом, поэтому я чувствовала, что мы собирались вовсе не туда. В Миссури множество маленьких городков, я предположила, что было бы довольно легко найти один из них.

— Итак, расскажи мне о себе, Флинн, — сказала я, решив извлечь максимальную выгоду из поездки. — Поскольку очевидно, я не знаю о тебе ничего. Я даже не знаю, как тебя зовут. Так что, безусловно, есть много чего, что ты мне о себе не рассказывал.

Когда я сказала это, он съежился, выглядя так, будто я ударила его по лицу или что-то вроде того. Это были всего лишь слова. Должна признать, слова резкие. Но на самом деле, они не были даже и близки к лжи. Я знала о Флинне намного больше, чем показывала. Во всяком случае, я была также, как и он, виновна в притворстве — и да, была маленькая часть меня, которая, также, ощущала дикую вину за все это, тем самым заставляя меня чувствовать себя большой лицемеркой. Это чувство удивляло меня. В конце концов, он ведь был плохим парнем, а я выполняла свою работу, заключавшуюся в поимке плохих парней. Нет, я не была плохой во всем этом, а мои уловки были необходимы для выполнения работы должным образом. Хотя, откровенно говоря, Флинн не был похож на крайне плохого парня. Я действительно верила, что где-то глубоко внутри него прятался хороший человек.

— Не считая моего имени, все остальное правда, Эйва, — сказал он. — Все, что я рассказывал тебе с самого начала было чистой воды правдой. Уверяю тебя, что это так. Знаю, у тебя мало причин верить мне, но надеюсь, ты поверишь, потому что сейчас я абсолютно честен.

— Забавно, никогда не знала, что в бизнесе по импорту так много похищений и убийств, — ответила я. Он бросил на меня серьезный взгляд, и меня осенило понимание. Будучи такой умной женщиной, в этой ситуации я была гребаной тупицей. — А-а-а, поняла.

Полагаю, я не настолько умна, как считала, — съехидничала я, и разочарование еще сильнее выросло из-за того, что позволила эмоциям мешать при столь невероятных обстоятельствах.

Он снова съежился.

— Да, если бы ты читала между строк, это было бы не совсем ложью, — сказал он, пожав плечами. — Что есть, то есть, милая. — Самоуверенный, коварный подонок, известный во всем Чикаго как Флинн О'Брайен, наконец-то, сидел передо мной с удовлетворенной ухмылкой на своем дьявольски красивом лице. Когда ярость наполнила мои вены, я почувствовала, как напряглись мускулы моей спины, и не хотела ничего так сильно, как стереть гребанную ухмылку с его лица.

— Единственная правда, которую я скрыл от тебя — мое имя. Мало кто в городе меня не знает, а когда ты не узнала меня, я увидел выход — возможность быть кем-то еще. Просто прикинуться хорошим человеком, но только с тобой, для тебя.

Переведя дух и убедившись в том, что снова контролирую себя, я прикусила язык. Черт, он быстро отпрянул. Флинн свернул с дороги, заехав на безлюдную зону отдыха. Я даже не поняла, что мы пересекли границу штатов. Я быстро оценила обстановку, неуверенная в том, где мы, черт побери, находились.

— И как я должна поверить тебе? — бросила я вызов.

— Ну, спроси меня о чем-нибудь, и я расскажу тебе всю правду, что смогу.

— Также, как рассказал мне правду о своем имени? — бросила я ему в ответ.

Да, я не могла отрицать, что чувствовала себя немного неловко. Но маленькая часть меня утверждала, что я готовилась к этому. Чего еще я ожидала — что он с самого начала будет честным во всем? Он был чертовым мафиози. Гангстером. Я знала, во что ввязывалась, и все же сидела здесь, злясь на него за то, что он лгал мне, хотя итак знала правду. Я ввязалась в это, ожидая от него лжи, и, казалось, немного глупо злиться за то, что он сделал именно то, что я от него и ожидала.

Несмотря на это, я чувствовала необходимость надавить на него и по-настоящему заставить его страдать. И пока еще он страдал недостаточно.

— Эйва, мне жаль, — сказал он. — Я не мог объяснить все это, потому что боялся подвергнуть тебя опасности. Ты видела людей, с которыми я имею дело? На что они способны? Они хотели причинить тебе вред, чтобы добраться до меня, и я сделал все, чтобы защитить тебя. Держать подальше от всего этого. Существует лишь одна причина, по которой я лгал тебе, милая. Твоя безопасность. Твоя безопасность означает для меня больше, чем моя собственная, и я всего лишь пытался убедиться, что ничто не сможет тебе навредить.

— Все ради меня, серьезно? — закричала я, мои эмоции стремительно начинали брать надо мной верх. Я не хотела, чтобы он видел какой эффект оказало на меня его недоверие, но это было, вызываясь очевидно. Возможно, это и к лучшему? — Гребаный подонок! — закипала я, чувствуя, как слезы пощипывали глаза. — И ничего из твоей лжи не подразумевалось для защиты тебя самого? — Поскольку я решила не отступить и бороться с ним до конца, я знала, что сломаюсь, как только потекут слезы.

Поэтому я позволила своему инстинкту «дерись или беги» взять верх, и, недолго думая, замахнулась кулаком и нацелилась на массивную челюсть Флинна. Он перехватил в воздухе мое запястье своей рукой и потянул меня к себе на колени через консоль. Грубо схватил мое лицо в свои сильные руки и наблюдал за мной с яростным взглядом в пронизательных голубых глазах. Он вздохнул и прислонился лбом к моему, выходя по-настоящему разбитым.

— Возможно, совсем немного, да. Но только потому, что это все, что я знаю, — сказал он. — Ты не знаешь эту жизнь, милая, ты так не живешь. Это чертовски жестокий и безжалостный мир. Я не могу рассказать тебе всего, что происходит в моем бизнесе, Эйва. Просто не могу. Ты должна это понять. Я всегда буду делать все необходимое, чтобы защитить то, что принадлежит мне, независимо от последствий, потому что я люблю тебя, милая.

Мое сердце остановилось, и я уставилась на него, в изумлении раскрыв рот. О-он любит меня? В основном, я была потрясена тем, что верила ему. Верила каждому слову, которое он говорил. Полицейский во мне протестовал, пытался все отрицать, и я не хотела верить ему, потому что это гораздо сильно усложняло мою работу. Это довольно сильно затрудняло желание арестовать его. Это собиралось стать слишком сложным в эмоциональном плане. Но, Боже, спаси меня, я ему верила.

— Я тоже тебя люблю, — сказала я, слишком тихо.

Возможно, он не расслышал, но так и было задумано. Я не была уверена, хотела ли, чтобы он слышал. Потому что знала, этого не следовало говорить, и тем более чувствовать.

От его заявления предательская слеза, которую я сдерживала, скользнула из уголка глаза. Он поймал и стер слезинку подушечкой большого пальца, прежде чем нежно погладить мою щеку.

— Ты слишком хороша для женщины такого ирландца, как я, милая, но ты — то хорошее, что мне нужно в моей жизни, поэтому, думаю, я буду жадным ублюдком и не отпущу тебя. — Его губы заявили права на мои в слишком интимном поцелуе, и я почувствовала поток той любви, которую Флинн испытывал ко мне.

Я сильно облажалась.

Он приподнял мой подбородок, заставляя пристально посмотреть на него.

— Спрашивай, Эйва. Если я смогу ответить тебе, то сделаю это. Но если не смогу, тебе придется отнестись к этому с уважением.

Я кивнула и обдумала его предложение. Несмотря на то, что все это время я вела расследование о Флинне, пытаясь выстроить против него федеральное обвинение, меня действительно не интересовало ничего больше, чем желание выяснить, почему его отец убил моего. С моей стороны было эгоистично использовать свою должность для дальнейшего продвижения в деле о смерти моего отца. Но даже десятилетия спустя, вопросы без ответа преследовали меня. Я знала, Флинн, возможно, даже не в курсе, что его отец убил моего, или, если уж на то пошло, почему. Я понимала, когда это произошло, он был примерно моего возраста, и мог быть не причастен к деловым отношениям своего отца. Знал ли он вообще имя моего папы? Произносил ли его отец это имя хотя бы вскользь? Я сомневалась в этом. Так или иначе, я сомневалась, что мой отец имел достаточное значение для кого-то из них, чтобы они узнали хотя бы его имя.

Тем не менее, я знала, что это был вопрос, который однажды придется задать.

Возможно даже, мне выпадет шанс задать его в лицо отцу Флинна, даже несмотря на то, что тот умирал.

Мечтать же не вредно, верно?

— Возможно, позже, — сказала я, внезапно встревожившись. Я перебралась с колен Флинна и вернулась на пассажирское сиденье. Он кивнул, завел автомобиль, и, затем, выехал на шоссе.

Прежде чем я ввязалась во все это с Флинном, я понимала, что для начала должна была задать слишком много вопросов себе. Вопросов, на которые мне нужно было найти ответы, перед тем как я позволю себе еще глубже, чем уже есть, погрязнуть во всем этом. И прямо сейчас, я тонула в гребанном болоте.

Мы, наконец, остановились на ночь в отеле за пределами Ханнибала, штат Миссури. Это был не «Ritz Carleton», «Four Seasons» или что-то вроде подобных люксовых местечек, с которыми у меня и ассоциировался Флинн. Но будучи исторической частью штата, место было достаточно очаровательным. С другой стороны, мы пытались залечь на дно и избегать привлечения какого-либо внимания к своим персонам. Я очень сомневалась, что те, кто знали его, будут подозревать, что Флинн О'Брайен остановится в небольшом, сельском городке за пределами Ханнибала.

— Мило, — сказала я, восхищаясь историческим очарованием этого места.

Отель был построен в виде большого бревенчатого домика со старинным дровяным камином и подобными вещами. Кровать была большой и выглядела ну очень уж комфортной и манящей, даже покрытая лоскутным одеялом с безвкусным бабушкиным цветочным принтом. Мои веки потяжелели, а тело чувствовало себя выжатым, словно лимон. Это был долгий, эмоционально напряженный день, который, помимо всего, усугубился длительной поездкой.

Я села на кровать, и Флинн присоединился ко мне. Мы молчали на протяжении нескольких минут, просто осматривая комнату. Он выглядел так неуместно на фоне всей этой домашней безвкусицы, что я засмеялась.

— Что смешного? — улыбаясь, спросил он, напряжение от произошедшего ранее полностью исчезло.

— Ты. Это место. Совершенно несовместимые вещи, вот и все, — сказала я. — Ты, кажется, лучше смотришься в местах со всеми прелестями жизни.

— Все же, это последнее место, где кто-то будет нас искать, — сказал он, пожав плечами.

Я кивнула.

— Можно и так сказать.

— Хорошо. Это и было нашей целью, — сказал он. — Первое, на что они обратят внимание — высококлассные отели, просто потому что, как ты сказала, я довольствуюсь местами со всеми прелестями жизни.

На моем лице расплзлась улыбка. Просто он был таким великолепным и стильным, что на фоне этого места, которое можно было описать только как «деревенский шик», было странно. Весьма, весьма странно. Он был в элегантном дизайнерском костюме, сидя на пестротканом лоскутном одеяле и выглядя так, будто вышел прямо из сериала "Маленький домик в Прериях".

— Ты устала? — спросил он меня.

С тех пор как мы приехали, он держался на расстоянии. Словно опасаясь, что я оттолкну его, боялся находиться близко ко мне. Не то чтобы я на самом деле винила его. После всего, через что прошла, я вполне могла оттолкнуть его. Но это казалось странным. Не так, как прикосновение к щеке или быстрый поцелуй в губы. Это было необычно для нас, поскольку нам было очень комфортно с физическим выражением привязанности.

И должна признать, я скучала по этому.

— Да, немного, — сказала я, глядя ему в глаза. Я взяла его руку в свою, даже не осознавая этого, и слегка сжала. — А ты?

— Чертовски, — сказал он. — Но сомневаюсь, что смогу уснуть. Помимо того, что устал, я еще немного напряжен.

— Да, абсолютно понимаю.

В моей голове крутилось слишком много мыслей, чтобы уснуть. Судя по всему, Флинн столкнулся с той же проблемой.

— Есть еще что-то, о чем ты хочешь поговорить, Эйва? — спросил он. — Что-то, о чем ты хочешь меня спросить? Потому что я чувствую, что должен быть откровенен с тобой и открыто говорить о том, о чем смогу, чего, на самом деле, не так уж и много. Но мне нужно доказать тебе, что ты можешь мне доверять, поэтому я готов выйти за определенные границы дозволенного, дабы заслужить хоть немного твоего доверия.

Он потянулся погладить меня по щеке, и, закрыв глаза и прислонившись щекой к его руке, я поймала себя на мысли, что тянулась к его прикосновениям.

Слова слетели с моих губ, прежде чем я смогла их остановить.

— Флинн, расскажи мне о своем отце.

Он выглядел испуганным, уставившись на меня так, как если бы увидел привидение.

— О моем отце? Что?

Я не хотела рассказывать ему свою историю или по какой причине тревожилась, поэтому, вместо этого, обхватила себя руками и сказала:

— Он умирает, и я знаю, как много он значит для тебя. Особенно, после того, как ты потерял маму в столь раннем возрасте. Я подумала, возможно, для тебя было бы неплохо немного поговорить о нем.

Флинн встал, его тело напряглось, а челюсть сжалась, пока он мерил комнату шагами. Он колебался, немного обеспокоенный. Возможно, он лгал, когда обещал быть откровенным насчет всего. Услышу ли я еще больше вранья? Пытался ли он разобраться, как проанализировать правду? Учитывая, кем я работала, думала, что смогу видеть прямо сквозь вранье, если он решит вешать мне лапшу на уши.

— Мой отец — ну, он интересный человек. Мягко говоря, — сказал Флинн, почесывая подбородок. — Я бы не сказал, что мы близки, но конечно, я огорчен, что он при смерти. Я буду скучать по старику, но я ненавижу гребаного человека, в которого он меня превратил. Всю власть, которую он взвалил на мои плечи. Я не просил такой проклятой жизни, Эйва. Но, как бы там ни было, это моя жизнь.

Я подняла голову и посмотрела на него.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, надеясь, что он немного прояснит все.

Флинн пожал плечами.

— Я не знаю, поймешь ли ты...

— Попробайся. Ты можешь быть удивлен тем, насколько я могу быть понимающей.

Я села на край кровати и положила руки на колени, приготовившись слушать. Весь этот разговор был не тем, что я ожидала и представляла. И это, казалось, опровергало все, что, как я думала, знала об этой семье.

— Ты видела, что произошло там — с какими людьми я имел дело, верно? — спросил Флинн, качая головой. — Я делал все для него. И посмотри, куда это привело. Во-первых, это чуть не убило женщину, которую я люблю — точно также как это убило мою маму. И я

ненавижу это. Ненавижу, что люблю эту жизнь так сильно, потому что знаю, что, в конечном итоге, это не принесет мне ничего, кроме боли. Я не могу быть мужем и отцом и, в то же время, лидером синдиката — мой отец пытался найти этот баланс и посмотри, куда это его привело. Посмотри, куда это привело меня.

— Флинн, как умерла твоя мама? — спросила я, по какой-то причине, пытаюсь говорить, как можно более мягко. — Если, конечно, ты не возражаешь, что я спрашиваю. Поскольку ты упомянул об этом, мне стало любопытно. Как синдикат был причастен к ее смерти?

— Он не был, не напрямую, — сказал он. — Это жизнь, Эйва. В конечном итоге, все в этой жизни умирают.

Я знала, что мама Флинна погибла в перестрелке с полицией. Она была дома одна с маленьким Флинном и его братом, когда они пришли за его отцом. Из-за этого человека — его отца — была потеряна или, по-другому говоря, была совершенно разрушена еще одна невинная жизнь.

Однако, он находился где-то на больничной койке, умирая от рака в почтенном возрасте. А мой отец и мама Флинна были давно мертвы, оставив после себя двух детей, которые выросли, превратившись в парочку испорченных взрослых.

Правда, мои мысли удивили меня. Чувствовала ли я симпатию к Флинну? Посмотрев ему в глаза, ответ на мой вопрос был очевиден.

Да. Да, испытывала. Потому что он не был человеком, убившим моего отца. Мужчина, сидящий передо мной, был так же, как и я, потерян в юном возрасте. Мы были похожи даже больше, чем я себе представляла возможным. Просто выбрали два разных пути, чтобы прийти туда, где находились сейчас.

— Что случилось? — спросил он меня.

Он подошел ко мне, положив два пальца под мой подбородок, чтобы повернуть мою голову, заставив посмотреть на него.

— У тебя странное выражение лица, — сказал он.

— Ничего, — пробормотала я, чувствуя, как слезы жгли глаза.

— Нет, не ничего, — сказал он. — Поговори со мной, Эйва.

— Просто — я никогда не понимала раньше, что у нас так много общего, — сказала я, хриплым голосом с истинными эмоциями. — Мой отец, твоя мама, — я просто не знаю, что думать.

— Как умер твой отец, Эйва? — спросил он меня, вытирая пальцем слезы, скатывающиеся вниз по моей щеке.

Я сглотнула, не в силах сказать ни слова. Как я могла рассказать ему, что именно его отец убил его? Как я могла смотреть человеку в глаза и рассказать ему все, не выдав себя? Какова вероятность того, что мы — агент ФБР и глава мафии — случайно познакомились в баре? Ничтожно мала.

— Он был убит, — сказала я, — а я пришла, когда он умирал.

Глаза Флинна расширились, и я увидела в них боль. Боль не от его потери — боль в его глазах была за меня.

— Мне жаль, — сказал он мягко.

Я утерла нос и оставалась спокойной, в то время как Флинн поцеловал меня в кончик носа, а затем продвинулся к моим губам, нежно поцеловав меня, перед тем как я ответила ему и поцеловала сильнее. Подтолкнув меня к кровати, уложил на нее, раздвинув руками

ноги, когда ложился на меня, одновременно с этим покрывая меня поцелуями.

Я почувствовала его эрекцию, прижимающуюся к моему телу, и мне было плевать, кем он был на самом деле. Я просто хотела почувствовать его внутри себя. Мне нужно было ощутить это чувство связи с кем-то. Нужно было почувствовать себя живой.

Опустившись, я расстегнула его брюки и проскользнула рукой в боксеры, взяв его в руку. Он был твердым и мгновенно стал еще тверже в моей руке. Я прикусила губу, когда посмотрела ему в глаза и погладила его всего лишь раз. Он прикрыл глаза и выпустил тихий стон удовольствия, пока я играла с головкой, кружа по ней пальцами.

— О Боже, Эйва, — простонал он. — Черт, ты так сильно нужна мне. Я знаю, ты через многое прошла...

Я заткнула его поцелуем. Да, за этот день я прошла через ад, но просто еще не была готова закончить эту ночь.

— Флинн, я просто хочу, чтобы ты трахнул меня прямо сейчас, — сказала я.

Флинн не тратил время на раздевание. Он в считанные секунды стянул с меня брюки, бросив их на пол, куда они приземлились с глухим звуком. Моя рубашка была снята через голову, обнажив лифчик. Используя только одну руку, Флинн расстегнул его, как профессионал. В то время как многие мужчины испытывали затруднения с этой задачей, у него не возникло никаких проблем. Как только мои груди были свободны, он взял одну из них в руки и, наклонившись, втянул сосок.

Мое тело задрожало от волны интенсивного наслаждения, прокатившейся по телу. Я застонала и попросила его глубоким, охрипшим голосом.

— Ты нужен мне внутри, — сказала я, чувствуя, что едва могла дышать. — Сейчас.

Мне не нужны были прелюдии, я не хотела ничего такого. У меня был приступ зверского прилива похоти. Мое тело жаждало его, и мне нужно было почувствовать его член внутри себя. А судя по его взглядам, это все, чего хотел и он.

Нависнув надо мной и прижав член к моему входу, он пристально смотрел мне в глаза, а затем раскрыл и заполнил меня, от чего мы оба вздрогнули в абсолютном блаженстве.

— Я люблю тебя, Эйва, — сказал он, выходя только для того, чтобы погрузиться в меня вновь. — Я так сильно тебя люблю.

— Я тоже люблю тебя, Флинн. — Это было странное ощущение. Не только называть его по имени, но и признавать, что да, я любила его. Не могла. Но любила.

— Даже после всего, через что мы прошли? — спросил он, недоверчиво посмотрев на меня.

— Да, даже после всего, через что мы прошли, — сказала я, закусив губу и простонав, когда он продолжил трахать меня, медленно и нежно.

Его взмокшие волосы упали ему на глаза, загорая их от меня, поэтому я дотянулась и убрала волосы. Его глаза были такие прекрасные, такие честные. Было тяжело поверить, что я смотрела в глаза убийцы. Он казался таким ласковым и нежным. Я видела, как сильно он любил только по тому, как он смотрел на меня.

Это невозможно было увязать со всеми фактами, что я о нем знала. Я знала, что он бы опасным человеком. Беспощадным мужчиной. Но видела и другую его сторону, я видела теплоту и нежность, когда он смотрел на меня, зачастую наполняя меня изнутри бабочками. Потому что знала, этот взгляд непосредственно предназначался мне, он не смотрел так ни на кого, кроме меня. И когда наши тела продолжили двигаться вместе в нашем собственном

идеальном ритме, я почувствовала столь глубокую связь с ним. Это было невероятно, ничего подобного я не испытывала раньше с мужчиной.

Ускорив темп, он поцеловал меня в шею. Я крепко обхватила его тело ногами, притянув его ближе, когда почувствовала, как во мне начал зарождаться оргазм. Теперь я безудержно сжималась вокруг его члена, и все ощущалось просто настолько чертовски здорово. Я поняла, что это был не просто трах. Мы занимались любовью. Это было гораздо интенсивнее — более связывающе. И я не могла вдоволь насытиться им.

Я подумала, что таким и должен был быть секс. По иронии судьбы, я впервые испытала это с мужчиной, который должен был быть моим заклятым врагом, но это были мы. Наши тела были одним целым, целуясь, прикасаясь и соединяясь.

Он взял мои руки в свою, прижав их к нелепому покрывалу, целуя меня и вколачиваясь в меня глубже и быстрее. Его дыхание стало рваным, как и мое, и я поняла, что он кончит во мне в любой момент. Одно только представление его, заполняющего меня своей теплой, липкой спермой, заставило пальчики моих ног подогнуться, а мое тело извиваться под ним.

— Черт возьми, милая, да, кончи для меня, детка, — требовал он, его голос был серьезным и безрассудным. — Кончи для меня. Я хочу, чтобы ты почувствовала себя чертовски хорошо.

Флинн был мужчиной, который, как ни странно, ставил мое удовольствие выше своего. И как бы тяжело для него порой ни было контролировать себя, он справлялся. Он ждал, когда наслаждение пронесется по моему телу, заставив меня дико извиваться под ним. Я выкрикивала его имя, впиваясь ногтями ему в кожу, прося его позволить отпустить себя. Он крепко стиснул челюсть, вколачиваясь глубоко в меня, и кончая, выпустил низкий стон. И тогда я кончила вместе с ним. Мое тело достигло пика от его удовольствия, наслаждаясь каждым ощущением, каждым прикосновением, и тем, как он смотрел на меня.

Я любила это. Любила каждую минуту этого момента и не хотела, чтобы он когда-нибудь заканчивался.

— Я люблю тебя, Флинн, — сказала я. — Боже, я люблю тебя.

Он рухнул на меня. Мы были чересчур истощенными, но ему удавалось держать голову достаточно долго, чтобы целовать меня.

— Я тоже люблю тебя, Эйва.

Как только наслаждение утихло, я вспомнила реальность нашей ситуации и готова была расплакаться. Но когда Флинн притянул меня к своей груди и заключил в объятия, я снова забыла обо всем. Потому что в его руках — руках моего заклятого врага — я чувствовала себя безопаснее, чем когда-либо за всю свою жизнь.

23

Эйва

Я пристально смотрела на мужчину рядом со мной, который крепко спал, и поражалась, как его могли считать беспощадным, опасным человеком. Но я читала его досье и знала, чем занимался синдикат. Я знала обо всем, что они вытворяли — жестокость, беспредел и, даже, убийства.

Тем не менее, здесь со мной, казалось, он был абсолютно другим человеком, не тем, кем являлся на бумаге. Эти двое были абсолютными незнакомцами. Казалось, кроме имени,

у них не было ничего общего. Или так только казалось.

Я знала, что это было ложью, но мой мозг не мог понять этого. Не мог объединить двух мужчин, которых я знала. Сердце убеждало, что я знала его настоящего, в то время как мозг и опыт агента ФБР говорили мне, что он был преступником, жаждущим разного рода преступлений, и мне нужно было сдать его.

Но синдикат считал его стукачом, а значит Флинн столкнулся бы не просто с тюремным сроком. За решеткой стукача, скорее всего, ожидала смерть. Таким образом, сдав его, прежде чем оправдаю его имя, я обрекла бы его на смерть. Мое сердце изнывало, представляя хоть что-то, причиняющее вред мужчине, которого я любила.

Я знала, Флинн не был доносчиком, они просто предполагали, что он им был из-за того, что он был со мной. Из-за того, что русские знали о том, кто я, в ближайшее время, это привело бы к Флинну и его братве. И все эти отношения, независимо от того, что было между нами, рухнут.

Я должна оправдать его имя, по крайней мере, перед его братьями и русскими. Что означало только одно — мне необходимо было выяснить, кто доносчик. И как можно скорее. И я смогла бы это сделать, если бы вошла в нужную базу данных. Но понимала, что делать это было бы противозаконно. Мало того, это, скорее всего, приведет к тому, что этот человек, настоящий стукач, умрет от рук его братьев. Я не могла отнестись к этому легкомысленно.

Я посмотрела на Флинна, когда он открыл глаза и заметил, что я наблюдала за ним.

— Привет, — сказал он, поцеловав кончик моего носа. — Давно проснулась?

— Недавно, — сказала я. — На самом деле всего лишь несколько минут назад.

— Не можешь уснуть?

— Не совсем, — призналась я. — Слишком много мыслей.

Он приподнялся, опираясь на руку, его глаза все еще были сонными. Он зевнул, глупо и сонно улыбнулся мне. И это был тот жестокий преступник, которого я так долго пыталась выследить, словно безумного зверя? Мужчина с растрепанными волосами и улыбкой, от которой подгибались пальчики на ногах, и согревалось сердце даже в сумасшедший утренний час.

— Расскажи мне, — сказал он. — Чем забита твоя прелестная маленькая головка?

— Я просто напугана, только и всего, — сказала я. — Ты слышал что-нибудь от своих братьев? Они говорили что-нибудь по поводу нашей безопасности?

Он вздохнул.

— Я отправил сообщение Колину прошлой ночью, но не проверил телефон, потому что ты соблазнила меня.

Черт... Если он поддерживал связь с синдикатом, то вскоре выяснил бы, кем я была на самом деле. Это терзало меня, и я могла только надеяться, что пока еще все не выяснилось.

Мой главный приоритет? Выяснить, кто же был доносчиком. От этого зависели жизнь Флинна и моя собственная. И пока я не выяснила, кто на них настучал, мне нужно было скрывать свою личность настолько долго, насколько это было возможным.

Если бы я узнала, кто это был, то, вероятно, смогла бы сделать что-нибудь, чтобы осведомитель получил защиту или что-то в этом роде. Найти какой-нибудь способ, чтобы он смог скрыться и, возможно даже, сохранить в секрете, кто я.

Но я понимала, что для начала нужно было выяснить, кто это был. И я не смогла бы сделать это, свернувшись калачиком в постели с Флинном, как бы хорошо это ни было. Я бы

с удовольствием осталась здесь на весь день, но мне нужно было работать.

— Думаешь, они подают в номер кофе или что-то на завтрак? — спросила я.

— В чем дело? Ты голодна?

— Немного, — ответила я, пробежав пальцем вниз по его груди и наслаждаясь видом, от которого по моему телу пробежал трепет наслаждения. — Прощая ночь забрала много сил...

— Да, и мы действительно не ужинали, не так ли? — он понимающе улыбнулся. — Вроде как перешли сразу к десерту.

— Именно так, — сказала я. — Не то чтобы я жалуясь, заметь.

Флинн поцеловал меня, прежде чем скатился с кровати. Я любовалась видом его обнаженного, загорелого тела, пока он надевал брюки и натягивал футболку через голову. Я была немного разочарована тем, что он оделся, но, вероятно, это было к лучшему. Если я хотела вернуться к работе, то должна была отодвинуть свои плотские желания в сторону и сосредоточиться.

— Я видел кафе ниже по улице, просто сбегаю туда и принесу нам чего-нибудь. Уверен, что это лучше, чем то, что подают здесь, — сказал он, подмигнув.

— Малыш, ты лучший, — сказала я, встав с кровати и приподнявшись на носочках, чтобы поцеловать его на прощание. Это не могло бы быть совершеннее, даже если бы я спланировала это.

— Все для тебя, — сказал он. И я верила, что он именно это и имел в виду.

Это и было самым печальным. Существовал высокий риск, в процессе отправить его в тюрьму, хоть я и нашла способ доказать его невиновность перед его братством, несмотря на то, что в итоге планировала сдать его полиции. И все же, он был готов встать на рассвете, чтобы сбежать в кафе на углу, дабы взять мне что-нибудь на завтрак.

В параллельной вселенной, в той, где он бы не оказался главой мафии, я бы сказала, что из него вышел бы довольно удивительный парень. Но, что я понимала? Я была не особо хороша в выборе парней.

Я еще раз поцеловала его, на этот раз, наслаждаясь ощущением его губ на моих.

— Ммм, если ты продолжишь в том же духе, — сказал он, удерживая меня за талию и проведя носом по моей шее, — возможно, мы никогда снова не поедем.

Я шутливо хлопнула его по плечу и засмеялась. Хотя, на самом деле, я бы с удовольствием променяла кофе на большее количества секса. Мне просто нужно было побыть немного одной, требовалось немного времени, чтобы добыть кое-какую информацию. И с тех пор как Флинн принес свой ноутбук, я планировала в его отсутствие воспользоваться им. Мой план заключался в попытке взломать нужную базу данных с целью получения информации, в которой я так отчаянно нуждалась.

— Иди, — сказала я. — Еда. Кофе. Мне нужно поесть.

— У меня есть кое-что, что ты можешь погрызть, — сказал он, оставляя нежный поцелуй на моей шее.

— Давай, дикарь. Накорми меня, — сказала я, отталкивая его и хихикая, словно школьница.

Он улыбнулся и развернулся, чтобы пойти, так что я шлепнула его по упругой попке, пока он шел к двери. Боже, он выглядел так мило. Его тело ощущалось настолько удивительно, прижимаясь к моему. И все остальное? Совершенно фантастически. Я

прикусила нижнюю губу и улыбнулась, любуясь видом того, как он вышел из номера и направился к своей машине, припаркованной у входа. Уставившись на закрытую дверь, я осознала, что могу смотреть на него весь день, не уставая.

Как только он ушел, я выдернула себя из мыслей об этом невероятном теле и попыталась сосредоточиться на поставленной задаче. Это было не просто, но у меня получилось. Бросившись к столу, я схватила ноутбук и включила его. Понятия не имела, сколько у меня было времени до того, как он вернется, поэтому мне нужно было действовать быстро. Мне нужно было прислушиваться к шуму его автомобиля, чтобы он не подкрался ко мне, пока я буду занята. Я сомневалась, что поход в кафе займет много времени. К счастью, я знала наверняка, что делаю.

С колотящимся сердцем и небольшим всплеском адреналина, поднимающимся во мне, я вошла на сервер моего отдела и открыла полицейский архив. Технически, мне был предоставлен доступ ко всем файлам с тех пор, как я стала агентом ФБР, и этот случай подпадал под федеральную юрисдикцию, но использование его для личной выгоды по-прежнему казалось неправильным, даже если это было не для чего-то мутного или не с целью получить теневую прибыль. Но какой у меня оставался выбор?

— Послушай, Эйва, — как только ты сделаешь это, пути назад не будет, — сказала я просто так вслух самой себе. — Уверена, что готова пройти через это?

Я сделала глубокий вдох, уже зная ответ на этот вопрос, и начала копаться в файлах. Wi-fi в отеле был невероятно медленным, и мой поиск занял целую вечность. Бесплатный Wi-fi. Чего еще я ожидала в этой глуши?

— Давай же, — пробормотала я, щелкая по файлу, который, как надеялась, содержал необходимую мне информацию.

Я с осторожностью прислушивалась, читая файлы один за другим. Звук ключа в замочной скважине вызвал ужас, который охватил меня, практически заставив мое сердце остановиться. Одним быстрым движением я захлопнула ноутбук и забежала в ванную. Я осознавала, что это мог быть обслуживающий персонал, поэтому на всякий случай решила, что лучше спрятаться, тем более я все еще была голой.

— Прости, это я, — услышала я голос Флинна. — Управляющий сказал, что кафе не работает, закрылось несколько месяцев назад. Но у них есть пончики. Пончики и кофе.

Я сделала вид, что мыла руки, перед тем как выйти из ванной, и прислонилась к дверной раме.

— Прекрасно, — сказала я. — Я не слышала, как подъехала машина.

— Да, понимаешь, решил, что, возможно, будет лучше убрать ее с дороги и спрятать? На всякий случай. Я не подумал, что мы были вплотную к шоссе, — сказал он, положив пончики и кофе на стол. Он повернулся ко мне и окинул взглядом мое тело, улыбнувшись в знак признания — Ты не похожа на тех женщин, которые едят много пончиков.

Я почти хотела ляпнуть полицейскую шутку, но повела себя благоразумно. Конечно, он говорил о моей фигуре. Потому что я должна была соответствовать своей работе, но это не говорило о том, что я не любила поесть. На самом деле, я была сластеной.

— О, временами мне нравятся хорошие пончики, — сказала я.

— Сомневаюсь, что они очень хорошие, — сказал он, посмеиваясь. — Но временно утолят голод.

— Хорошо, как только мы приведем себя в порядок мы сможем выбраться куда-нибудь

перекусить, возможно даже, нормальной еды.

Но Флинн не улыбнулся в ответ. Вместо этого, с загадочным выражением лица он сел на кровать.

— Что? — спросила я.

— Колин ответил прошлой ночью, — сказал он. — Он хочет, чтобы я где-нибудь с ним встретился. Сказал, что хочет помочь мне оправдать имя. Вероятно, парни думают, что, скорее всего, русские знали что-то, чего не знали они, и они пообщались, но Колин говорит, что знает это дерьмо.

— И ты доверяешь ему? Своему другу? — спросила я. — В смысле, Колину.

Я покопалась в пакете, взяла пончик с шоколадной крошкой и откусила кусочек. Он был прав, пончики оставляли желать лучшего. Они были съедобными, но ничего лучше я о них сказать не могла. Как он и сказал, временно утолят голод.

— Я бы доверил ему свою жизнь, — сказал он. — Он мой кузен, но, по большей части, мы выросли вместе. Он для меня такой же брат, как Эйдан.

Ах точно, Эйдан О'Брайен. Младший брат, который не часто упоминался. Брат, вставший на истинный путь, в то время как старший брат пошел по стопам отца. Понимание того, что между ними существовала такая разница, заставило меня задуматься, что же произошло, что заставило этих двоих принять такие безумно разные жизненные пути. Что сделало их такими разными?

Конечно, я, безусловно, делала множество предположений. Не то чтобы я на самом деле многое знала о его брате, за исключением того, что он — адвокат с безупречной репутацией. Как я успела заметить, он в основном держался сам по себе и жил довольно спокойной жизнью. Он был очень закрытым человеком. Не то чтобы я винила его, учитывая репутацию, ассоциировавшуюся с его именем и всем остальным.

— Хорошо, тогда где мы с ним встречаемся? — спросила я. — И когда?

— Ты ни с кем не встречаешься, моя милая Эйва, — сказал он. — Я встречаюсь с ним, и пойду один. Нет необходимости втягивать тебя во все это. По крайней мере, не больше, чем уже есть. Так безопаснее. Я хочу быть уверенным, что ты в безопасности.

— Он приедет сюда? — не отступала я. — В Миссури?

Флинн кивнул.

— Да, он уже в пути.

Я почувствовала, как мое сердце заколотилось в груди. Он сказал Колину, где мы находились. По какой-то причине, это напугало меня. Я знала, что мой страх, скорее всего, был от того, что, доверяя Флинну, я не доверяла его друзьям. И особенно, его родственникам. Клан О'Брайенов, прежде всего, был наполнен преступниками и убийцами. Разумная доза предусмотрительности и паранойи была вполне правильной и адекватной реакцией.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — бросив остатки пончика на бумажную тарелку и подойдя к Флинну, я пыталась звучать просто и непринужденно. — В смысле, позволить ему узнать, где мы. Что, если он расскажет остальным?

— Не расскажет, — ответил Флинн, взяв мою руку в свою и поцеловав ее. — Я сказал Колину, не говорить никому ни слова. Заставил его поклясться в этом. Эйва, мы в безопасности. Я обещаю тебе это. Мы с Колином разберемся со всем этим проклятым беспорядком и сможем вернуть тебя к твоей столь захватывающей бурной жизни в качестве административного помощника.

В конце он подмигнул — ловкий удар по моей выдуманной профессии. Он не знал, что я подготовленный федеральный агент, способный при необходимости защититься. Вероятно, поэтому он решил, что находиться здесь для меня будет безопаснее, чем с ним. По-видимому, рыцарство все же не вымерло.

Я взглянула на ноутбук, надеясь, что Флинн не возьмет его или не посмотрит на него до тех пор, пока я не подчищу историю поиска. Конечно, если он его откроет, то, в любом случае, я буду разоблачена, с историей поиска или без. Мой сервер все еще был открыт и предоставлял доступ к документам. Всего лишь один взгляд, и он бы заподозрил неладное. Он умный мужчина и понял бы, кем именно я работала.

— Итак, когда ты уходишь? — спросила я, притворившись обиженной.

— Скоро. Он выдвинулся в путь сразу, как только я ответил ему прошлой ночью. Но не волнуйся, милая, я скоро вернусь, — сказал он, и его глаза засияли, когда он посмотрел на меня. — И мне все еще нужно принять душ, перед тем как уйду, не хочешь присоединиться ко мне?

Я соблазнительно улыбнулась.

— Разве я могу тебе отказать?

Я помогла Флинну раздеться, и поскольку была все еще голой, мне не пришлось беспокоиться об этом. Душ был маленьким и тесным, двоим было нелегко комфортно в нем разместиться. Но мы извивались и старались изо всех сил, в итоге заставив его заработать. Было бы желание, а возможность всегда найдется. Потеснившись в этой консервной банке душевой кабины, имею в виду, стоя чересчур близко к нему, мое тело сильно прижалось к нему. Не то чтобы я жаловалась. Нисколько.

Как только на нас полилась вода, и пар поднялся вверх большими, пушистыми клубами, мы начали целоваться. Он намылил мое тело мылом, любезно предоставленное отелем, которое пахло, словно свежий горный воздух, а затем я проделала тоже самое и с ним. С намыленной и скользкой кожей, мы пробежались руками по телам, изучая друг друга — касаясь, массируя и вспенивая еще больше мыла, пока целовали и кусали друг другу губы. Он немного передвинулся и прижал меня к стене душевой. Его большое, сильное тело крепко удерживало меня на месте, и я почувствовала, как ожил его член, прижимаясь к моему животу.

— Не думаю, что мы сможем заняться здесь сексом, — засмеялась я. — Здесь слишком мало места.

— Да неужели? Это вызов? — спросил Флинн, стрельнув в меня озорным взглядом.

— Я бы предпочла не сломать кости, — сказала я. — К тому же, разве у нас есть на это время? Колин скоро будет здесь?

Мое тело убеждало, что у нас больше, чем достаточно времени. Я хотела его, я всегда хотела его. Но мне нужно было действовать. Мне нужно было усмирить в себе похотливого зверя и не отвлекаться от основной задачи и практической применимости целиком всей ситуации.

— Полагаю, тогда нам просто нужно найти компромисс, — сказал он, опустившись на колени, прежде чем я смогла остановить его.

Он придавил меня к стене и нежно раздвинул мои ноги, перед тем как подмигнул мне и дьявольски улыбнулся. Он наклонился вперед, скользнув языком между моих губ, щекоча клитор и заставляя мои коленки ослабеть. Он крепко держал меня, присосавшись к моей киске настолько сильно, что заставил меня задохнуться от удивления.

Флинн работал своим волшебным ртом, посасывая и полизывая мою киску, трахая меня своим языком, а все это время теплая вода струилась вниз по нашим телам, каким-то образом увеличивая и усиливая ощущения, пробегающие по моему телу. Мои руки запутались в его влажных волосах, и я обнаружила, что сильнее подталкивая его голову к себе, устремляя его язык глубже, к самым чувствительным точкам. Я знала, что не продержусь слишком долго, не с его умением и моей потребностью в том, чтобы он потерял контроль.

Мои ноги начали дрожать, когда огонь внутри меня распространился все выше. Каждый миллиметр меня пылал, и, казалось, будто электрические цепи затрагивали каждое нервное окончание и сводили с ума. После волны интенсивного ощущения меня накрыло еще одной волной, которая заставила задрожать от удовольствия, пока я продолжала взрываться, выкрикивая его имя и обмякнув, словно тряпичная кукла в руках Флинна. Но он поддерживал меня и не останавливался, пока я вновь и вновь повторяла его имя:

— Флинн, о Боже, Флинн...

Все не прекращалось до тех пор, пока я действительно не обмякла и спазмы, сотрясающие мое тело, не стихли. Только когда мой оргазм слаб, он встал, позволив мне упасть в его объятия. Я зарылась лицом в его грудь, пытаюсь отдышаться. Посмотрела на него и улыбнулась.

— Боже мой, ты определенно станешь моей погибелью, — прошептала я, тяжело дыша.

24

Флинн

Эйва знала обо мне правду, по крайней мере, частично. Она знала, что я солгал ей, что для многих женщин стало бы последней каплей. Или, по крайней мере, началом конца. Уничтожить женское доверие — худшее, что может сделать мужчина. И все же, она все еще была здесь, в моих руках. Такая всепрощающая и такая милая. Я с самого начала знал, что она не была похожа на большинство женщин, и она доказала, что я был прав. Большинство женщин, к этому времени, убежали бы, поджав хвост (не то чтобы я мог их винить), но Эйва по-прежнему была со мной. И, несмотря на все произошедшее и всю опасность, которой она подверглась, она все еще говорила, что любила меня.

Именно это удивило меня больше всего, учитывая случившееся. Конечно, она не знала всей правды — чем я занимался в рамках синдиката. Она знала, что я из О'Брайенов, но Эйва не была коренной жительницей Чикаго, поэтому, очевидно, до нее не дошли слухи обо всех убийствах, преступлениях и насилии. Или, возможно, она была наивна и не хотела видеть безбашенного монстра, каковым я являлся. Это была безобразная часть меня. Часть, которая сохраняла жизнь мне и моей семье, но это не было тем, чем я гордился. Особенно, перед Эйвой. И хотя, я чувствовал вину за то, что хранил от нее секреты, ей нельзя было знать всего обо мне.

Пока еще нет.

Эйва заставила меня стремиться к чему-то лучшему, к тому, о чем я никогда раньше не задумывался.

И она была здесь, доказывая мне, что все это было реально получить. Что моя жизнь

могла бы быть лучше, и я мог бы стать лучше. Пока мы могли бы справиться со всем этим, и я мог бы оправдать свое имя, возможно, я, также, смог бы исправить некоторые ошибки, совершенные мной в прошлом. Возможно, под ее влиянием и примером я смог бы направить синдикат в новое русло. Конечно, может быть, не совсем в законное, потому что мы так не работали, и парни бы взбунтовались. Но может быть, мы смогли бы стать более осмотрительными, действовать немного иначе и остановить насилие, которым так славились.

Черт, возможно, однажды я даже смог бы отойти от дел и жить честно. Я не смог бы направить синдикат в другое русло, но, может быть, в конечном итоге, смог бы сделать это с самим собой. Как только появился бы человек, способный и готовый взять на себя управление синдикатом, возможно, я смог бы позволить ему занять свое место. Это не то, о чем я мечтал когда-либо раньше. Черт, это даже не то, о чем я когда-либо задумывался. Но сейчас, рядом с такой женщиной, как Эйва, все казалось возможным.

После совместного душа, я одолжил ей свои боксеры и старую футболку, слишком большую для нее. Она свисала у нее с плеча и доходила до колен, но в данный момент этого было достаточно. И она выглядела невероятно чертовски сексуально. Впрочем, она могла бы носить мешок из-под картошки, и я нашел бы ее чертовски сексуальной.

— Не покидай номер, ты поняла? — сказал я ей. — Ни по какой-либо гребаной причине. Я не хочу, чтобы во время моего отсутствия ты подвергала себя опасности.

— Думаешь, я собираюсь прогуливаться по городу в таком виде? — спросила она, указывая на свой прикид. — Флинн, у меня есть принципы.

Я покачал головой и улыбнулся.

— Просто стараюсь предпринять все меры предосторожности для перестраховки, — сказал я. — Я постараюсь вернуться через час.

— А что, если не вернешься? — спросила она меня.

— Вернусь.

Она прикусила губу и села на кровать. Я мог сказать, что она не была уверена насчет этого столь же сильно, как и я. Не то чтобы я мог ее винить. Она понятия не имела, что происходило, и, вероятно, боялась быть снова похищенной. За это я тоже не мог ее винить. Все это было для нее в новинку, и я бы беспокоился, если бы она не боялась, по крайней мере, хоть немного. Когда она посмотрела мне в глаза, я увидел, что часть ее беспокойства предназначалась мне. У нее не было никакого гребаного понятия насчет того, кем был Колин, на что он был способен. Могла ли она доверять ему?

Я подошел к ней, приподнял ее подбородок, чтобы она посмотрела мне в глаза.

— Послушай меня, милая. Я обещаю, — сказал я. — А я держу свои обещания. Я уйду и хочу, чтобы ты оставалась в безопасности, ясно?

— Ясно, — сказала она.

Я не сдержался и улыбнулся россыпи веснушек, которые усыпали ее нос. Я знал, моя Эйва не была ребенком, учитывая все обстоятельства, она скорее была прелестной хулиганкой. Но иногда, глядя на ее бледное лицо, покрытые веснушками щеки и ярко-зеленые глаза, трудно было поверить, что она была кем угодно, но только не невинной девочкой. Она была той, кого я был обязан защищать.

Но не ребенком. Она была женщиной. К тому же, чертовски красивой женщиной. И с ее телосложением, можно было сказать, что она тренировалась и могла бы довольно неплохо за

себя постоять. Держу пари, она надрала бы мне задницу, если бы я немного перебрал с Гиннесом. Кто знает, возможно, она смогла бы сделать это, даже если бы я был трезвым.

Я слегка улыбнулся ей, и вновь развернулся, чтобы выйти из номера, но она схватила меня за руку, заставив повернуться. Прижалась ко мне, привстав на носочки, и поцеловала — ее мягкие губы на моих. Отстранившись, она посмотрела мне в глаза, и я увидел ее беспокойство, которое ничуть не утихло.

— Пожалуйста, Флинн, будь осторожен, — нежно сказала она. — Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

— Я люблю тебя, моя сладкая Эйва, — сказал я.

— Я тоже тебя люблю, Флинн.

Услышать, как она произносит мое имя (мое настоящее имя, не псевдоним, который я использовал изначально) было приятно. Конечно, это шокировало, особенно учитывая то, насколько быстро она к нему привыкла. Но я бы никогда не устал слушать свое имя, слетающее с ее сладких губ. Никогда в жизни. В каком-то смысле, я был рад, что правда выплыла наружу, и она узнала, кто я на самом деле. Узнала мое настоящее имя.

— Час, — сказала она, стоя у двери, которую я уже открыл, готовясь выйти.

— Час, — кивнув, подтвердил я.

Я оставил машину и отдал ей ключи. Я не хотел оставлять ее без шансов на побег, на тот случай, если бы все пошло наперекосяк. Возможно, русские следили за Колином или нечто подобное. Я улыбнулся ей напоследок, вышел в коридор и закрыл за собой дверь. Мгновение спустя, замок гостиничной двери защелкнулся, и я улыбнулся, подумав про себя:

— Хорошая девочка.

Несмотря ни на что, я должен был убедиться, что Эйва останется живой и невредимой. Это было моим первоочередным приоритетом. И я бы, в буквальном смысле, умер, чтобы убедиться, что это так.

25

Эйва

Как только Флинн скрылся из виду, я закрыла дверь на замок, и, быстро подойдя к столу, села обратно за ноутбук. Подтянув колени к груди, я улыбнулась, будучи одетой в футболку, которая пахла им. Я чувствовала себя комфортно. Даже уютно. Его запах успокоил меня. Заставил почувствовать себя в безопасности. Но что еще более важно, сделал меня счастливой.

Когда компьютер вернулся к жизни, я уже знала, что должна делать. Мне нужно было узнать имя и сделать это быстро. Я должна была удостовериться, что настоящий информатор был в безопасности, но, также, чтобы Флинна не убили, я должна была оправдать его имя. Будет достаточно трудно сдать его, и некоторая малая часть моего сознания задавалась вопросом, смогу ли я пойти на все это, но, мысль, что в итоге он станет мишенью, проникла ледяным ударом мне в сердце. По крайней мере, найдя осведомителя и оправдав Флинна, существовала бы вероятность, что он выйдет из всего этого живым и невредимым.

Пусть это не много, но это наименьшее, что я могла сделать.

Я все еще ощущала легкую вину и сомнение, когда щелкала по файлам, основным образом изучая те, что были на информаторов — файлы тайных осведомителей —

принадлежащие некоторым другим детективам. Но пролистав все файлы, я увидела имя. Имя, которое тут же привлекло мое внимание и послало электрический разряд через мое тело. Внезапно, я вздохнула с облегчением и одновременно снова испугалась.

Колин О'Брайен.

Мое сердце пустилось вскачь, когда все встало на свои места и собралось в единую картинку. Колин. Лучший друг и кузен Флинна. Человек, которого Флинн называл своим братом. Этот друг, этот кузен все это время был доносчиком. Однако, он скрывал тот факт, что был «крысой», ото всех, кого знал. Хотя еще более предосудительным было то, что он позволил Флинну взять всю вину на себя. И смела предположить, что он, также, приложил руку к тому, чтобы переложить всю вину на Флинна.

Моя кровь кипела, пока я уже в двадцатый раз на протяжении нескольких минут читала файл, только чтобы удостовериться, что была права, и каждый раз внимательно анализировала информацию — это было неоспоримо.

Он связывался с несколькими офицерами в течение последних нескольких недель, включая двух пропавших копов. Тех, которые предположительно были мертвы и ушли навечно.

Флинн должен был узнать. Я не могла позволить ему идти на эту встречу в неведении. Я сомневалась в том, как собиралась объяснить ему, каким образом пришла к выводу, что Колин — «крыса», но мне придется разобраться с этим на ходу. Слишком велик был риск игнорировать потенциальную угрозу безопасности Флинна. Я не шутила, когда говорила, что не хотела, чтобы ему навредили. Я искренне заботилась о нем и ничуть не хотела, чтобы он оказался в опасной ситуации.

Я потянулась к телефону и набрала его номер, грызя ноготь, в ожидании ответа.

Пожалуйста, ответь, я прошу. Пожалуйста, пожалуйста, ответь.

Попала на голосовую почту.

Дьявол. Мои пальцы пролетели по клавишам, словно молния, набирая ему текстовое сообщение.

Пожалуйста, перезвони мне до своей встречи. Это важно.

Мне нужно было найти способ рассказать ему о том, что я выяснила, не раскрыв свою подлинную личность. Я должна была быть осторожной, но была не совсем уверена, как это сделать. Проще сказать, чем сделать. В любом случае, идея позволить ему, совершенно неосведомленному о ситуации, встретиться с Колином — человеком, который очень хорошо мог бы его подставить — ужасала меня так, что не передать словами. Идея позволить Флинну, который не знал того, что знала я, встретиться с его двоюродным братом, напугала меня до чертиков. И тот факт, что я не могла до него дозвониться, лишь безумно усиливал мою тревогу.

Я снова набрала его номер и ждала. Нет ответа. Это было не похоже на него. Очень не похоже.

Мое сердце колотилось, пока я мерила шагами комнату, пытаюсь понять, что, черт возьми, собиралась делать и как свяжусь с ним, когда я приросла к месту. Пистолет Флинна лежал на верхушке шкафа. Он оставил его мне. Но зачем ему было поступать настолько неразумно?

Я чертовски надеялась, что он взял с собой другое оружие, но не могла быть в этом уверена. Не припоминала, что видела еще что-то, помимо этого оружия, когда он раздевался. Это не означало, что у него его не было, я просто его не видела. Чем дольше я смотрела на

пистолет, тем сильнее беспокоилась.

Неужели он на самом деле пошел на встречу с Колином безоружным? Он действительно настолько сильно доверял своему кузену? Даже свою жизнь?

Мне нужно было действовать. Нужно было предпринять что-нибудь. Быстро вскочив, я начала действовать до того, как смогла бы остановиться и передумать. До того, как смогла бы изменить свое решение. Я поспешно нашла свою одежду, подняла и надела ее. Затем, схватила пистолет Флинна и убрала его в задний карман, опустив на него футболку, чтобы скрыть его. Я знала, что должна была делать.

Найти Флинна и предупредить его. На случай, если Колин задумал что-то подлое и подвергал жизнь Флинна опасности.

26

Флинн

Я спустился к набережной, плотнее застегивая куртку. Прохладный ветер Миссури мог бы продуть вас прямо до костей, если бы вы оделись ненадлежащим образом, однако, я привык. Я знал, что делал. Все-таки, Средний Запад был для меня домом. По крайней мере сейчас. Надеюсь, в ближайшее время нам не придется собирать вещи и уезжать, хотя, в такие времена, как эти, теплый климат казался привлекательнее.

Возможно, это был не самый лучший выбор места, но мы договорились встретиться на старом заброшенном заводе, черт знает где. Подойдя к полуразрушенному зданию, которое выглядело так, будто находилось на грани обрушения, я не заметил ни единой души. Судя по всему, я прибыл первым. Внутренности скрутило узлом, пока я брел к входу здания и увидел дверь, приоткрытую камнем. Двигаясь максимально быстро, я вошел и услышал разговор.

Голоса. Двое. Я остановился и прислушался, готовясь уйти, если бы это оказались копы или пара ребяташек, создающих проблемы. Я подумал, что, если бы потребовалось, то смог бы отправить Колину сообщение с новым местом. Это не было проблемой. Но один из голосов звучал знакомо, и я немного расслабился.

Это был невнятный ирландский акцент, выдающий моего кузена. Я улыбнулся, готовясь войти, когда распознал второй голос. Я застыл на месте и прислушался, пытаясь понять, кому он принадлежал.

Я стоял у входа достаточно долго, чтобы Колин выглянул и заметил меня.

— Вот ты где, приятель, — сказал он, жестом приглашая меня войти. — Я все ждал, когда ты, наконец, доберешься сюда.

Я медлил и пытался всмотреться в тень и уныние внутреннего пространства здания.

— Кто с тобой?

Колин мельком взглянул назад, почесав голову, прежде чем развернулся ко мне.

— Входи, Флинн. Было бы проще, если бы мы говорили здесь, ты так не думаешь?

Он проигнорировал мой вопрос и, казалось, не собирался говорить мне, кто с ним. Зачем держать это в тайне? Колин нарушал правила, тем самым подрывая мое доверие, что заставляло меня нервничать. Я потянулся за спину, а затем проклял себя. Я оставил свой пистолет в отеле, на случай, если Эйве придется защищаться. У меня с собой не было никакого оружия, и я почувствовал себя больше, чем просто неудобно.

Оставить пистолет было ошибкой. Я понял это только сейчас, но я доверял Колину.

Даже свою жизнь. Так, зачем теперь он морочил мне голову?

— Так ты ответишь мне, кто с тобой? Я слышал голоса, — сказал я.

Колин вздохнул, опустив голову, когда отошел в сторону. Именно тогда я понял, почему второй голос показался знакомым. Это был Николай. Один из наиболее верных союзников Исаака.

— Что он здесь делает? Я думал, мы с тобой будем одни, Колин, — спросил я, сузив глаза и сосредоточившись на высоком, мужественном человеке передо мной.

Он выглядел так необычно рядом с моим нелепым двоюродным братцем с рыжими волосами и бледной ирландской кожей. Они, определенно, были странной парочкой, но стояли бок-о-бок, словно союзники. Возможно, даже друзья.

— Флинн, у Николая к тебе несколько вопросов, не более того, — сказал он. — Мы хотели поговорить о том, что произошло с Исааком и русскими. Он рассказал мне кое-что интересное о тебе, чего я не знал.

— О, серьезно? Что, например? — Мне не нравилось, к чему все шло. Во-первых, Колин должен был прийти один, даже если у него были какие-либо сомнения относительно чего-то угодно, и, во-вторых, мне не нравилась самоуверенная ухмылка на лице Николая.

— Например, то, что ты завел интрижку с федеральным агентом.

Я рассмеялся.

— С федеральным агентом? Ты под кайфом, Колин? Или просто все еще завидуешь, что ее получил я, а не ты?

— Так ты признаешь это. Ты трахаешь ее, — сказал Колин, хрустя костяшками, в то время как смотрел на меня.

— Мы больше, чем просто трахаемся, парень, мы вместе, — сказал я. — Но она не федерал. Ради всего святого, она чертов секретарь.

— Откуда ты знаешь, что это правда? — спросил Колин. — Ты был у нее в офисе? Видел, как она ведет архив, пишет под диктовку и прочую хрень, парень?

Николай не говорил ни слова, он просто стоял, сложив руки за спиной, глядя на нас с самоуверенной ухмылкой на своем лице. Ох, как я хотел стереть этот взгляд с его лица, а затем жестоко избить его. Но у меня не было оружия — вообще ничего. Потому что я был достаточно глуп, чтобы доверять Колину — единственному человеку, которому, как я думал, я мог доверить все, что угодно.

Судя по всему, я заблуждался. Очень сильно заблуждался.

— Что это за глупый вопрос? Нет, я не был на ее гребаной работе. Но она сама рассказывала мне. И она не долбаный федерал, она слишком... — Я остановил себя от дальнейшего высказывания, сильно прикусив язык.

Пока я изо всех сил старался закончить мысль, в моей голове за секунду проскакивало миллион вопросов. Она была какой? Слишком милой? В чересчур отличной форме? Чертовски сексуальной? Она была чересчур в форме для "сидячей" работы, но я всегда предполагал, что она слишком много занималась. Понимаете, следила за своей внешностью.

— Видишь? Даже ты не можешь быть уверен, — сказал Колин. — Что наводит нас на мысль, что, возможно, в изначальных опасениях Исаака что-то есть.

Наводит нас на мысль? Он сказал, наводит нас на мысль, что подсказывало мне, что слишком много всего произошло, во что я не был посвящен. И учитывая, что Колин казался довольно хорошо знаком с Николаем, я насторожился еще сильнее.

— Ты думаешь, я стукач? — сорвался я. — Seriously, Колин? Я?

Колин пожал плечами.

— Понятия не имею, что и думать, парень. Не теперь. И не я один. После того, как братья узнали про тебя и федерала, они вынесли это на голосование.

— Да? И что? — требовал я. — Ты убьешь меня, приятель? Осуществишь расправу? У тебя вообще хватит смелости для этого?

Колин усмехнулся и провел рукой по затылку, что, как я знал, говорило о том, что он нервничал.

— Русские хотели расплаты за все излишние проблемы с законом, резню, которая стоила их лидеру Исааку жизни. У Николая есть разрешение от его братьев сделать все необходимое для осуществления мести, которой они жаждут. И я не мог рисковать нашим союзом с русскими, отказав им, не мог этого сделать, дружище. Несомненно, ты меня понимаешь и можешь поблагодарить за это. В конце концов, ты надрывал задницу, чтобы закрепить наш союз с русскими. Мы не можем просто отвернуться и потерять его, потому что ты трахаешь копа и рассказываешь ей все наши маленькие грязные секреты.

— Я не трахаю копа, — проговорил я сквозь стиснутые зубы. — И я не гребаный стукач.

— Это ты так говоришь. Но факты говорят против тебя, Флинн, — сказал он. — Прямо сейчас к тебе много вопросов, брат. Это плохо для тебя, приятель. Весьма, весьма плохо.

Николай двинулся вперед с пушкой в руках и ухмылкой на лице. Я не дрогнул, когда он навел на меня пистолет, держа его у моей головы. Он широко оскалился, словно наслаждался каждой секундой этого. И я был абсолютно уверен, что так и было. Николай был безжалостным убийцей, честно говоря, на самом деле мы никогда не нравились друг другу.

Без оружия и с пистолетом у виска, единственное, что мне оставалось — попытаться вразумить их. Говорить, чтобы выпутаться из этой чертовщины, или, по крайней мере, тянуть время и достаточно долго не давать им убить меня, чтобы я мог попытаться сбежать.

Колин тоже был вооружен, и даже если бы он был мне кровным братом, я не особо надеялся, что он не попытался бы меня убить. Как-никак, он подставил меня. Он был единственным, кто привел с собой русского, чтобы тот смог выполнить свою грязную работу.

— Я просто пытаюсь заботиться о братстве, Флинн, — сказал Колин. — И убедиться, что наши отношения с русскими останутся прочными. Позволить стукачу жить из-за привязанности — нехорошо для бизнеса. И последнее, чего мы хотим — развязать еще одну войну с нашими новыми друзьями. Парень, разве у нас недостаточно кровопролития и убийств?

— Вы не того взяли, Колин, — произнес я громко. — Что хорошего в том, чтобы убить меня, если стукач все еще остается на свободе, а? А он на свободе. Поверь мне, так и есть. Да, я могу быть мертвым, но стукач останется живым. И когда он продолжит стучать, что тогда подумают о тебе братья? Думаешь, они по-прежнему будут хотеть видеть тебя в роли лидера? Полагаю, ты к этому и клонишь, в конечном счете, ты устраняешь меня и затем занимаешь мое место. Не таков ли твой план, парень? — Эта демонстрация силы с Колином длилась уже не первый день. Я старался проявлять терпение, зная, что он не был таким непоколебимым, каким считал себя. И именно этим и был весь этот бардак — демонстрацией силы.

Но Колин не успел ответить. Я вздрогнул и пригнулся, когда откуда-то позади меня раздался выстрел. Пуля едва задела большого русского и попала в дверь за его головой.

Выстрел заставил Николая повернуться и ответить на огонь незамеченного противника, предоставив мне достаточно времени, сделать шаг и заехать ногой ему по яйцам. Я вложил в этот удар всю силу и с удовлетворением улыбнулся, когда он схватился за промежность и повалился в мучениях. Он выглядел так, будто его сейчас стошнит.

Воспользовавшись его состоянием, я вырвал у него из руки пистолет. Я понятия не имел, кто в нас стрелял, но кто бы это ни был, он подарил мне шанс, который я намеревался использовать.

Он все еще задыхался и сыпал проклятиями, так что я заехал коленом ему в лицо, после чего он повалился на землю. Я придавил его к земле, положив ногу на его самую чувствительную, и вероятно, опухшую и ноющую, часть тела.

Теперь настала моя очередь ухмыляться, когда карты перевернулись, и пистолет был у меня.

— Не столь могуч теперь, а? — усмехнулся я. — Без своего пистолета. На самом деле, без этого пистолета, ты обычный слизняк, не так ли?

Николай вздрогнул, когда я плюнул ему в лицо и взвел курок, готовясь выстрелить ему в голову. Но я прирос к месту, когда услышал позади себя голос.

— Не делай этого.

Мои глаза распахнулись в абсолютном ужасе. Это был голос Эйвы.

Оглянувшись через плечо, просто чтобы убедиться, я почувствовал, как сердце ушло в пятки, когда увидел свою красивую девочку, стоящую здесь. Она была вооружена пистолетом, направленным на голову Колина. Мой кузен выглядел так, словно был готов обделаться, когда уставился на ствол ее пушки, но она смотрела на меня, пока говорила.

— Он не должен умирать, Флинн, — сказала она. — Мы можем вызвать полицию, пусть они позаботятся об этом.

— А затем я тоже отправлюсь за решетку, — вышел я из себя, мое сердце колотилось. — Ты этого хочешь?

Выражение ее лица смягчилось, но лишь на короткий миг. Она покачала головой с выражением замешательства на лице. Она выглядела так, словно ее разрывали противоречия. Словно боролась с каким-то решением в своей голове.

— Нет, — сказала она. — Честно говоря, я не хочу этого всего.

— Тогда позволь мне сделать то, что необходимо. Эти двое подонков были здесь, чтобы убить меня, поэтому мне нужно позаботиться о делах. Возвращайся в отель, Эйва. Не вмешивайся, — приказал я. — Не переживай за меня, милая. Я справлюсь сам. Я позабочусь об этом.

— Я не могу, Флинн, — сказала она. — Я не могу позволить тебе сделать это. Не могу позволить тебе пристрелить этого человека, несмотря на то, что он очень этого заслуживает.

— Я же говорил тебе, что она гребаный федерал, мужик. Она, мать ее, агент ФБР брат, — прокричал Колин, его голос немного дрожал. — Хотя она стреляет, как чертова девчонка.

Посмотрев на него, я подавил смешок. Он поднял руки вверх с разъяренным выражением на лице. Его пистолет был на земле, в десяти футах от него.

— Я специально промахнулась, идиот, — сказала Эйва. — Я не хотела тебя убивать. Просто хотела напугать до смерти.

— Миссия выполнена, — добавил я. — Думаю, он запросто мог наложить в штаны.

— Если бы я захотела, то смогла бы попасть в тебя с этого расстояния дважды, пока ты бы бегал вокруг нас. Если бы захотела.

— Видишь, мужик? — сказал Колин, расправив плечи. — Она ни черта не секретарь.

Разрываясь между наблюдением за Николаем и Колином, я не мог нормально посмотреть на Эйву. Я не видел выражение ее лица. У меня не было возможности прочесть ее, чтобы увидеть, прав ли был Колин насчет того, что она была федералом. Я должен был признать, что прямо здесь и сейчас она вела себя, как коп. К тому же, она выстрелила из этого гребаного пистолета слишком профессионально. Она ничего не отрицала. Она просто молча стояла здесь, со странным выражением на лице.

Я не знал, что и думать, но если Колин был прав, и она была агентом ФБР, не было никакого шанса, что я смогу пойти на убийство Николая. Не перед Эйвой. Не перед тем, кто мог быть федералом. Нет, если я, так или иначе, хотел уберечь свою задницу от тюрьмы. Вздыхнув, я опустил пистолет, но продолжал стоять на месте, удерживая Николая на земле. Я на мгновение наступил сильнее, просто для пущей верности.

— Спасибо, Флинн, — сказала Эйва.

Когда пистолет уже больше не был направлен ему в лицо, Николай схватил меня за ногу и дернул, повалив на землю. Я сильно ударился головой о бетон, и он бросился вперед и врезал мне по лицу. Вспышка яркого света вспыхнула у меня перед глазами, и моя голова взорвалась от боли. Кровь хлынула у меня из носа и наполнила рот медным привкусом старых монет.

И что еще хуже — теперь преимущество было в его руках.

Прозвучал выстрел, и на долю секунды, я подумал, что это был пистолет, за который мы боролись. Но Николай посмотрел на меня, перестав сопротивляться, его лицо исказилось паникой и болью. Краски сошли с его лица, а губы задрожали.

Его глаза распахнулись, и он внезапно рухнул на землю рядом со мной, крича что-то неразборчивое на русском и ревя от боли.

Я сидел, глядя на тело русского и Эйву, которая все еще держала пистолет, направленный на него. Она попала ему в бок, так что это был не смертельный выстрел, но он истекал кровью на земле возле меня.

Она поспешила к нему, все еще настороженно глядя на Колина. К сожалению, ему удалось подобрать пистолет, пока Эйва разбиралась с Николаем. Колин подошел к нам, направив пистолет прямо на Эйву. Мое сердце екнуло в груди, и я увидел, как Эйва на мгновение застыла, подняв руки вверх.

— Ты любишь ее, Флинн? — спросил Колин. — Даже после того, как она солгала тебе о том, кто она?

Моя голова раскалывалась, мысли атаковали меня с трехкратной силой, но мне удалось подняться с земли.

— Она лгала, я лгал. Думаю, теперь мы квиты, не так ли, милая?

Я заскрипел зубами, когда заговорил, неуверенный в том, что от нее последует искренний ответ. До меня дошло, что, возможно, это все было обманом. Уловкой, для того, чтобы подобраться ко мне, заслужить мое доверие. Возможно, в конце концов, она не любила меня.

— Ответ на гребаный вопрос, — рявкнул Колин. — Ты ее любишь?

— Да, я ее люблю, — сказал я, глядя на Эйву, и почувствовал, как оборвалось мое сердце, когда она оглянулась на меня.

— Так если я убью ее, это причинит тебе боль?

— Почему ты, мать твою, хочешь причинить мне боль, Колин? Ты — мой брат. Я люблю тебя...

— Любишь меня? Дерьмо. Ты, мать твою, любишь мальчика на побегушках, вот, что ты имеешь в виду. Тебе нравится, когда кто-то околачивается возле тебя, потому что это заставляет тебя чувствовать себя важным человеком, — ухмыльнулся он. — Ты не помнишь вечер, когда вы двое познакомились? Я первый заговорил с ней, пока не появился ты и не забрал ее — просто как ты всегда и делал. Точно также, как ты забрал у меня все остальное. Хочешь доказать, что любишь меня? Убей суку, которая встала между нами, и, возможно, я поверю тебе.

Его рука тряслась от необузданной ярости, когда он говорил, и он опустил руку, держащую пистолет, призывая ко мне. В одно мгновение меня осенила мысль. Я должен был принять решение. Убить человека, которого считал братом, или позволить ему убить женщину, которую я любил. Оба лгали мне. Оба заслуживали смерти.

— Я бы все равно не связалась с тобой, — сказала ему Эйва. — У тебя нет на меня никакого права. Я ни хрена тебе не должна, и я не какой-то чертов объект, который нужно завоевывать. И Флинн понял это — вот почему он победил, придурок. Он относился ко мне, как к обычному человеку, а не как, к какому-то гребаному призу.

— Нет, он победил потому, что ты — коп под прикрытием и хотела подобраться к нему, признай это, — ухмыльнулся Колин.

Эйва попыталась ответить, но быстро замолкла.

— Эйва, это правда? — спросил я ненавязчиво. — Ты федерал? Подобраться ко мне ближе — это всего лишь твое задание?

— Изначально, да, — со слезами на глазах призналась она. — Но я влюбилась в тебя, Флинн. Я клянусь всем, что мне дорого, что влюбилась. Признаваясь тебе в любви, я не лгала.

— Тем не менее, она все равно собирается сдать твою задницу, — сказал Колин. — Просто смотри.

— Нет. Я не смогу. Не после того, через что мы прошли, Флинн, — сказала она, ее голос дрогнул.

Она отвернулась, когда слезы потекли по ее щекам. Мне хотелось подойти к ней, чтобы успокоить и сказать ей, что все будет хорошо. Проблема в том, что я не знал, было ли это правдой. У меня не было никакого понятия, что она собиралась сделать, или что собирался сделать я. Она лгала мне. Она пыталась использовать меня, чтобы навредить синдикату. Я не знал, что делать с этим.

— Я люблю тебя, Флинн.

— Я тоже люблю тебя, милая. И мне жаль. Мне так чертовски жаль за все, — сказал я, осознавая, что должен был сделать.

Слезы хлынули из моих глаз, когда я направил пистолет и выстрелил, закрыв глаза, чтобы не видеть, как тот, кого я так сильно любил, умер на моих глазах.

В ушах отразился выстрел. Выстрел, забравший из этого мира того, кого я любил. Я упал на колени, отбросив револьвер, и прикрыл глаза. Я не мог поверить в то, что натворил.

За свою жизнь я убил многих, но никогда не убивал того, кто был мне дорог, того, кто был для меня целым миром. Говорят, все когда-нибудь случается впервые, но это останется со мной до конца моей жизни.

— Флинн, — ворвался голос сквозь это безумие. — Флинн.

Я не мог посмотреть. Не мог открыть глаза.

— Флинн, нам пора уходить, — сказал голос.

Эти слова заставили меня открыть глаза и посмотреть на нее, но лишь посмотреть.

— Что ты имеешь в виду? Разве ты не собираешься сообщить об этом в полицию?

Взяв меня за руку, Эйва покачала головой.

— Нет, малыш. Я имею в виду то, что сказала. Я не сдам тебя, а это означает, что мы должны уходить. Сейчас же.

— Что изменилось? — спросил я, взяв ее руку в свою и слегка сжав.

Она была права — мы должны были убраться отсюда к чертям. Николай истекал кровью на земле и скорее умер бы, чем... И само собой, я выстрелил и убил Колина. Мы оба были бы по уши в дерьме, если бы остались.

— Я не могу тебя потерять, — сказала она.

Колин был мертв. И из того, что он сказал, я сделал вывод, что члены синдиката уже поверили в то, что я «крыса». А без каких-либо доказательств того, что я не стукач, и с Колином, убитым именно моими руками, моя ситуация становилась еще более сложной.

Я отвел Эйву обратно в отель и, собрав вещи, мы в спешке покинули его, не имея подходящего плана. Мы ехали в тишине, каждый был снедаем своими мыслями и эмоциями. Я был в шоке, но у меня совершенно не было времени заикливаться на этом. Я был занят, пытаюсь придумать план. Любой план, способный сохранить наши жизни.

У нас были паспорта, которые я достал для нас. А это означало, что мы могли бы покинуть страну, если бы того захотели. Я бы сделал это только в том случае, если Эйва была бы готова пойти на это. Украдкой взглянув на нее, до меня дошло, что я очень мало знал о ее жизни, гораздо меньше, чем думал, и я понятия не имел, что бы она захотела или не захотела сделать.

— Прости, что лгала тебе, — внезапно сказала она, уставившись на свои руки, чтобы избежать моего взгляда.

— Значит, все это время ты знала, кто я?

Она кивнула.

— Я искала тебя. Мне нужны были кое-какие ответы о некоторых событиях, в которых большую часть своей жизни я обвиняла тебя, а затем — ну, когда узнала тебя — все изменилось. В конце концов, я поняла, что ты не виноват в смерти моего отца.

Последняя фраза застала меня врасплох.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я. — Почему ты винишь меня в смерти твоего отца?

Зная, что мы оба потеряли наших родителей примерно в одном возрасте и периоде наших жизней, я был не больше, чем ребенок, когда убили ее отца. Вопрос, почему она считала меня, даже частично, виновным в его смерти, еще больше загнал меня в тупик.

Но вместо того, чтобы ответить, она повернулась ко мне и спросила:

— Можем мы остановиться и увидеть твоего отца? Я хотела бы поговорить с ним. Мне нужны ответы на вопросы, которые я волоку за собой с тех пор, как была ребенком.

Мой отец вернулся в Чикаго, в одно из его самых уединенных и безопасных мест проживания в городе. Вернуться туда, тем более, не понимая, что происходило, было опасно. В лучшем случае. Я скорее бы убил себя.

— Пожалуйста? — умоляла она с глазами, блестящими от слез. — Мне действительно нужно поговорить с ним. Не важно, что происходит, мне необходимо это, Флинн. Мне нужно это больше всего на свете.

— Откуда ты...

Я хотел спросить, откуда она знала моего отца, что знала о нем, но она не говорила. Она не хотела говорить обо всем этом или открывать свое прошлое, пока не поговорит с моим отцом. И телефонный звонок здесь бы не прошел. Она хотела встретиться с ним лицом к лицу.

— Эйва, они ищут нас, — сказал я. — После всего случившегося, это не безопасно.

— Но настоящим доносчиком был Колин, — сказала она. — И я могу это доказать.

— Ты можешь это доказать? — спросил я. — Как?

— У меня есть документация, подтверждающая то, что он был тайным осведомителем. Конечно, если я рассекречу ее, то это вполне может стоить мне карьеры. Но поскольку Колин уже мертв, возможно... — Она осеклась.

— Но тогда, даже если ты предоставишь это моим парням, ты практически выдашь себя как копа под прикрытием, — сказал я, качая головой. — Думаешь, они смогут это простить?

Она взяла меня за руку и крепко держала. Я посмотрел вниз на наши руки, наши пальцы были переплетены, и во мне расцвела надежда — надежда на то, что все же, возможно, у нас еще что-то может получиться. Надежда на то, что, возможно, ее чувства по отношению ко мне были искренними.

— Мне плевать, простят ли они меня, — сказала она. — Мне плевать, если это разрушит мою карьеру — особенно учитывая, что моя карьера уже практически закончена. Нет никакого способа объяснить все это, если я вернусь к своему начальству. Я просто хочу вернуть тебе твою жизнь обратно, Флинн.

У меня в горле образовался ком, когда я поднес ее руку к губам и поцеловал. Она стольким готова была пожертвовать ради меня. Чтобы защитить меня. Чтобы спасти мою жизнь. И все же, она должна была знать, что если выдаст себя, как копа под прикрытием, то ее вполне могут убить. Моя милая девочка Эйва не была глупой. Как и я. Мы найдем другой способ обойти это.

— Это бесполезно. Они тебе не поверят. Вся эта обстановка слишком... удобна, а потом они обвинят меня в фальсификации, — сказал я.

Это было бы слишком странным совпадением и слишком трудным, чтобы объяснить, особенно со смертью Колина. Но даже если бы они поверили мне, это поставило бы Эйву под удар. А я не позволю этому случиться ни при каких обстоятельствах.

— Я смогу это доказать, — сказала она.

— И в итоге отправишься в тюрьму? Послушай, милая. То, о чем ты говоришь, незаконно, аморально и идет в разрез со всем, что я знаю о тебе, — твердо сказал я. — Тебе не нужно впутываться в это. Я не хочу, чтобы ты в это впутывалась.

На мгновение она замолчала, широко раскрыв глаза, словно была шокирована тем, что я заговорил с ней в таком тоне. Я не собирался срывать так резко и грубо, но я ни в коем

случае не мог позволить ей сделать то, что она хотела. Ни за что.

— И потом, — сказал я, немного смягчив тон, — я не особо уверен, что эта жизнь имеет для меня значение. Я уже довольно долгое время сомневался. Возможно, пора выходить из игры. Возможно, это знак, что настало время отказаться от всего этого.

Она искоса взглянула на меня.

— Что? Ты бы отказался от этого?

Я не мог поверить, что, наконец, произнес это вслух. Глубоко-глубоко внутри я это понимал, и мне не хватало смелости озвучить это, до настоящего момента.

— Думаю, возможно, для меня и синдиката пришло время идти разными дорогами. И единственный способ сделать это — покинуть страну, — сказал я. — В противном случае, они никогда не оставят меня в покое. А я не хочу провести свою жизнь, постоянно оглядываясь назад.

— Ты уверен? — мягко спросила она. — Потому что это означает оставить всех — твоих друзей, твою семью...

— Мой отец умирает, кузен погиб от моей же руки, — сказал я, чувствуя, как сжалась моя челюсть, пока я говорил. — А мой настоящий брат, в любом случае, не хочет иметь ничего общего со мной. Ему будет лучше, если я перестану втягивать его в семейный бизнес. У меня нет никого. Никого, кроме тебя, Эйва.

— Тогда поехали. Неважно куда, до тех пор, пока я с тобой, — сказала она, ее голос был чуть громче шепота, когда она произносила слова, которые я жаждал услышать. — После того как я поговорю с твоим отцом, так и сделаем.

Я съезжился, желая сказать ей, что нет никакой возможности, что мы сделаем это. Было слишком опасно. Но если это было всем, чего она хотела, прежде чем пожертвует своей собственной жизнью и карьерой, чтобы сбежать и начать новую жизнь со мной, мне повезло. Особенно, учитывая все, что она теряла из-за меня.

— Хорошо, — сказал я. — Для начала мы вернемся в Чикаго.

Я не был в восторге от этой идеи. Это было опасно, особенно если мои люди думали, что я был виновен. Они обязательно будут меня искать. Но как только она поговорит с моим отцом и получит ответы, в которых нуждалась, мы начнем все сначала в каком-нибудь новом местечке.

Все, что нам оставалось — выжить в Чикаго.

28

Эйва

Просьба посетить отца Флинна была рискованной, но мне необходимо было задать ему вопрос, который многие годы был открытой болью в моей душе — почему он убил моего отца?

Если я когда-нибудь надеялась обрести душевный покой, мне нужны были ответы. Но Флинн не понимал этого. Совершенно очевидно, он все еще не имел понятия, что его отец сделал с моим. Моя карьера, хотя она много для меня значила, была попросту средством достижения цели. Я использовала всю свою жизнь и карьеру, пытаюсь выяснить, почему мой отец был убит его бывшим другом.

Я посмотрела на Флинна и могла сказать, он был обеспокоен. Я не была уверена,

насколько все будет плохо, когда мы доберемся до Чикаго, но судя по выражению его лица, я понимала, что все будет не так хорошо. Я честно не знала, будут ли его люди преследовать нас или нет — Колин был настолько полон дерьма, что было трудно сказать, говорил ли он правду.

Я была настолько погружена в свои мысли, что когда зазвонил телефона Флинна, подпрыгнула.

— Кто это? — спросила я.

Флинн посмотрел на имя звонящего, и нервное выражение отразилось на его лице.

— Это Ред. Нужно остановиться и ответить.

Мое сердце начало биться сильнее, когда Флинн съехал на обочину дороги, перед тем как ответить на звонок. Сначала разговор показался достаточно теплым, по крайней мере, с моего места, что дало мне маленькую надежду.

— Ред, как дела? — спросил Флинн напряженно.

Я услышала приглушенный голос на другом конце линии и заметила, как сникло выражение лица Флинна.

— Колин? — пробормотал он. — Где его видели в последний раз?

Двое мужчин разговаривали еще немного, и мне хотелось бы услышать, что говорил Ред, но мне не удалось ничего узнать. Флинн стрельнул в меня взглядом, словно был взволнован, что я итак уже услышала достаточно много.

— Да, я не знаю, приятель, — сказал Флинн. — Я давно ничего от него не слышал.

Я услышала приглушенный голос Реда, и несколько мгновений спустя Флинн сказал:

— Да, уверен. Последний раз я разговаривал с ним несколько дней назад.

На обоих концах воцарилось молчание, прежде чем Флинн спросил:

— Итак, как мужик мужику, могу я задать тебе вопрос? Это правда, что братья считают, меня стукачом?

Ред не произносил ни звука, а Флинн просто ждал. Он продолжал ждать, казалось целую вечность, пока Ред снова не заговорил.

— И ты действительно так обо мне думаешь, дружище? Ты знаешь меня с пеленок, Ред. Неужели я когда-нибудь...

Звук приглушенного голоса Реда прервал Флинна. Он внимательно слушал, на его лице теперь было написано разочарование и ярость.

— Да, тогда надеяться не на что, а? — сказал он спокойно.

Мое сердце оборвалось. Хоть мы и обсуждали реальную перспективу покинуть страну, тот факт, что его братья, которые были ему, как семья, предали его, был обескураживающим. И это все была моя вина. Все из-за того, что мне нужны были ответы.

На глаза навернулись слезы, когда двое мужчин попрощались друг с другом и положили трубки. Насколько я поняла, Флинн попрощался навсегда.

Флинн потянулся ко мне и притянул меня ближе, поцеловав в макушку. Успокаивал меня. Несмотря на то, что я стояла ему всего, он успокаивал меня. Разве не должно было быть все с точностью наоборот?

— Мне жаль, Флинн, — сказала я, задыхаясь от своих слов.

— Тсс, не извиняйся, милая, — сказал он. — Тебе не за что извиняться. Все это — не твоя вина.

— Это, черт возьми, не так, — сказала я, утирая слезу со своей щеки. — Если бы я не

появилась, никто бы не осмелился предположить, что ты стукач. Но поскольку я работала под прикрытием, пытаюсь найти ответы для себя, я все разрушила для тебя. И в то время, пока я прежняя не чувствовала бы себя плохо из-за этого, учитывая, что ты руководишь преступной организацией, человек, которым я стала теперь, чувствует себя дерьмом. Потому что теперь, когда я узнала тебя и увидела, какой ты на самом деле, я не вижу тебя монстром, которого создала в своей голове. И меня убивает тот факт, что это я сыграла роль в разрушении твоей жизни.

Флинн взял мое лицо в свои ладони, приковав мой взгляд к себе. Он не плакал. Более того, он улыбался мне. Возможно из-за той жизни, которую он вел, ему искусно удавалось скрывать эмоции, но он смотрел на меня со счастливым выражением лица, которое невозможно было подделать. Во всяком случае, не так легко.

— Эйва, ты ничего такого не сделала. Послушай, все, что произошло между Колином и мной, произошло бы в любом случае. Ты просто оказалась не в то время не в том месте. Этот конфликт длился слишком долго и открыто, я удивлен, что он не достиг предела еще задолго до этого. У Колина были личные проблемы. Реально большие проблемы. Я пробовал делать вид, что не замечал этого, но думаю, из-за этого все стало только хуже. Парень был больной на всю голову и, очевидно, имел явные проблемы с ревностью. Это была не твоя вина, поверь мне.

— Но...

— Никаких "но", — сказал он, глядя в мои глаза с неослабевающей напряжённостью.

— Более того — разрушила мою жизнь? Едва ли. Ты стала ярким пятном в моей жизни с того момента, как я взглянул на тебя. Я никогда не думал, что найду кого-то, вроде тебя, кто сможет полюбить меня. И, тем не менее, это произошло. Это то, чего я хотел, Эйва. Ты то, чего я хотел. Я всегда хотел, чтобы рядом со мной была хорошая женщина вроде тебя, и теперь у меня есть ты. Я, наконец, чувствую себя полноценным. Если мои братья готовы с легкостью повернуться ко мне спиной, значит они не семья, которой я их считал. Но ты, ты отказываешься от гораздо большего, чем есть у меня. Если кто и должен чувствовать себя виноватым, так это я.

— Это дело моих рук, Флинн, — всхлипнув, сказала я, пока он вытирал оставшиеся слезы с моих щек. — Я поступила так, потому что мне нужны были ответы. Я никогда не решилась бы на это, думая, что ты сможешь мне понравиться, не говоря о том, что я влюблюсь в тебя. И все же, как ты сказал, это произошло.

Флинн прижался своими губами к моим. Это был нежный, невинный поцелуй, но передающий глубокие чувства.

— Я люблю тебя, Эйва, — сказал он.

— Я тоже люблю тебя, Флинн.

— Так вон оно что? Мы действительно собираемся это сделать? — Он улыбнулся ярче, чем я когда-либо видела его улыбающимся прежде.

— Похоже на то, — сказала я со смехом.

— Хорошо. Начинай размышлять над тем, куда ты хотела бы убежать, милая. Мечтай о большем, потому что мы собираемся это осуществить.

Все, что мне оставалось — только покачать головой. Все это было похоже на сон, и я просто ждала, когда проснусь. Когда Флинн вырулил на дорогу и снова поехал, его лоб был нахмурен, а челюсть сжата. Могла сказать, что он погрузился в мысли.

— В чем дело? — спросила я, погладив его по руке. — О чем ты думаешь?

Он взглянул на меня и улыбнулся.

— Ничего особенного, — ответил он. — Слишком много информации, и я просто пытаюсь все переварить. Ты хочешь увидеть моего отца до того, как мы уедем, и продолжаешь упоминать, что пришла под прикрытием, чтобы найти ответы. Я пытаюсь осмыслить все это. Но у меня ничего не выходит. У меня просто нет никаких объяснений.

Вздыхнув, я посмотрела в окно, на темную автомагистраль вокруг нас. Вскоре мы будем в Чикаго, и я задам Доналу О'Брайену вопросы, которые у меня всегда были для него. Флинн будет присутствовать при этом. Так что, он хотел услышать, что я собиралась говорить. И когда я подумала об этом, то задала себе вопрос — хотела бы я, чтобы он узнал обо всем таким образом?

— Флинн, есть кое-что, что ты должен знать. О твоём отце и моей семье. — Я прикусила губу, пытаюсь подобрать слова. Наконец, я решилась рассказать об этом. — Помнишь, как я упоминала о том, что мой отец был убит у меня на глазах, когда я была совсем юной?

— Да.

— Я знаю, кто это сделал. Я видела того человека и хорошо его знала.

Флинн молчал, и пока я наблюдала за его лицом, то подумала, что он начал складывать кусочки пазла вместе. Но не была уверена.

— Флинн, твой отец убил моего отца. Мой отец был частью синдиката.

29

Эйва

В течение нескольких минут Флинн не вымолвил ни слова, просто смотрел через лобовое стекло вперед на дорогу. Мы ехали в тишине так долго, что я подумала, возможно, он меня не слышал. Но я не хотела вновь повторять эти слова, поэтому просто сидела, уставившись в окно, словно этого разговора и не было.

Проехав еще несколько миль вниз по дороге, Флинн спросил:

— Почему?

— Что почему?

— Почему мой старик это сделал? — спросил он.

— Не знаю, — ответила я, покачав головой. — Как раз это я и надеюсь выяснить.

Я повернулась к Флинну и увидела, как он крепко сжал руль, так же крепко, как и стиснул челюсть. Казалось, он выплескивал все свои эмоции через челюсть и руки. Он смотрел вперед и долгое время ничего не говорил. Воздух в машине сгустился, и это напоминало затишье перед бурей. Мягко выражаясь, настораживало.

— Хорошо, Эйва, — наконец, сказал он. — Я отвезу тебя к нему. Ты заслуживаешь знать ответы.

Облегчение захлестнуло меня с такой силой, что у меня затряслись руки. Я, наконец, встречусь лицом к лицу с человеком, который убил моего отца, и задам вопросы, которые мне до смерти хотелось узнать всю свою жизнь. Вопросы, которые преследовали меня с детства.

— Спасибо, — сказала я. — Ты не представляешь, как много это значит для меня.

Он только кивнул и постарался избежать моего взгляда. Думаю, он не знал, что сказать. Не то чтобы я винила его. Я просто выболтала нечто настолько существенное, чего он и не

мог предположить. То, о чем он никогда не думал, и то, что должно было быть для него, как удар под дых, потому что он очень заботился обо мне.

— Я хочу, чтобы ты знала, была готова к вероятному сценарию, есть вероятность того, что он не сможет предоставить тебе ответы, которые ты ищешь, — сказал он. — На протяжении последних недель он то приходит в себя, то отключается. Он может даже не проснуться или быть невменяемым, когда мы придем.

Мое сердце разрывалось, когда я слушала его. Я даже не рассматривала вероятность, которую упомянул Флинн. Все эти годы, с тех пор как я была ребенком, я хотела противостоять этому человеку. А теперь, у меня, наконец, появился шанс, и мне обязательно «повезет», что он не проснется, чтобы поговорить со мной. Вероятно, он даже не узнает меня. И черт, он, возможно, даже не имеет ни малейшего понятия о том, кем был мой отец. Это было так давно, что даже если он и проснется, то, скорее всего, и не вспомнит подробностей. Несмотря на то, что я думала, будто эти двое мужчин были близки, существовала вероятность, что я, скорее всего, ошибалась. В конце концов, кто убил его лучшего друга?

Я посмотрела на Флинна и поняла, что всего лишь несколько часов назад, он сделал тот же самый выбор. Конечно, ситуация сильно отличалась. Я была уверена, что там была совершенно иная предыстория. Он спасал меня. Спасал мою жизнь. А, насколько мне известно, мой отец умер безо всякой причины. Безусловно, ничто не сравнится с тем, что произошло раньше.

Причина, по которой я думала, был убит мой отец, заключалась в том, что он общался с полицией. Возможно. Я не была в этом уверена. Хотя, по слухам он и был осведомителем, тому не было никаких доказательств. И я искала. Годами. Но, увидев, произошедшее между Флинном и Колином, я задумалась, что возможно они ошиблись. Мой отец был верным человеком. Хорошим человеком. И я не представляла, что он мог сдать своих братьев.

— Понимаю, — сказала я, подготавливая себя к крупному разочарованию. — Поживем — увидим.

Это было лучшее, что мы могли бы сделать. Я не могла вернуться в прошлое, мне приходилось мириться с тем, что мы имели. Попытка не пытка. Возможно, мы застанем Донала О'Брайена в удачный момент. И, может быть, он сможет дать мне ответы, которые я столько лет пыталась найти.

Возможно, я, наконец, найду успокоение, которое так долго искала.

Или, возможно, не найду.

Но я должна была постараться.

— Это частное поместье моего отца, — сказал Флинн. — Он держал его в тайне ото всех, кроме ближайших родственников. И из-за его уязвимого состояния, с тех пор как здоровье сильно пошатнулось, мы решили, что лучше держать его подальше от глаз общественности. Пусть он проведет свои последние дни в покое на тот случай, если какой-нибудь заклятый враг решит свести старые счеты, в то время как мой старик слишком слаб, чтобы дать отпор.

Флинн стрельнул в меня взглядом и засмеялся.

— Что? — спросила я. — Ты намекаешь, что я — этот заклятый враг?

— Возможно, — ответил он. — Ты же не планируешь убивать моего дорогого старика, не так ли?

Все эти годы подобная мысль часто приходила мне в голову, но я была не таким человеком. Я не была мстительной. Равно как и хладнокровным убийцей. Знания того, что Донал О'Брайен был при смерти, было достаточно. Конечно, я не хотела позволить ему уйти в мир иной, не получив проклятые ответы, столь необходимые мне.

— Конечно, нет. По-твоему, я похожа на убийцу?

— Ну...

Я шутливо ударила Флинна по руке.

— Я спасла тебе жизнь, засранец, — сказала я. — Ты бы предпочел, чтобы я оставила его в живых?

Флинн наклонился вперед и поцеловал меня, тем самым заглушив мой смех.

— Хорошо, но только не слишком обольщайся, — сказал он. — В конце концов, он умирающий старик.

— Знаю, знаю, — сказала я со вздохом. — Мне просто нужно постараться сделать все возможное.

Я проследовала за Флинном в дом и изо всех сил старалась не таращиться. Это было огромное поместье, гораздо интереснее, чем я себе представляла, учитывая то, где я выросла, и дом, в котором, как мне помнится, много лет назад жил Донал О'Брайен.

— Похоже, он преуспел, — сказала я, восхищаясь величественным входом.

— Вполне. Синдикат оказал ему любезность, — сказал Флинн. — И мне. До недавнего времени, разумеется.

Его лицо омрачилось при упоминании о братстве. Несомненно, он все еще был уязвлен произошедшим. Но когда я огляделась, то восхитилась. Подумать только, мой отец мог бы жить такой жизнью, умирая от старости в гигантском доме за пределами центра Чикаго. Скрытно, уединено и в дали от всех. Флинн кивнул людям у двери — крупным мужчинам, которые, очевидно, были вооружены. Похоже, он это и имел в виду, когда говорил, что его старик беспокоился о неожиданном появлении врагов.

— За ним ведется круглосуточный уход, — сказал Флинн. — Мы оборудовали его спальню практически, как больничную палату. У него не было желания проводить последние месяцы жизни в доме престарелых. Не то чтобы я виню его. Думаю, это было бы ужасно.

Я тоже не могла винить его, особенно учитывая, что, очевидно, у него было предостаточно денег, чтобы все это оплатить.

Мы прошли мимо великолепной величественной лестницы, настолько красиво вырезанной из дерева, что у меня перехватило дыхание. Мраморные полы во всю площадь были покрыты рысаками, которые выглядели так, словно только что прибыли из стран Ближнего Востока. Прекрасные произведения искусства украшали стены. Дом источал аромат денег и шика. Это было великолепно. И подумать только, это все могло бы быть моей жизнью.

Сердцу было больно от осознания того, что подобное могло бы быть и у меня, но еще больнее было знать о крови, пролитой ради того, чтобы у О'Брайена была возможность жить в такой роскоши.

Крови моего отца.

Флинн заговорил, выдернув меня из мыслей.

— Его комната когда-то была наверху, — сказал он, указывая на лестницу. — Но мы переместили все на главный уровень, чтобы ему было проще. Не то чтобы он сейчас встает с

постели, но когда-то...

Глаза Флинна наполнились слезами, и его голос срывался от эмоций, когда он говорил о своем отце. Было трудно принять тот факт, что он говорил о человеке, который убил моего отца. И все же, я ничего не могла поделать с чувством жалости к нему. Никто не желал бы смотреть на то, как умирают их родители, не важно, какими монстрами они могли бы быть по отношению к другим. Для Флинна он был папой и навсегда им останется. И я понимала, что, если я хотела построить будущее с этим мужчиной, мне нужно было с этим смириться.

Построить с ним будущее. Я покачала головой и усмехнулась про себя от одной мысли об этом. Не могла поверить, что это действительно происходило. Я, на самом деле, думала о том, чтобы построить будущее с Флинном. Мужчиной, которого хотела засадить за решетку до конца его жизни. Жизнь порой бывает забавной, это точно.

Флинн кивнул медсестре, когда она вышла из комнаты с мягким выражением удивления на лице. Но она кивнула в ответ и легко улыбнулась ему.

— Флинн, рада Вас видеть. Мы не ждали Вас этим вечером, — сказала она, улыбнувшись, но одарив меня странным взглядом, словно пыталась, не показавшись невежливой, выяснить, кто я.

— Знаю, Шейла, — сказал он мягко. — Но кое-что произошло, и мне, возможно, придется ненадолго покинуть город. Я просто хотел попрощаться с отцом. На тот случай, если у меня не получится вернуться к нему до того...

— Да, да. Я поняла, — сказала она. — Ваш отец проснулся несколько минут назад, но я дала ему лекарство на ночь, так что он может сразу заснуть. Но Вас, скорее всего, обрадует то, что этим вечером он был в ясной памяти.

— Замечательно, — сказал Флинн. — Я просто хочу попрощаться, только и всего.

Я крепко сжала руку Флинна. Первоначальная причина, по которой мы были здесь — я. Но сейчас, я поняла, насколько важно было и для Флинна увидеть своего отца. Когда медсестра отошла, Флинн встал, неподвижно уставившись на дверь. Словно он только осознал, что ему придется переступить через порог.

— Что случилось? — спросила я, нежно погладив его по спине.

— Я не посещал его несколько месяцев, — сказал он. — Всегда был очень занят. Но, честно говоря, полагаю, я просто не хотел видеть его таким. Но сейчас...

Неужели я действительно хотела вмешаться в такой особенный момент для человека, которого я любила? Войдя внутрь и поговорив с Доналом О'Брайеном, я могла получить столь необходимые мне ответы, но также могла испортить последнее воспоминание Флинна о его отце. Я разрывалась, и чувство вины снова глубоко засело в моем сердце.

— Хочешь пойти туда один? — Мой голос был тихим, потому что я не доверяла себе произнести эти слова. Сердцем я понимала, что поступала правильно. Но в глубине души, необходимость сказать это убивала меня, потому что я так долго ждала этой возможности.

— Нет, — сказал Флинн, к моему облегчению. — Я не могу. Мне важно, чтобы ты была рядом со мной, или я никогда не смогу войти в эту дверь.

Флинн вздохнул, медленно потянувшись к ручке двери, и все мое тело напряглось, пока я наблюдала за ним. Я ожидала, когда же откроется дверь. Это был момент, которого я ждала на протяжении всей своей жизни. Разговор с этим человеком укоренился в моей голове. Я неоднократно, на протяжении многих лет репетировала его и знала, что именно хотела сказать Доналу О'Брайену.

Но теперь молилась, лишь бы мне только хватило смелости пройти через все это. И

глядя на лицо Флинна, я не была уверена, смогу ли. Я не была уверена, смогу ли испортить, возможно, последнюю встречу сына с отцом.

Да, жизнь может быть забавной, но также, и порядочной сухой.

30

Флинн

Человек на больничной койке не был похож на моего отца. По крайней мере, не на того человека, которого я помнил. Безусловно, его глаза были теми же, глубоко посаженными и темными, но его лицо было бледным и осунувшимся. Я подумал, что, скорее всего, он спит, но когда мы вошли, он заговорил, его голос звучал на удивление твердо и четко.

— Кто здесь?

— Это я, па, — ответил я, подойдя к нему. И в случае, если он не узнал меня (у него бывали провалы в памяти эти дни), я добавил, — твой сын Флинн.

— Флинн?

Я опасался худшего. Опасался, что он меня не вспомнит, что означало бы, что мои последние минуты с ним были бы бесполезны, также как и для него и Эйвы, у которой были свои собственные вопросы. И они были намного важнее, чем мои мгновения с ним.

— Да, па, — сказал я. — И я привел с собой друга.

Он прищурился, словно пытался увидеть нас, но у него были проблемы со зрением. Я подошел поближе к кровати, на свет, держа Эйву за руку. Мой отец смотрел на меня и улыбался.

— Это ты, сын, — сказал он, потянувшись к моей руке. Сухой кашель заставил его тело содрогнуться, и он убрал руку, чтобы прикрыть рот, пока приступ не стих. — Я сомневался, что увижу тебя снова.

Я опустился на колени возле него, взяв обе его руки в свою. Будь прокляты микробы, мне нужно было поддержать его, обнять в последний раз. Ему нужно было знать, что я был здесь с ним, и несмотря ни на что, все еще любил его.

— Я знаю, и мне жаль. Я был эгоистом. Не хотел видеть тебя в таком состоянии, — сказал я, сильно закрыв глаза.

— Все в порядке, сын. Я не хотел, чтобы ты вспоминал меня вот таким. Я бы предпочел, чтобы ты помнил меня таким, каким я был прежде, — сказал он тихо. — Кто с тобой? Девушка?

Я кивнул, и в глазах появились слезы. Да, слезы. Как бы тяжело и неловко это ни было, я должен был слушать, как женщина, которую я любил, расспрашивала моего отца об убийстве ее отца. Не уверен, могло ли быть что-то хуже этого.

— Да, па. Это моя девушка, — ответил я. Я почувствовал, как Эйва крепко сжала мое плечо, приободряя меня своим присутствием и прикосновением. — Ее зовут Эйва.

Эйва заговорила из-за моей спины.

— Эйва Финли, — сказала она.

— Финли, — задумчиво проговорил мой папа. — Фамилия звучит знакомо. Ты из этих мест?

Эйва кивнула:

— Да.

— Ирландское имя... легкий ирландский акцент... — Мой отец складывал все это в единое целое, даже в своем слабом состоянии и частых провалах памяти. — Я знал твоего отца?

Эйва издала тихий звук, вздох, смешанный с всхлипом, и я оглянулся на нее и увидел, как по ее мягким, гладким щекам потекли слезы.

— Да, сэр. Знали, — сказала она. — Его звали Майкл Финли.

— Эйва, Эйва... О, Боже, Эйва, — сказал мой отец, его кашель становился все сильнее.

Все его тело сотрясалось от приступа кашля, и казалось, что он задыхался. Мы с Эйвой стояли, не зная, что делать, и чувствовали себя беспомощными, не понимая, что предпринять. В конце концов, приступ утих, и он откинулся на подушки, его лицо выглядело бледнее и еще более осунувшимся, чем прежде.

— Так, вы помните меня? — спросила она, как только прекратился кашель. — Вы помните, кто я?

— Помню, — мягко сказал мой отец. — И мне так жаль. Так жаль.

31

Эйва

Его извинения сильно поразили, став для меня сюрпризом. По какой-то причине, я ожидала борьбы со стариком. Какая-то часть меня думала, что он никогда не вспомнит моего отца, не говоря уже обо мне. Я никогда и не думала, что он прожил всю свою жизнь, вспоминая (не говоря уже о чувстве вины) о жизнях, которые забрал. Я могла лишь вообразить, насколько жалким и мучительным было бы подобное существование, но, честно говоря, не было похоже, что Донал О'Брайен провел жалкую, мучительную жизнь.

Я стиснула зубы и прикусила язык. Вся речь, заранее приготовленная мной, была ответом на конфронтацию, но никак не на извинения. Тем более от человека, находящегося на смертном одре, и с его сыном, стоящим возле него. Все шло наперекосяк, и весь мой заранее спланированный, отрепетированный монолог негодования, казалось, полетел в трубу. Перед лицом того, что казалось искренним и душевным раскаянием, я практически потеряла дар речи.

Но если я хотела получить ответы, мне нужно было использовать возможность. И незамедлительно.

— Почему мой отец? — наконец, удалось мне спросить, мой голос звучал надломленно и разбито. — Почему? Я думала, вы с ним были друзьями, думала о вас, как о семье...

— Эйва, ты не понимаешь, — сказал он. — Ты очень многого не знаешь. Не можешь себе представить.

— Чего я не знаю? Я видела все собственными глазами, вы выстрелили в моего папу и оставили его умирать, — заплакала я. — Я видела, что случилось.

Донал посмотрел на своего сына, и на его лице была написана боль. На нем отразилось неподдельное мучение, и, по какой-то причине, я почувствовала вину за то, что стала причиной этого. Но я не была уверена, было ли это из-за понимания, что Флинн влюблен в женщину, отца которой он убил, или из-за чего-то еще, но что-то явно расстроило старика. И расстроило сильно.

— Майкл Финли был моим хорошим другом, но, также, он был и предателем, — сказал

Донал, его голос был напряженным. — Он — тот, кто сдал нас копам. Я гораздо сильнее, чем ты думаешь, сожалею о том, что мне пришлось сделать. Но это было необходимо для всеобщего блага.

— Из-за того, что он был доносчиком? Этой причины было достаточно, чтобы убить своего друга? — спросила я.

Мои руки были прижаты к бокам, и меня охватила темная, непреодолимая ярость. Мне так сильно хотелось ударить что-нибудь, причинить кому-нибудь боль, вроде той, от которой я страдала в течение многих лет.

Донал обратил на меня свои темные глаза.

— Я мало что помню с тех времен, Эйва, но этого не забуду никогда. Потому что твой отец стал причиной, по которой моя жена — мать Флинна — мертва.

Тело Флинна напряглось, челюсть сжалась, и он заговорил сквозь стиснутые зубы.

— Это он был тем стукачом, который привел полицию в наш дом? — Я видела, как внутренняя ярость исказила его лицо, и понимала, что эта ярость была настолько же темной и глубокой, как и та, что текла по моим венам.

— Да, сын, — сказал он. — Это был он.

Флинн стряхнул мою руку со своего плеча и встал. Это было похоже на пощечину, и я изо всех сил старалась сдержаться, чтобы из меня не выплеснулось все многообразие испытываемых в данный момент эмоций. Я даже приблизительно не могла определить, что чувствовала. Грусть? Гнев? Ярость? Я была в замешательстве и сбита с толку этой путаницей.

Не глядя на меня, Флинн сказал:

— Я хотел бы побыть наедине с отцом. Пожалуйста.

Его голос был холодным, отстраненным, что было совсем на него не похоже. Он даже не взглянул на меня, и это было больнее, чем я готова была признать.

— Эйва, могу я побыть наедине со своим отцом? — повторил он, его голос был словно лед. — Ты получила ответы, так что надеюсь, теперь ты счастлива.

Мое сердце разбилось. Я приглушила всхлип, вырывающийся из меня. Флинн наконец-то повернулся ко мне с выражением, которое меня напугало, выражением, которое заставило меня подумать, что возможно, все было потеряно, и все, на что я надеялась, закончилось. И все потому, что мой отец был причиной смерти его матери.

— Флинн, пожалуйста, поговори со мной, — попросила я.

— Оставь нас одних, Эйва, — сказал он, свирепо посмотрев на меня. — Мне нужно немного времени наедине с моим отцом.

— Но я тоже потеряла своего отца, — попыталась я защититься. — Мы оба потеряли тех, кого любим. Это не наша с тобой вина, но...

Флинн сжал кулаки, и на короткий миг, я испугалась, что он может что-нибудь сломать. Я никогда не боялась, что он может обратить эту злость на меня. Никогда не испытывала страх, что он ударит меня. Но никогда прежде не видела у него такого выражения. И это напугало меня. Оно было настолько злым и сильно отличалось от всего, что я когда-либо прежде видела на его лице.

Я отступила к двери, подальше от Флинна. Я не была женщиной, которая отступала перед лицом страха. Никогда не позволяла себе быть запуганной. Но я понимала, что сейчас я находилась на вражеской территории и не знала положения дел. Никто не знал, где я, и если все пойдет не так, никто не придет, чтобы спасти мою задницу. Целесообразнее пока

отступить и посмотреть, к чему в итоге все приведет. Посмотреть, осталось ли что-то, что можно собрать и вновь сложить воедино.

— Я не имела никакого понятия, Флинн. Пожалуйста, поверь мне. — Мои глаза наполнились слезами, в то время как я смотрела на мужчину, которого любила. — Я люблю тебя, Флинн. И никогда не лгала тебе об этом.

Флинн пересек комнату и схватил меня за плечи, заставив вздрогнуть, когда прижал меня к двери. Его глаза ярко и кровожадно сверкали, он зажмурился и покачал головой, словно пытаясь избавиться от опасных мыслей, вращающихся в его голове.

— Я знаю это, Эйва, — выдавил он из себя, его голос натянутый и напряженный. — Я не виню тебя. Мне просто нужно время переварить все это. Я всего лишь прошу немного времени.

Я заметила, он не сказал мне в ответ, что любит меня. Это умолчание чертовски уязвляло, но я напредила себе, что это касается не только меня. Я кивнула, прикусив губу.

— Хорошо, я выйду наружу и дам вам немного пространства.

Флинн отошел от меня и вернулся к отцу, не удостоив меня даже взглядом. Не говоря уже о слове. Я стояла и наблюдала, как Флинн положил голову на кровать возле своего отца, по-прежнему тихого и молчаливого. Донал О'Брайен положил руку на голову сына, успокаивая его, даже когда сам с трудом дышал.

Я открыла дверь и вышла в коридор, осторожно закрыв ее за собой. Прислонилась к стене, мои глаза были полны непролитых слез. Так больно. Кто знал, что получив ответы, которые я так отчаянно искала, я найду столько боли и страданий для всех? Не только для себя, но и для мужчины, которого любила?

Я всегда знала, что мой отец сотрудничал с полицией, и было не слишком трудно поверить в продолжение истории Донала, зная этот единственный факт. Что делало все это еще более болезненным.

Я прислонилась к стене и сползла вниз, прижав колени к груди, пока плакала. Не уверена, как долго я так просидела, справляясь со всем произошедшим. Все эти годы я желала ответов. Это было то, что двигало мной. Съедало меня. Теперь я получила их, и не уверена, что это означало для моего будущего.

Пока я сидела там, пытаясь контролировать слезы и боль в сердце, я услышала голоса в конце коридора, возле входа в дом. Сначала я проигнорировала их, предположив, что они принадлежали охране или прислуге Донала.

Но наострила уши, услышав, как кто-то сказал:

— Они дальше по коридору.

Невнятный ирландский акцент спросил:

— И они понятия не имеют, что вы работаете на нас, не так ли?

Я медленно поднялась у стены. Потихоньку. Последнее, что я хотела или в чем нуждалась — создать шум или каким-то образом привлечь к себе внимание. Кто бы это ни был, они точно пришли не для светской беседы. Они были тут из-за нас.

— Абсолютно, — ответил другой мужской голос. — Поскольку они считают, что мы преданы старику.

— Хорошо. Спасибо, что сообщили нам, — сказал ирландец. — Мы непременно закончим побыстрее. И не беспокойтесь, мы отправим кого-нибудь прибрать тут все.

— Вполне справедливо.

Мое сердце пустилось вскачь, когда я услышала звук шагов по плиточному полу. Я тихо

повернула ручку и открыла дверь. Войдя внутрь и бесшумно закрыв за собой дверь, я мельком заметила, что голова Флинна все еще покоится на кровати. Он посмотрел на меня, когда я вошла, и, видимо, глаза выдали мой страх, потому что гнев на его лице практически мгновенно испарился.

Флинн встал, поспешив ко мне:

— Эйва, что случилось?

— Они здесь, — сказала я, прижавшись телом к двери.

Флинну даже не потребовалось меня спрашивать кто. Он понял. Вполне возможно, все это время он ждал их.

— Ну ладно, — сказал он, его голос был спокойнее, чем я ожидала, учитывая обстоятельства. Он потянулся за мою спину и запер дверь спальни.

— Лезь через окно, — сказал он мне. — Сейчас же.

Я подбежала к окну и открыла его, от свежего ночного воздуха у меня побежали мурашки. Мне нужно было вытащить москитную сетку, но Флинн помог мне, когда позади нас повернулась дверная ручка. Они были в коридоре за дверью. Широко раскрыв глаза, я уставилась на Флинна, ожидая дальнейших указаний. У меня не было с собой оружия, и я почувствовала себя совершенно незащищенной. Уязвимой.

Флинн подбежал к столу позади кровати своего отца и открыл ящик. Он достал два пистолета, протянув один мне.

— Возьми это, — сказал он шепотом. Он также передал мне ключи от машины. — Иди к машине и уезжай, Эйва. Убирайся отсюда. Иди. Сейчас же.

— А как же ты? — спросила я.

— Я догоню тебя, — сказал он. — Просто иди, а я догоню тебя. Не беспокойся обо мне.

Я проскользнула через окно как раз в тот момент, когда позади нас начали выламывать дверь. Я приземлилась на ноги и побежала к машине, высматривая любые фигуры в темноте вокруг себя. У меня не было времени оборачиваться, дабы не проглядеть кого-то, выходящего из тени, но я вздрогнула, и мое сердце заколотилось, когда я услышала выстрелы в доме.

Флинн сказал, что догонит меня, но действительно ли он собирался это делать? Добравшись до машины, я проскользнула вдоль стены, прячась ото всех, кто мог быть впереди. Ждала, послушавшись приказов Флинна. Я затаилась, у меня был пистолет, и я знала, как обороняться. Я дождусь его. Не позволю ему разбираться со всем этим в одиночку.

Я ждала и смотрела, но не видела никаких признаков Флинна. Выстрелы прекратились, и на территории поместья воцарилась тишина. Затишье было жутким. Опустившись на корточки рядом с машиной, я ждала, мое сердце билось так сильно, что я боялась, что оно выпрыгнет из груди.

Либо Флинн выйдет живым, либо его враги. В любом случае, я бы получила ответ. Это, по-видимому, была тема ночи. Я понимала, что, в конце концов, кто-то обязательно выйдет из дома, и собиралась быть готовой к любому повороту.

Но сейчас, была только я.

Это была неизмеримо сложная задача, но я старалась сохранять спокойствие — прекратила плакать, молилась, чтобы Флинн вышел из дома живым и невредимым. Вероятно, он остался, чтобы защитить своего отца и дать отпор, но что это означало для него? Что стало с ним?

Я ни в коем случае не собиралась оставлять его.

32

Флинн

После того как Эйва оказалась снаружи, на пути к безопасности, я остался на месте. Не мог оставить своего отца незащищенным перед теми, кто находился за дверью (хотя отлично понимал, кто это был). Когда раздался звук ломающегося дерева и слетающих петель, я увидел знакомое лицо — Рэд — человек, которого я когда-то обожал. Человек, которым я восхищался и боготворил. Человек, на которого я стремился быть похожим. И когда он посмотрел на меня, я смог ясно увидеть в его глазах боль и испытываемое противоречие. Если бы по ту сторону этой двери был справедливый Рэд, то я мог бы попытаться поговорить с ним логически. Разумно. Мог бы спасти свою жизнь.

Но он был не один. С ним был Патрик МакКрари, один из приятелей Колина. Он также, по всей видимости, был в курсе всего, чем занимался Колин.

— Мне жаль, — сказал я, подняв пистолет и направив его в грудь Патрику.

Его глаза широко раскрылись от удивления, словно он не ожидал увидеть меня здесь с пистолетом. Выражение удивления на его лице усилилось, и я спустил курок и развязал стрельбу с адским звуком. Рэд не произвел ни единого выстрела, хотя уже раза четыре мог бы убить меня. И когда запах пороха, густой, как дым от ствола моего пистолета, наполнил воздух, двое пришедших с ним мужчин рухнули. Их тела с глухим стуком ударились о пол. Они были повержены, и Рэд опустил пистолет. Он сдался.

— Я не могу, — сказал он со слезами на глазах. — Я не могу сделать это с тобой. Не на глазах у твоего старика.

Я держал пистолет наготове, направив его на Рэда, на случай, если он изменит свое мнение и все-таки выстрелит.

— Флинн, пожалуйста, скажи мне, что не делал этого, — попросил он. — Поклянись на жизни своего отца. Просто скажи мне чистую правду.

— Я не стукач, Рэд, — сказал я. — Никогда бы так не поступил со своими братьями. Никогда в жизни.

— Что насчет девушки? Она федерал? — спросил он. — Она сдала нас?

— Я понятия не имел, что она федеральный агент или коп под прикрытием, — признался я. — Она на моей стороне.

— Флинн, никто не поверит, что ты был настолько слеп, — сказал Рэд, покачивая головой.

— Пусть будет так, — сказал я. — Не могу изменить прошлого.

— Это ты убил Колина? — спросил он меня.

Моя рука дрогнула. Я не мог заставить себя ответить на этот вопрос, по крайней мере, не полностью.

— Он подставил меня, Рэд. И привел врага к моей двери, чтобы убить меня. Что мне оставалось делать?

Рэд покачал головой, затем посмотрел на моего отца.

— Ты веришь ему, старик?

— Мой сын никогда не лжет, — ответил отец.

— Да, я тоже ему верю, — ответил Рэд. — Проблема в том, что другие не будут в этом так уверены. Не с мертвым и неспособным ответить на все это Колином.

— Я знаю, — сказал я тихо. — Я никогда не смогу вернуться, не так ли?

— Возможно, однажды, — сказал Рэд и пожал плечами. — Никогда не знаешь наверняка. Все меняется, парень.

Но я понимал, что это ложь.

— Ну, полагаю, это прощание, — сказал я, наконец, опустив пистолет.

— Полагаю, что так, — сказал Рэд. — Постарайся не убить еще кого-нибудь, ладно?

Я засмеялся, сухим звуком, лишь частично похожим на смех.

— Постараюсь. — Еще одна ложь сорвалась с моего языка. В мафии не существовало простого способа избежать смерти. И когда ты предал свое братство — точно так же, как это открыто сделал Рэд, появившись в доме моего отца с гребаным Патриком МакКрари — смерть будет быстрой.

— Лучше поторопись, пока не пришли другие, — сказал он. — Забирай свою девчонку и валите отсюда.

Я посмотрел вниз на своего умирающего отца, не желая покидать его. Он потянулся и взял меня за руку, видя ту неуверенность, с которой я столкнулся. Рэд был одним из его старинных друзей, человеком, который был на его стороне с тех пор, как десятилетия назад он создал синдикат О'Брайена. Но его предательство не останется безнаказанным, и мой законный долг — убедиться в этом.

— Давай, сынок. — Мой отец кивнул с выражением одобрения.

— Слушай своего отца, мужик, — сказал Рэд. — Братство не шутит. Ему следует знать. Тебе следует знать.

— И тебе следует знать, Рэд, — спокойно сказал я, направив пистолет между его глаз. — Ты думал, просто придешь сюда с МакКрари и увильнешь? Я знаю, Колин был гребаной крысой, и, увидев, как ты прибыл на вызов с пушками наперевес, можно с уверенностью предположить, что ты такой же вероломный ублюдок.

— Реш... — Его слова застыли на мертвых губах, когда пуля расколола его череп. Рэд рухнул с тяжелым звуком, его тело неловко приземлилось на тело МакКрари. Боль раскаяния пыталась заполнить меня, но я видел так много гребанных кровопролитий, так много предательства и вероломства, что это был еще один долбаный день из жизни мафии.

— Флинн, — сухой, хриплый голос моего отца вырвался, когда он попытался схватить мое запястье слабым и вялым захватом.

— Тебе нужно уходить, сейчас же. Это приказ, сын. — Он изо всех сил старался произносить слова, его дыхание ухудшалось с каждым последующим мгновением.

Я не хотел оставлять своего отца, но Эйва была снаружи одна. И если Рэд был прав насчет того, что за нами идут другие, у нее могут возникнуть проблемы, если я вскоре не заберу ее оттуда.

— Я люблю тебя, па, — сказал я со слезами на глазах.

— Я тоже люблю тебя, сынок, — сказал он.

Это были последние слова, которые мы сказали друг другу. Оглянувшись в последний раз, я вылез через окно и побежал к машине, которая, к моему великому сожалению, все еще была припаркована на подъездной дорожке. Эйва была упрямой, волевой женщиной. Это была одной из тех вещей, которые я любил в ней.

Я присел на корточки в тени, когда увидел приближающиеся фары другого автомобиля,

и молился, чтобы Эйва надежно спряталась. Я не видел ее, но не мог слишком настойчиво искать ее глазами в этот момент. Когда автомобиль остановился, и члены синдиката высыпали из него и ворвались в дом моего отца, я побежал к машине, надеясь, что найду Эйву, спрятавшуюся внутри.

Не было никаких признаков того, что она скрывалась в тени за пределами автомобиля, и это заставило мое сердце стремительно стучать в груди. Я потянулся и схватил дверную ручку, обнаружив ее незаблокированной. Открыв водительскую дверь настолько быстро, насколько мог, я чуть было не выхватил пистолет и не выстрелил, когда Эйва закричала и навела свой пистолет мне в лицо.

— Это я, — сказал я, сохраняя голос низким и опуская пистолет, мое сердце билось с частотой миллион ударов в минуту.

Она уронила оружие, широко раскрыв глаза, полные слез. И как только она увидела мое лицо, улыбнулась, вздохнув с облегчением, что не нажала на курок. Прежде чем я осознал, что произошло, она затащила меня в машину, и я как можно тише закрыл дверь. Она притянула меня ближе и поцеловала, долго и настойчиво. Для этого было неподходящее время, и я понимал, что нам пора уходить, но это было потрясающе, и я, так же настойчиво, поцеловал ее в ответ. Это был поцелуй, наполненный сильными эмоциями, и ничто в этом мире не могло нас разлучить.

Хорошо, почти ничто.

— Нам пора уходить, — сказал я, отодвинувшись от нее.

Она больше не задавала никаких вопросов и не протестовала. Она понимала, что, продолжая здесь сидеть, мы рисковали жизнями. Эйва проскользнула на пассажирское сиденье, и я быстро завел автомобиль. Понимая, что звук зажигания предупредит братьев, я вдавил передачу, и мы помчались вниз по дороге, не думая ни о каком конкретном месте назначения.

Все, что имело для меня значение — она. Я потянулся и сжал ее руку.

— Я люблю тебя, Финн О'Брайен, — сказала она.

— И я люблю тебя, Эйва Финли.

— Даже после того, что ты узнал этим вечером? — спросила она. — После того что ты выяснил?

— Даже после всего этого. Даже грехи наших отцов не разлучат нас. Никто из нас не имел ничего общего с тем, что произошло много лет назад. Во всем этом нет нашей вины, — сказал я, целуя ее руку. — Но у меня к тебе есть один вопрос, милая.

— И какой же? — стрельнула обеспокоенным взглядом она в меня.

— Куда мы отправимся? В любую точку мира, просто скажи, и мы будем там к завтрашнему дню.

— Куда угодно? — спросила она меня, откинувшись на спинку сидения.

— Куда угодно. И ты можешь стать, кем только пожелаешь, — сказал я. — Это начало чего-то нового для нас двоих. Новый мир. Новая жизнь. Жизнь, в которой мы будем честны друг с другом. Во всем.

Она улыбнулась:

— Звучит довольно приятно.

— Да, так и есть.

Я практически не мог перестать смотреть на нее, то, как луна освещала ее бледную кожу и отражалась в ее изумрудных глазах. И даже с ее дико растрепанными волосами после

всего произошедшего, она все еще была для меня самой прекрасной женщиной в мире. Я не врал, когда говорил, что ничто не разлучит нас. Она не была своим отцом, также как и я не был моим. Вместе мы создадим новую жизнь, без обид и насилия.

Сосредоточившись лишь на любви, а не на ненависти.

Эпилог

Эйва

Уставившись на бирюзовые воды Средиземного моря, я все еще не могла поверить, что мы были здесь. Маленький остров в Греции стал местом, где мы решили обосноваться. По крайней мере, пока. Мы решили убежать от всего и скрыться в величественной красоте деревеньки в окружении одного из прекраснейших водных объектов, который я когда-либо видела.

Наш маленький райский остров по большей части был свободен от туристов. Мы могли просто проживать свои жизни: я — за компьютером, за написанием своего романа, как всегда и мечтала, а Флинн — перебиваясь мелкими подработками то тут, то там, просто чтобы не умереть от скуки. Но мы жили на деньги от его прежней жизни — деньги, которые он скрыл на различных оффшорных счетах. Неважно, чем мы занимались или куда решили отправиться, мы собирались быть готовыми к жизни. Его прежняя жизнь была очень прибыльной.

На данный момент, нашим домом стала средиземноморская вилла. А завтра, кто его знает?

Флинн подошел сзади, обняв меня за талию, и поцеловал в шею, что сразу послало по моей спине настолько сильную дрожь, как и тогда, когда он сделал это впервые. Флинн все еще имел огромную власть надо мной — власть, которую я была готова отдавать ему. По крайней мере, в небольших дозах.

Поскольку все знали, что мы — Пол и Лиз Винчестер, муж и жена, наша настоящая свадьба состоялась конфиденциально, лишь мы вдвоем на утесе с видом на Средиземное море. Мы поженились только с технической точки зрения. Согласно нашим паспортам, мы уже были в законном браке. Но хотели, чтобы это было действительно официально, поэтому обменялись кольцами и принесли друг другу клятвы в романтической церемонии, наблюдая за закатом на море. Это был один из самых романтических дней моей жизни. Тот, который я никогда не забуду.

Он поглаживал мой живот, пока целовал. Жизнь внутри меня росла с каждым днем. Когда Флинн впервые сказал, что всегда хотел детей, я не поверила ему. С той жизнью, которую он вел, кто бы мог подумать, что он захочет иметь семью? Я считала, что жена и дети должны были бы ограничить преступный образ жизни, которым он, как казалось, наслаждался, по крайней мере, когда-то. Но по мере того, как я его узнавала, все менялось. И вот теперь, мы были в нескольких месяцах от рождения нашего сына или дочки, и Флинн не мог быть счастливее.

И, если честно, я тоже.

Это была не та жизнь, о которой я когда-то мечтала, но лишь потому, что я никогда бы не осмелилась мечтать о таком потрясающем будущем. Я всегда хотела быть полицейским, сделать что-то хорошее и найти ответы на те вопросы, которые так долго терзали меня. И

теперь, получив их, я могла двигаться дальше. Я могла сосредоточиться на том, что любила, в покое, с человеком, которого любила наперекор всему.

Жизнь — забавная штука. Да, она может быть той еще сволочью. Но если вы открылись ей и позволили этому случиться, то она может стать восхитительно прекрасной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net